

41

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ СОВРЕМЕННОГО
СОЦИАЛИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ В. П. ВОЛГИНА

Т. II, III
1906. 3199
№ 3916

Т. II, III
568

СЕН-СИМОН

ЭР9
С 31

37

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

(1819—1825)

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

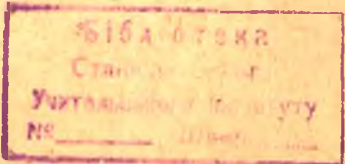
А. И. РУБИНА, Л. С. ЦЕТЛИНА И С. С. ЦЕТЛИНА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ В. П. ВОЛГИНА

41
3916

+

14 НОЯ 1941
Инвентарная № 6523

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ПЕТРОГРАД

Нижгублит № 130.

Гиз № 4118.

Тираж—7000.

Н.-Новгород Нижполиграф 1923.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I.

«Коммунистический Манифест» относит учение Сен-Симона к числу систем собственно коммунистических и социалистических¹⁾. Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит о Сен-Симоне, как об одном из основателей социализма²⁾. Таким образом, право Сен-Симона на почетное место в истории социалистических идей признано за ним самими творцами научного социализма. Представление о Сен-Симоне, как о гениальном социалисте-утописте, распространено весьма широко и прочно укоренилось. И однако это представление не может считаться обоснованным. Для того, чтобы признать Сен-Симона социалистом, нет достаточных данных. Своеобразный и интересный мыслитель, Сен-Симон, — через свою школу, приведшую в стройную и законченную систему беспорядочную грудку оставленных им социальных идей, — оказал большое влияние на дальнейшее развитие социализма. Обойти его молчанием в истории социалистических учений невозможно. Но сам он социалистом не был, и причисление его к социалистам свидетельствует лишь о чрезвычайно низком уровне, на каком стояло вплоть до начала XX века изучение истории социализма.

Сен-Симон стал писателем, имея уже в прошлом сложную и разнообразную карьеру, в возрасте за сорок лет. Его биография — не только история его индивидуального развития, но и история социального и интеллектуального развития Франции конца XVIII века. Все перипетии последнего — иногда очень неожиданно — нашли себе отражение в этой исключительно характерной биографии. Происходя из старой феодальной семьи (до конца дней своих Сен-Симон не забывал, что он родственник Карла Великого), Сен-Симон получил прекрасное воспитание под руководством одного из крупнейших ученых-энциклопедистов д'Алам-

¹⁾ «Коммунистический Манифест», пер. под ред. Д. Рязанова. 1922, стр. 59.

²⁾ «Анти-Дюринг», русск. пер. изд. «Просвещения», стр. 347—350.

бера. Затем—обычная для знатного молодого человека того времени военная служба, но в совершенно новой, необычной обстановке американской революции. Так причудливо сплетаются в судьбе Сен-Симона старые феодальные традиции с влияниями нового буржуазного мира, контуры которого смутно вырисовываются в литературных построениях Энциклопедии, чтобы затем впервые отчетливо реализоваться на глазах у юного французского офицера в революционной Америке, столь непохожей на старо-режимную Францию. О том, с какой восприимчивостью впитывал и как сочетал в себе Сен-Симон эти влияния, можно судить по роившимся в его голове в эту эпоху планам, соединявшим в себе технические замыслы крупного хозяйственного значения с отважностью завоевательной авантюры прошлых веков. Таков был предложенный им мексиканскому вице-королю проект канала, соединяющего Атлантический океан с Тихим,—проект, осуществление которого стало возможным лишь в пору наивысшего расцвета капиталистического мира.

Революция 1789 года увлекает Сен-Симона своей политической стороной лишь в первый момент. Он уже очень скоро отходит от политической борьбы и со свойственной ему порывистостью бросается в новое, несколько неожиданное дело—в спекуляцию национальными имуществами. Захватывает ли его спекуляция только тем, что она дает ему возможность продолжать широкую барскую жизнь, или его и здесь пленяет размах операций, азарт завоевателя-авантюриста на новом поприще капитализма,—сказать трудно. Во всяком случае, в его жизненном опыте отмечается новая грань, отвечающая определенной грани в социальном развитии его эпохи. Барская жизнь, которую он ведет, не есть, однако, жизнь человека, лишенного высоких умственных интересов. Он пользуется своими средствами, чтобы усвоивать путем непосредственного общения с самыми выдающимися умами своего времени высшие достижения научной мысли, пополняя таким образом, пробелы своего образования.

Этот второй, революционный, период жизни Сен-Симона заканчивается его разорением. Частью вследствие ряда внешних условий, частью вследствие полного отсутствия способности копить и сберегать, столь несвойственной его широкой натуре капиталиста-барина, к началу XIX века Сен-Симон оказывается нищим. Последние двадцать лет своей жизни он живет то случайным заработком, то случайными подачками, то за счет своих друзей. И как раз на это время полуголодного существования падает его литературная деятельность. Сен-Симон был склонен толковать всю свою жизнь до 1802 года как ряд сознательно проделанных опытов, которые были ему необходимы для того, чтобы приступить во всеоружии понимания окружающей действительности к построению системы. Это, конечно, не так. Не заранее обдуманый план, а кипучая натура бросала Сен-Симона во все его разнообразные начинания. Но совершенно бесспорно, что эти опыты, действительно, дали необходимые условия возникновения сен-симоновской системы, что без

них было бы для Сен-Симона невозможно обнаруженное им глубокое понимание социальной действительности и задач социальной науки. То новое, что дал Сен-Симон в своих произведениях, что отличает его от до-революционных и революционных социальных мыслителей, представляет результат учета с точки зрения новых общественных сил двух величайших переворотов конца XVIII и начала XIX века: французской революции и промышленного переворота,—политической и экономической победы буржуазии. Чтобы правильно оценить и учесть то и другое, мало было личной одаренности, нужно было непосредственное жизненное соприкосновение с революционными политическими и экономическими процессами, нужна была широта не только умственного, но и житейски-практического горизонта,—широта, которая так сближает Сен-Симона с первым представителем социалистической мысли нового времени—Томасом Мором.

II.

Если мы не можем верить Сен-Симону, когда он объясняет все перипетии своей карьеры заранее поставленной общей жизненной задачей, то, вступая 42-х лет на путь литературной деятельности, он, несомненно, такую общую задачу себе ставил. Это была задача создания новой философии, новой энциклопедии, которая должна была на основе всех приобретений отдельных точных наук дать новое широкое обобщение положительного характера в отличие от Энциклопедии XVIII века, цель которой была по существу отрицательная: не создание новой системы, а разрушение старой. Но философия у Сен-Симона не есть лишь высшее теоретическое обобщение, она является в то же время высшим практическим руководителем, организацией философии—организацией жизни. В сущности лишь в этом своем втором качестве она Сен-Симона и интересует, новая философская система создается им как новая система общественных отношений. Учение Сен-Симона проникнуто активностью в самой высокой мере, пассивная созерцательность ему совершенно чужда.

Эту связь философии с жизнью отнюдь не следует понимать так, как понимали ее французские рационалисты XVIII века. Для них было характерно противопоставление существующего строя и строя разумного, естественного. Задачу общественной философии они видели в том, чтобы открыть вечные и неизменные законы этого естественного строя. С их открытием в жизни общества должен воцариться разум, господство которого сменит собою господство невежества, неразумия. Вся эта концепция Сен-Симону совершенно чужда. Учение Сен-Симона не знает общественного строя, естественного для человека вообще, вне условий времени и пространства. Учение Сен-Симона не знает и резкого разрыва между неразумием настоящего и прошедшего и разумом грядущего. Но зато он знает совершенно чуждую рационализму идею *закономерности* общественного развития,—идею, порожденную опытом революционных десятилетий и освященную великими достижениями естественных наук.

Идея закономерности—основной стержень системы Сен-Симона. Детерминизм—руководящий принцип научной методологии, совершенно бесспорный в области наук физических. Сен-Симон настаивает, что он должен быть перенесен и в область истории, если она хочет быть наукой. Существует закон жизни человечества, который может быть установлен научно, и знание которого дает нам возможность предвидения в области явлений социальных, как и в области явлений физических. Этот высший закон все увлекает и над всем господствует. Люди для него—только орудия. Хотя он действует через людей, но не в их власти уклониться от его влияния или овладеть его действием. Новая система общественных отношений, которую возвещает Сен-Симон, не есть, следовательно, как то было у рационалистов, система, отвечающая вечным требованиям разума; она—необходимое следствие и естественное продолжение всей прошлой истории ¹⁾. Она должна осуществиться в силу самого хода событий ²⁾. Цель истории как науки и состоит в том, чтобы дать человечеству возможность от того, что произошло, заключать о том, что будет ³⁾.

В этом закономерном историческом процессе философские системы занимают вполне определенное и весьма важное место. Философия каждой исторической эпохи определяет ее социальную и политическую систему. «Основная задача философов заключается в том, чтобы постигнуть наилучшую для данной эпохи систему общественного устройства, чтобы побудить управляемых и правящих принять ее, чтобы усовершенствовать эту систему, поскольку она способна к совершенствованию, чтобы низвергнуть ее, когда она достигнет высшей степени своего совершенства,—низвергнуть и построить из нее новую при помощи материалов, собранных учеными специалистами в каждой отдельной области» ⁴⁾. В приведенных словах в сжатой форме выражен ряд мыслей, чрезвычайно характерных для исторической теории Сен-Симона. Эта историческая теория—теория явно идеалистическая. В ней правят миром философские идеи, имеющие своей основой достижения отдельных наук, следовательно, достижения человеческого разума. Поскольку Сен-Симон устанавливает это положение, он как будто просто повторяет своего ближайшего предшественника, влияние которого на сен-симонизм должно быть отмечено,—Кондорсе. Но философия у Сен-Симона не есть нечто единое, само себе равное. Философия развивается, и в ее рамках развивается жизнь. Каждая данная философская система возникает не случайно в голове того или иного случайного гениального мыслителя. Она возникает закономерно на основе успехов наук и потребностей общества. Философ не выдумывает ее, а постигает. Постигнутая, она усваивается обществом, как наилучшая для данной эпохи, существует, пока общество может в ее рамках развиваться, затем разрушается, что-

¹⁾ Oeuvres choisies, III, 191.

²⁾ Oeuvres choisies, II, 379.

³⁾ Oeuvres choisies, II, 196.

⁴⁾ Oeuvres choisies, III, 217-218.

бы дать место новой, соответствующей новому уровню знаний, новой эпохе.

В подтверждение того, что философско-историческая система Сен-Симона должна быть отнесена к числу идеалистических, можно привести цитаты из произведений Сен-Симона всех эпох его литературной деятельности. Политические системы возникают, по Сен-Симону, не случайно, а в силу закона прогресса человеческого разума¹⁾. Поэтому, устойчивым порядком может быть только порядок, согласный с состоянием просвещения²⁾. Состоянием просвещения определяются пределы власти и возможных ее достижений³⁾. Средневековую теологическую и феодальную систему создали и ввели в жизнь философы, предварительно разрушившие старые системы, в свое время так же созданные античными, греческими и римскими философами⁴⁾. Необходимые средства для создания всякой новой общественной системы дает прогресс знаний⁵⁾. Таким образом господство военных в свое время было необходимо в силу низкого интеллектуального развития европейцев и в силу прогресса знаний перестало быть необходимым⁶⁾. Подобного рода замечаний можно найти у Сен-Симона сколько угодно.

Правда, на-ряду с ними мы встречаем иногда фразы и обороты мысли, дававшие некоторым исследователям повод причислять Сен-Симона к первым провозвестникам материалистического понимания истории. Так, выясняя причины упадка значения старой военной знати и роста авторитета промышленников, он связывает эти явления с перемещением собственности из рук первых в руки вторых. Перемещение собственности он в свою очередь объясняет чисто хозяйственными причинами⁷⁾. Основную причину великой французской революции он видит в изменении соотношения общественных сил как в результате интеллектуального прогресса, так и в результате прогресса экономического⁸⁾. И тем не менее, на основании этих указаний не приходится говорить не только о материализме, но даже о дуализме концепции Сен-Симона. Дело в том, что само хозяйственное развитие всегда мыслится им как в существе развитие интеллектуальное, как одно из проявлений умственного прогресса. Рост промышленности, рост власти человека над природой—результат применения общей системы знаний⁹⁾. Если данные Сен-Симоном характеристики отдельных моментов конкретного

1) Oeuvres choisies, III, 379.

2) Oeuvres choisies, III, 12.

3) Oeuvres choisies, III, 105.

4) Oeuvres choisies, III, 218.

5) Oeuvres choisies, III, 252.

6) Oeuvres choisies, III, 277—278.

7) Du système industriel, Paris 1822, стр. 47.

8) Эта мысль повторяется много раз. Напр. Du système industriel, 50—51.

9) Особенно отчетливо в Opinions (1825 г.). Oeuvres choisies, III, 232—240, а также в Mémoire II, passim.

исторического процесса, действительно, как мы еще увидим, содействовали уяснению реальных движущих сил истории, то общая его философско-историческая концепция не терит на всем протяжении его работы идеалистического характера.

Каждая новая общественная система,—в основе философская система,—есть шаг вперед в развитии общества. Это развитие мыслится Сен-Симоном как развитие, аналогичное развитию человеческого организма. Общество человеческое, подобно человеку, с момента своего возникновения совершенствуется, достигая в конце концов зрелости ¹⁾. В первом периоде детства все сосредоточено на еде, все силы направлены на добывание пищи; добывание пищи является главным занятием народов, стоящих на первой ступени цивилизации. В следующем периоде детства ребенок начинает увлекаться ремеслами: он охотно возводит каменные насыпи, прорывает каналы и т. п. Этому периоду соответствует та ступень цивилизации, на которой стоял древний Египет с его пирамидами. В юношеском возрасте у человека является склонность к изящным искусствам: всякий молодой человек пробует свои силы либо в поэзии, либо в музыке, либо в живописи. Той же склонностью отличались древние греки. Вступая в период физической зрелости, человек пробует свои силы, определяет их пределы в борьбе с природой. Аналогию этому периоду составляет римская цивилизация. Затем деятельность человека становится медленнее, но правильнее, воображение слабеет и растут силы рассудительности. То же переживает последовательно и человечество ²⁾.

Процесс совершенствования, медленный и равномерный, прерывается в определенные моменты бурными кризисами, свойственными также и процессу развития индивидуума. Мы уже знаем, чем эти кризисы вызываются. Общественная система до известного момента отвечает состоянию человеческих знаний, цивилизации, в ее пределах человечество может развиваться. Поскольку это так, система существует и совершенствуется. Но затем человечество ее перерастает, между ее основами и состоянием цивилизации образуется разрыв,—наступает период критики, разрушение системы, за которым следует период построения нового здания, соответствующего высшему уровню, достигнутому цивилизацией.

Своим изображением роста человечества как процесса, аналогичного росту человека, Сен-Симон напоминает Руссо. Но от системы Руссо система Сен-Симона отличается своим оптимизмом. Для Руссо золотой век был позади, современное человечество, по его мнению, переживает период старческого одряхления. Сен-Симон самым горячим образом протестует против этой идеи. «Золотой век,—говорит он,—который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас» ³⁾.

¹⁾ Oeuvres choisies, III, 261 и след.

²⁾ Oeuvres choisies, II, 105—107.

³⁾ Oeuvres choisies, III, 215, Эпиграф к «Opinions».

Человечество не регрессирует, но прогрессирует. Оно вступает сейчас в свой зрелый возраст¹⁾. Повидимому, вопреки аналогии с организмом и в противоположность учению Руссо, Сен-Симон вовсе не считает необходимым для человечества одряхление и упадок даже в отдаленном будущем.

Каковы же признаки прогресса, в чем он выражается? Для того, чтобы судить о том, прогрессирует или регрессирует человечество, необходимо иметь какие-то критерии для оценки сменяющих одна другую общественных систем. Таких критериев Сен-Симон устанавливает четыре. «Лучшее общественное устройство—то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, возможно счастливее, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей. Это такое общественное устройство, при котором достойнейшие люди, внутренняя ценность которых наиболее велика, располагают максимумом возможностей достичь высшего положения, независимо от того, куда их поместила случайность их рождения. Это затем такое общественное устройство, которое объединяет в одно общество наиболее многочисленное население и предоставляет в его распоряжение максимум средств для сопротивления иноземцам. Это, наконец, такое общественное устройство, которое приводит в результате покровительствуемых им трудов к наиболее важным открытиям и к наибольшему прогрессу цивилизации и наук»²⁾. Пользуясь этими критериями, Сен-Симон и доказывает превосходство каждой общественной системы над системой, ей предшествующей, тем самым подтверждая свою концепцию прогресса.

III.

Установив основные положения философско-исторической системы Сен-Симона, посмотрим, как применяет он эти положения к объяснению конкретного исторического процесса.

«Золотой век находится впереди нас»,—говорит Сен-Симон. Само собою разумеется, что с перенесением золотого века из прошлого в будущее рушится свойственная XVII и XVIII в.в. теория естественного состояния как состояния изначального совершенства человеческого рода. Сен-Симону не только чужда эта теория. Он первый устанавливает ее близость к религиозному учению о рае и о грехопадении, смело сопоставляя учение Руссо с учением «богословов»³⁾. Первый период развития человечества, когда все усилия направляются на добывание пищи, мало останавливает на себе внимание Сен-Симона. Он посвящает ему лишь несколько мало содержательных строк в «*Mémoire sur la science de l'homme*»⁴⁾. Момент, с которого изучение исторического процесса при-

¹⁾ Вполне точно: социальный возраст французского народа соответствует 21-му году. *Oeuvres choisies*, III, 187.

²⁾ *Oeuvres choisies*, III, 221.

³⁾ *Oeuvres choisies*, II, 100.

⁴⁾ *Oeuvres choisies*, II, 97—99.

обретает значение для познания будущего,—а в этом цель истории,— это момент установления рабства ¹⁾. Рабство было само по себе громадным шагом вперед, так как оно пришло на смену простому истреблению побежденных. Но оно еще более важно по своим последствиям. Оно дало возможность выделиться из общей массы господствующему классу, который, подучив досуг, смог заниматься усовершенствованием умственных способностей. Оно таким образом создало условия для прогресса человеческого разума, а следовательно, и для прогресса вообще.

Установление рабства связано с большой системой религиозно-философского характера—с политеизмом. Этой системе предшествует система идолопоклонства. Но на последней Сен-Симон останавливается так же мало, как и на истории первобытного человечества вообще. Политеизм не сразу и не целиком вытесняет идолопоклонство. Новая система усваивается сначала только учеными, которые выделяются в особую корпорацию жрецов. Для общенародного употребления они сохраняют фетишизм, внутри своей корпорации развивая новую систему. Эта двойственность ясно видна на примере Египта, где особенно резко была проведена грань между мыслящими и верующими ²⁾. Распространение среди народных масс политеистическая система получила лишь позже—у древних греков. У них политеизм, организатором которого Сен-Симон считает Гомера, стал всеобщей религией ³⁾. На этой религиозной системе, как на основе, выросла система политическая. Последняя была срисована с первой. Даже республиканские конституции греческих городов представляются Сен-Симону подражанием Олимпу, который тоже был республиканским собранием.

Политеистическая система была крупным шагом вперед. Но сама по себе она была все же весьма несовершенна. Значительная часть народов древности жила в полном рабстве, господа имели над этой частью право жизни и смерти. Рядом со светской властью, властью вооруженных, возникла уже духовная власть, власть ученых. Но светская власть продолжала нераздельно господствовать, духовная власть была ей всецело подчинена. Власть (как светская, так и духовная) передавалась по наследству в пределах военного класса патрициев, для плебеев возвышение было совершенно невозможно. Пределы государств политеистической системы были чрезвычайно ограничены и они были, поэтому, очень непрочны. Наконец, и в научной области народы древности успели весьма мало. Правда, они уже занимались политикой как наукой, но они не пришли к познанию той истины, что руководством в общественной жизни должна быть мораль, и что, поэтому, духовная власть должна господствовать над светской ⁴⁾.

¹⁾ Oeuvres choisies, III, 188.

²⁾ Oeuvres choisies, II, 104.

³⁾ Oeuvres choisies, II, 107—108.

⁴⁾ Oeuvres choisies, III, 232.

На смену политеизма должен был прийти монотеизм, учение об единой управляющей миром причине. Творцом монотеистической системы был Сократ ¹⁾, этот величайший из существовавших когда-либо людей. Но монотеизм не мог сразу сменить политеизм. Утверждению монотеизма предшествовал длительный кризис, сильнейший из всех известных в истории. Этот кризис был вызван сменой общей идеи, переходом от идеи многобожия к идее единобожия. Окончательно утвердился монотеизм в форме христианства, над созданием которого трудились не только иудеи, но и платонники, и установили его римляне. С точки зрения Сен-Симона не республиканская эпоха, а эпоха империи дает место римлянам среди великих исторических народов.

Основная идея христианства—*братство людей*. Этот моральный принцип при проведении его в жизнь нужно было смягчить применительно к умственному и нравственному уровню масс того времени ²⁾. Но все же средневековая феодально-богословская система, в основу которой было положено смягченное, приниженное христианство, представляла крупнейший шаг вперед в развитии человечества. Отмечая пристрастия средневекового строя, Сен-Симон резко порывает с рационалистической традицией XVIII века и соприкасается с той реабилитацией средних веков, какую давали реакционеры. Но сходство с последними здесь только внешнее. Как мы увидим, для Сен-Симона средневековый порядок—далеко не идеальный порядок. Он лишь выше того, которому он пришел на смену,—античного. Античный строй утверждал полное рабство, средневековый подготовил освобождение рабов, превращая их в крепостных. В античных государствах духовная власть стояла на втором месте, в средневековых она заняла господствующее положение. В античных государствах власть была привилегией патрициев, в средневековых она оказалась доступна плебеям, поскольку они были допущены в ряды духовенства, носителя высшей власти. Античный строй мог создать значительно меньшие и более слабые общественные организации: он погиб, поэтому, от варваров, средневековый строй, наоборот, их себе ассимилировал ³⁾. Если мы видим здесь по-прежнему военную власть меньшинства—патрициев—над большинством—плебеями, если сохраняются еще остатки рабства, то это было неизбежно. Иначе при невежестве большинства осуществление полностью принципа братства привело бы к анархии и разрушению общества ⁴⁾. Кроме того военные—феодалы—были действительно руководителями масс в главной отрасли мирных трудов того времени—в сельском хозяйстве, как богословы—в научной деятельности ⁵⁾.

¹⁾ Oeuvres choisies, II, 110—111.

²⁾ Oeuvres choisies, III, 232—233.

³⁾ Oeuvres choisies, III, 221—232

⁴⁾ Невежество массы и ее неспособность управлять, по мнению Сен-Симона, является основной причиной установления военного режима меньшинства. Oeuvres choisies, III, 277—278.

⁵⁾ Oeuvres choisies, III, 237, 303, а также 77 и след.

Создание прочной общественной организации, окончательно сложившейся к XIII веку (до IX века шло разрушение античной системы, в чем много помогли варвары, от IX до XIII века—строительство феодально-богословской системы)¹⁾, дает возможность гораздо более быстрого прогресса человеческих знаний, освобождая духовные силы, занятые ранее защитой общества. Этот прогресс идет в двух направлениях: теоретическом и практическом. Накопляются и углубляются знания законов, управляющих явлениями, с одной стороны, усовершенствуется их применение в полезной промышленной деятельности человека—с другой. Небывалого до тех пор расцвета достигают обе отрасли деятельности человечества к XV веку. С XV века успехи цивилизации перерастают рамки старой, феодально-богословской системы, для дальнейшего прогресса необходима ее дезорганизация. Система уже выполнила свое назначение, ее руководящие силы—духовенство и дворянство—дали все, первое—в области интеллектуальной, второе—в области военной деятельности. Их значение непрерывно падает с ростом значения новых групп, выдвигаемых ходом цивилизации: представителей светской науки, ученых, и представителей мирного труда,—промышленников²⁾.

В «Катехизисе промышленников» в характеристику старых и новых общественных слоев вплетается по отношению к Франции элемент национальный. Старое дворянство—завоеватели франки, промышленники—покоренные галлы. Возможно, что на Сен-Симона влиял в этом вопросе его ученик, известный историк О. Тьерри, для которого характерно такое изображение генезиса общественных классов. Обратное влияние представляется менее правдоподобным, так как и в более ранних (напр., «Mémoire sur la science de l'homme», 1813), и в более поздних («Opinions», 1825) произведениях Сен-Симона мы находим в применении к классам средне-векового общества лишь термины патриции и плебеи,—термины, устанавливающие генетическую связь между системой феодально-богословской и системой античной. Возникновение и развитие промышленников и ученых в среде плебейства, упадок и разложение дворянства—патрициата, тракуются как явления общие, а не только свойственные истории Франции, и в этой общей трактовке лишен интереса вопрос о национальном происхождении той и другой группировки, национальная окраска является чем-то для них случайным.

До XV века в обществе господствуют богословские идеи, носителем которых является духовенство. Естественно, что духовенство пользуется властью над умами и правами. К XV веку и особенно начиная с XV века, человеческий разум, разрабатывая опытные науки, перешедшие в Европу от арабов, делает ряд открытий, которые дают материал к построению новой системы³⁾. Общество постепенно освобождается из-под господства богословия, все больше становится удельный вес светских

1) Oeuvres choisies, III, 232.

2) Oeuvres choisies, III, 75 и сл.; ibidem, 235 и сл. 302 и сл.

3) Oeuvres choisies, III, 241.

ученых, развивающих светские науки. Между тем официальная власть остается в руках старых богословов. В обществе возникает внутреннее противоречие, которое выражается в борьбе нового, научного элемента со старым, богословским. Начинается критика феодально-богословской системы—прежде всего ее духовной, богословской стороны. Лютер, Коперник, философы XVIII века—все это этапы критической, дезорганизаторской работы, которая была необходима, ибо без нее нельзя было построить новой системы, соответствующей новым завоеваниям человеческого разума.

Вслед за критикой духовной стороны феодально-богословской системы идет критика ее светской стороны, феодальной организации как таковой. Пока знать руководила сельско-хозяйственными работами, важнейшими по тому времени, ей естественно принадлежала власть. Однако, начиная с XV века, плебеи не только сделали громадные успехи в теоретических знаниях, они научились их практическому приложению, полезному для общества, и выдвинулись на первое место руководителей промышленных предприятий. Та опека, в которой знать держала плебеев, потеряла с этого времени всякий смысл. Бессмысленной стала эта система, которая представляет собою какой-то опрокинутый вверх дном мир: способнейшие находятся в классе управляемых, класс правителей состоит из людей посредственных. Но для того, чтобы установилось нормальное положение,—система, соответствующая изменившемуся в результате прогресса цивилизации соотношению общественных групп,—необходимо было европейским обществам пережить длительный процесс разрушения старого феодального мира, процесс, только начало которому было положено критикой Коперника и философов¹⁾.

Разрушение феодального и богословского строя есть, следовательно, по Сен-Симону, процесс двусторонний, хотя в основе его и лежит нечто единое: прогресс человеческого разума. Это, во-первых, чисто идеологическая критика; это, во-вторых, сопровождающая ее и воодушевляемая ею борьба реальных общественных сил. В первой активная роль выпадает на долю ученых, во второй—на долю промышленников. Во Франции подъем влияния промышленников Сен-Симон отмечает с эпохи крестовых походов, которые разорили знать и дали возможность промышленникам откупиться от ее господства, которые повысили спрос на продукты промышленности и содействовали скоплению в руках промышленников средств, необходимых для освобождения. Ко времени Людовика XI существовал уже отчетливо отмежевавшийся от других общественных слоев и достаточно сильный класс промышленников. В его состав входили невоенные землевладельцы, сами обрабатывавшие свою землю, освободившиеся и объединившиеся в городах ремесленники и, наконец, торговцы. Со времени Людовика XI этот класс вступает в борьбу с феодалами, при чем сразу же находит себе союзника в лице королевской власти. Людовик XI был основателем союза между королем Фран-

¹⁾ Oeuvres choisies, III, 302—305.

ции и промышленностью против знати. И королевская власть в его лице и промышленники были одинаково заинтересованы в устранении феодальной пестроты в управлении, в установлении единой, прочной власти, какой могла быть только королевская власть. Естественный союз королевской власти и промышленности с этих пор не прерывался в течение веков. Даже Людовик XIV, вопреки своей репутации, не нарушал этой основной политической линии французских королей: ведь именно при нем Кольбер помогал промышленникам создавать большие фабрики и строил на государственные средства прекрасные мануфактуры, именно при нем была учреждена Академия Наук, которой было дано специальное поручение оказывать содействие промышленным трудам ¹⁾).

Класс промышленников, все более преуспевающий, отвоевывающий все новые и новые позиции у феодального строя, получил законченную организацию лишь в XVIII веке, с образованием нового вида промышленности, частные интересы которой были тождественны с общими интересами всей промышленности. Этот вид промышленности—банковое дело. Земледельцы, фабриканты и торговцы до возникновения банков составляли отдельные корпорации. Банк объединил их в единой системе кредита, придав тем самым классу промышленников, взятому в целом, такую денежную силу, какой не обладают ни все остальные классы вместе, ни даже государство ²⁾). Эта мысль об организующей роли банков, брошенная Сен-Симоном, получила дальнейшее развитие у его учеников. В системе сен-симонистов банки играют роль не только силы, организующей промышленность. Они—единственное противоядие, которое выработала существующая сейчас система, против раздражающей ее анархии, элемент будущего организованного строя в настоящем. Они сохраняются и в этом будущем строе как главный аппарат по управлению производством, соответственно изменив свой характер, освободившись от стимула индивидуального обогащения и став учреждением общественным ³⁾).

Между тем как класс промышленников окончательно организуются и становится вполне способным взять в свои руки власть, старые господствующие классы окончательно дезорганизуются. Решительный удар им нанесла французская революция, основной причиной которой и было изменение в соотношении общественных сил, начавшееся с XV века и закончившееся к XVIII веку. Действительное соотношение сил было таково: реальная светская власть в руках промышленников, реальная духовная власть в руках ученых. Политический строй отвечал не этому реальному положению, а тому, которое существовало много веков тому назад: в этом политическом строе по-прежнему наибольшим удельным весом пользовались дворянство и духовенство. В течение сто-

1) Oeuvres choisies, III, 78 и сл. а также Du système industriel, passim

2) Oeuvres choisies, III, 85—87; 246.

3) «Изложение учения Сен-Симона», русск. пер. Гос. Издат. 1923 стр. 129 и след.

летий шла гражданская и моральная революция, и она сделала неизбежной революцию политическую. Задача этой революции состояла в том, чтобы привлечь к непосредственной политической власти те силы, которые получили в обществе реальное преобладание. Было необходимо взять власть из рук дворянства и духовенства и передать ее в руки промышленников и ученых. Королевская власть, которая всегда, как мы уже видели, была союзницей промышленников, должна была и на этот раз стать на их сторону. По мнению Сен-Симона, она так и сделала: недаром Людовик XVI предоставил третьему сословию двойное представительство. Таким образом революция началась хорошо. Но затем она уклонилась с истинного пути, и потому привела к неудовлетворительным результатам: довершив дело дезорганизации старого феодального и богословского строя отменой феодальных привилегий, провозглашением свободы совести и т. п. мерами, она не построила новой, промышленной и научной, системы. Разрешение этой задачи еще предстоит ¹⁾.

В чем же причина незавершенности французской революции? Основной ее недостаток состоит в том, что она не передала власти в руки промышленников и ученых, достаточно для этого созревших, а поставила во главе государства два промежуточных слоя: метафизиков и законников (легистов). Эти промежуточные слои образовались в процессе разложения старого общества и сыграли в свое время положительную роль. Потребность в них создавалась необходимостью приспособления старого строя к нуждам общественного развития в тот период, когда промышленники и ученые не были еще достаточно сильны, чтобы взять власть в свои руки. Легисты смягчили феодальную юстицию в интересах промышленности и не раз защищали промышленность в старых парламентах от сил феодализма; метафизики смягчили старое богословие, сохранив ряд религиозных положений, но открыв за их пределами двери свободному суждению. Без этого смягчения норм феодально-богословского строя было бы невозможно развитие в его недрах промышленности и науки. Ко времени французской революции роль легистов и метафизиков была уже сыграна: с их помощью промышленники и ученые выросли в господствующую силу и должны были стать непосредственно господствующим классом общества. Однако, резкие и решительные переходы от одной системы к другой, ей противоположной, очень трудны. Промышленники, привыкшие видеть в промежуточных слоях легистов и метафизиков защитников интересов общественного развития, решили передать власть в ответственный момент в их руки. Между тем эти группы были по самому существу неспособны к построению новой системы. Легисты, изощрившиеся в изобретении способов защиты промышленности во враждебном ей строе, занялись созданием системы гарантий и сдержек, которые должны были обеспечивать интересы промышленников, вместо того, чтобы прямо все поставить на службу промышленности. Метафизики занялись поисками наилучшей возможной

¹⁾ Du système industriel, 51 и сл.

власти, соответствующей промышленным или общим принципам. И те, и другие только так и могли действовать. Их нельзя за это упрекать. Но, как бы то ни было, революция, попав в несоответствующие руки, не привела к построению промышленной и научной системы вместо феодальной и богословской. Она только довершила разрушение последней, оставив страну в неорганизованном состоянии. Необходимо сделать дальнейший шаг вперед, уже созидательного характера,—шаг, который должен завершить революцию¹⁾.

Аналогичным, хотя и не тождественным путем шло в последние столетия развитие Англии. Здесь развитие промышленности привело после революции XVII века к созданию компромиссного строя. Английское правление—это феодальное правление, приуроченное, насколько возможно, к нуждам промышленности. Власть осталась в руках феодального класса, дворянства, которое соединилось с промышленниками против королевской власти, тогда как во Франции промышленники соединились с королевской властью против дворян. В английской системе смешаны два принципа, и это смешение ведет к целому ряду конкретных дефектов, свидетельствующих о болезненном состоянии английской нации. В доказательство Сен-Симон приводит факты, говорящие о продажности английского парламента и о болезненной страсти к деньгам, распространенной среди англичан. Именно потому, что в Англии феодальная система сделала все возможные уступки промышленной, она там существует дольше, чем во Франции. Французские промышленники больше, чем английские, заинтересованы в смене системы, а французские феодалы гораздо меньше способны к сопротивлению, чем феодалы английские, в борьбе с королем сосредоточившие в своих руках всю власть. Первой к промышленному режиму должна перейти Франция, а за нею последует Англия²⁾.

Мы видим, что у Сен-Симона основным содержанием исторического процесса с XV века является борьба общественных классов. Эта трактовка истории новой Европы не находится в противоречии с изоб-

1) Du système industriel, V и сл.; 51 и сл. В «Катехизисе промышленников» промежуточный класс получает наименование буржуазии, а в его состав входят кроме легистов военные-разночинцы и землевладельцы-разночинцы. Разрушив старый феодализм, этот класс восстанавливает затем феодализм в свою пользу, делая буржуа королем, а своих членов, оделяя титулами герцогов, графов, баронов и т. д. Oeuvres choisies, III, 93.

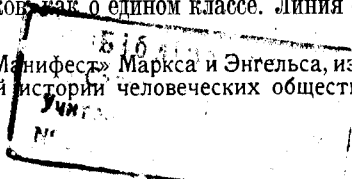
2) Oeuvres choisies, III, 122—149. Такую характеристику английского развития мы находим в «Катехизисе промышленников». В более ранних произведениях Сен-Симон более высоко оценивает английскую конституцию. Так, в «Mémoire sur la science de l'homme». 1813, он высказывает ту мысль, что именно английская организация придет на смену феодальному режиму у всех европейских народов. Oeuvres choisies, II, 116.

ражением более ранних стадий общественного развития. Антагонизм между промышленниками и феодалами—новая форма того же антагонизма, какой существовал между патрициями и плебеями¹⁾). В учении Сен-Симона, как и в учении Маркса, классовая борьба есть общий признак всякого исторического человеческого общества. Где-то на заре истории теоретически мыслится общество бесклассовое, но о нем трудно сказать что-либо определенное. На истории XV—XVIII в.в. Сен-Симон останавливается дольше, дает классам этого периода более конкретную, специально хозяйственную характеристику. Поэтому, для развития теории классовой борьбы эта часть построения Сен-Симона имеет наибольшее значение, она оказала наибольшее влияние на дальнейшее развитие как исторической науки вообще, так и социалистической философии истории в частности.

Признавая всю внутреннюю значительность теории Сен-Симона, мы должны, однако, тут же подчеркнуть два пункта, в которых она давала неясную, двусмысленную характеристику общественных отношений новой Европы. Первый пункт—вопрос о возникновении общественных классов. На этот вопрос у Сен-Симона нет вполне отчетливого ответа. Если даже мы отметим, как случайную, мысль о связи классов нового французского общества с завоевателями—франками и покоренными—галлами, если мы будем иметь в виду те сочинения Сен-Симона, где он стремится дать общее изображение хода исторического процесса,—и в этом случае мы должны будем убедиться, что Сен-Симон безнадежно путается в своих объяснениях. Отмечая хозяйственный момент в характеристике классов и причин их роста и упадка (феодалы—не только военная защита общества, но и организаторы сельского хозяйства, их значение падает с утратой ими хозяйственных функций, удельный вес промышленников повышается с их хозяйственными успехами и т. д.), Сен-Симон, будучи последователен, должен был бы в той же хозяйственной деятельности искать и самые корни общественных классов. Если бы он сделал этот шаг, он неизбежно пришел бы к материалистическому пониманию истории. Но Сен-Симон этого шага не делает, его общая концепция остается идеалистической. Поэтому вопрос остается без ответа по-существу, ибо ссылки на политеизм в объяснение классового строения античного общества, на христианство в объяснение строя феодально-богословского, конечно, таким ответом считаться не могут. И материалистические рассуждения о росте промышленности, и теория франкского завоевания остаются в системе Сен-Симона наращениями, очень интересными, но логически не связанными с основами его исторической теории.

Второй пункт, поражающий в теории классов Сен-Симона своим несоответствием реальным взаимоотношениям его эпохи, это—его представление о классе промышленников как о едином классе. Линия основно-

1) Ср. «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса, известную характеристику предшествовавшей истории человеческих обществ.

го деления общества проходит у Сен-Симона между утратившими хозяйственное и политическое значение, превратившимися в тунеядцев и паразитов представителями правящих групп феодального общества—и промышленниками, в число которых входят все трудящиеся в производстве как в качестве физических рабочих, так и в качестве предпринимателей. Его деление общества двучленно, а не трехчленно—в соответствии с представлением о борьбе двух порядков: феодального и промышленного. Между двумя основными классами существуют, правда, промежуточные (легисты, землевладельцы не дворяне и т. п.), которые иногда получают у Сен-Симона общее наименование буржуазии¹⁾. Но эти классы не играют существенной роли в экономике общества. Промышленный строй, идущий на смену феодальному, мыслится Сен-Симоном, как строй окончательный, лишенный внутренних противоречий. Не должно быть, поэтому, внутренних противоречий и в том классе, который является творцом этого нового строя.

Сен-Симон слишком тонкий наблюдатель, чтобы не видеть того, чего не могли не видеть даже мыслители XVIII века: в среде нового общества, идущего на смену старому, феодальному, резко бросается в глаза различие между двумя группами. Одни обладают собственностью, другие ею не обладают. Наличие этих групп Сен-Симон констатирует уже в первом своем произведении²⁾. Участием людей, не имеющих собственности, объясняет он здесь разрушительный характер французской революции. Ему ясно не только существование не-собственников в современном ему обществе, он отличает господствующее политическое направление этой группы: это—страсть к равенству. Тот же ряд мыслей находим мы и в более поздних «Письмах к американцу» в 1817 году. В этом произведении имеется уже и термин пролетарии с определением «невежественные» в применении к не-собственникам. И опять указывается, что пролетарии, вдохновляемые страстью к равенству, опрокинули феодальный строй, но затем, захватив в свои руки власть, показали, что может быть нечто худшее, чем старый режим³⁾. В дальнейших произведениях Сен-Симона эта концепция французской революции отступает в тень перед той, какую мы изложили выше. Оценка пролетариата существенно меняется. Сен-Симон тщательно доказывает зрелость французского пролетариата, проявившего большие способности к управлению имуществами во время французской революции. Эти способности сказались как в области земледелия, так и в области промышленности. В первой области несколько тысяч пролетариев сразу перешли

1) Помня своеобразие терминологии Сен-Симона, не следует придавать несвойственного ей значения антитезе «промышленников» и «буржуазии». В состав промышленников входит вся буржуазия в нашем смысле этого слова за исключением рантье (собственники, не руководящие промышленностью).

2) «Письма женевого обитателя», 1802 г. Oeuvres de S-Simon et d'Enfantin, XV, 26.

3) Oeuvres de S.-Simon et 'Enfantin, XIII (I), 178

в разряд собственников, и это нисколько не отразилось на обработке земли, наоборот, земля стала приносить более обильные урожаи, чем в прежние годы. Во второй области французская промышленность только потому могла подняться после революции, что место старых предпринимателей, раздавленных революцией, было занято большим количеством новых людей, вышедших из рядов простых рабочих. Следовательно, пролетарии не представляют более опасности для общественного спокойствия и не нуждаются в опеке ¹⁾).

Таким образом отношение Сен-Симона к пролетариату на протяжении его литературной деятельности не остается одним и тем же. Но самое существование пролетариата как группы, отличной от группы собственников в пределах промышленного класса, Сен-Симоном нигде не отрицается. И тем не менее, он не выделяет пролетариат в особый класс. Те различия, казалось бы, весьма существенные, какие существуют между пролетариями и предпринимателями, представляются ему чем-то внешним, а антагонизм между ними—основанным на взаимном непонимании. По существу, интересы руководителей промышленных предприятий совпадают с интересами народных масс. Улучшение морального и физического существования бедного класса сопряжено с увеличением, а отнюдь не с уменьшением наслаждений класса богатого ²⁾). «Предприниматели промышленных работ оказываются, в силу природы вещей, руководителями и представителями взглядов большинства» ³⁾). Этим совершенно голословным утверждением разрешается у Сен-Симона весьма реальное общественное противоречие, спасается единство промышленного класса и, следовательно, перспектива мирного построения новой общественной системы. Конечно, до известной степени возникновение идеи солидарности интересов предпринимателей и рабочих может быть отнесено за счет недостаточного развития во Франции начала XIX века промышленного капитала и недостаточной четкости демаркационной черты, отделяющей в эту эпоху пролетариев от независимых товаропроизводителей—мелких ремесленников и крестьян. Конечно, сохранить концепции солидарности было легче в такой обстановке, чем в обстановке второй половины века. Но внутренний мотив, который заставил Сен-Симона, обычно столь прозорливого, закрывать глаза на факты ему хорошо известные, здесь гораздо важнее. Сен-Симон, как творец новой социальной системы, чувствовал практическую потребность доказать, с одной стороны, отсутствие внутренних противоречий в ней, с другой—возможность и необходимость ее безболезненного, мирного установления совместными усилиями всех элементов общества, кроме ведущих паразитическое существование остатков феодального класса. Признание реального противоречия внутри массы «трудящихся» подорвало бы всю его практическую программу. И практический разум, как это всегда бывает, победил разум теоретический.

1) Oeuvres choisies, III, 267 и сл.

2) Oeuvres choisies, III, 373.

3) Ibidem, 239—240.

IV.

Какова же была практическая программа Сен-Симона? Как представлял он себе будущий промышленный строй? Мы уже знаем, что социально-политически переход от существующего, неорганизованного состояния, являющегося продуктом разложения феодального строя, к промышленной системе мыслится Сен-Симоном как переход власти из рук феодальных и промежуточных общественных групп в руки промышленников и ученых. Для него это равносильно переходу дела управления государством от бездельников и паразитов к трудящимся. Формы, в которых он изображает в различных произведениях самую организацию власти промышленников и ученых, довольно разнообразны, но существо этой организации всегда остается приблизительно одним и тем же: духовная власть сосредоточивается в Академии, светская—в Совете промышленников ¹⁾. Существующие органы власти этим отнюдь не упраздняются. Остается король, остается министерство, остаются палаты. Но законодательная инициатива, составление бюджета, контроль за его исполнением—все это передается новым органам, к которым и переходит вследствие этого реальная власть.

Новые общественные силы, получив власть, должны будут неизбежно поставить перед собою новые цели, принципиально отличные от целей старой власти. «До настоящего времени правители смотрели на народы, как на свои вотчины: все их политические планы были направлены или на эксплуатацию этих вотчин, или на их увеличение» ²⁾. Этому принципу старой власти противопоставляли в борьбе с нею принцип свободы. Его было необходимо провозгласить тогда, когда свобода всячески угнеталась, когда нужно было сдерживать произвол. Но при построении промышленной и научной системы свобода не может быть целью. Люди соединяются в общества вовсе не для обеспечения свободы, так как свободнее всего они в изолированном состоянии. Идея свободы как цель общественной организации есть пустая и метафизическая идея, соответствующая потребностям переходного времени разложения феодально-богословского строя. Точно так же нелепа формальная идея порядка в качестве цели общества. Поддержание порядка—средство, а не цель для общества. Это—основное условие, при котором общество может посвятить себя какой-либо деятельности, но отнюдь не содержание деятельности ³⁾. Гораздо ближе к истине те, кто провозглашает в качестве основного принципа для нового общества—благо нации. Но и это неопределенно: благо нации допускает самые различные толкования, всякий правитель может понимать его соответственно своему вкусу. Если он честолюбив, он будет видеть благо народа в завоеваниях, если он любит роскошь, он будет считать благом постройку дворцов и устройство

1) Oeuvres choisies, III, 205, 308—309 и др.

2) Oeuvres choisies, II, 365.

3) Du système industriel, XII, 375.

празднеств и т. п. Поэтому необходимо дать более точное определение цели общественной организации. Это определение гласит: «Целью общественной организации должно быть возможно лучшее применение в целях удовлетворения потребностей человека знаний, добытых науками, искусствами и ремеслами, распространение этих знаний, их развитие и возможно большее накопление,—иными словами, возможно более полезное комбинирование всех отдельных работ в области наук, искусств и ремесл»¹⁾).

Сен-Симон нигде не дает более конкретной характеристики этой деятельности общества по комбинированию отдельных работ. По этому вопросу в его произведениях имеются лишь разбросанные там и сям намеки. Но во всяком случае самая идея общественной организации производства, общественного плана производства не есть случайная идея в учении Сен-Симона. Основная задача промышленной системы—установление ясного и разумно комбинированного *плана* работ, которые должны быть выполнены обществом. Наличие общего плана хозяйства—черта, наиболее резко отличающая систему, проповедуемую Сен-Симоном, от хозяйственной анархии, характерной для капиталистического строя. Это именно и позволяет ему именовать будущий общественный строй—*ассоциацией*²⁾). Но это слово не должно вводить нас в заблуждение. Ассоциация Сен-Симона не предполагает общественной собственности на средства производства. Его идеал гораздо ближе к государственному капитализму, чем к социализму. У Сен-Симона нет речи об отмене частной собственности, об экспроприации. Государство лишь подчиняет в известной мере деятельность отдельных промышленников общему плану, направляя ее в известное русло. Сохраняется, следовательно, и классовое строение общества, как сохраняется барыш предпринимателей. Сен-Симон прямо призывает не очень придирается к барышам промышленников, если они ведут работы, полезные для государства³⁾). Бедный продолжает кормить богатого,—говорит он в другом месте,—правда, в первом своем произведении⁴⁾).

Тем не менее, Сен-Симон считает, что промышленная система будет системой максимально-возможного равенства. Полное равенство немислимо. Мы уже видели, как Сен-Симон осуждает «страсть к равенству» эпохи великой революции. Действительно осуществимое равенство состоит прежде всего в том, что в промышленной системе все являются трудящимися, паразитизм старых правящих групп исчезает. Общество есть союз людей, занятых полезными работами. Уже в «Письмах женеvского обитателя» (1802 года) Сен-Симон провозглашает принцип всеобщего труда. «Все люди будут работать; они все будут смотреть на себя, как на работников, прикрепленных к мастерской... На каждого возложена обязанность постоянно

1) Oeuvres choisies, II, 370.

2) Oeuvres choisies, II, 375.

3) Oeuvres choisies, II, 443.

4) Oeuvres de S.-Simon et d'Epfantin, XV (1), 57.

давать своим силам применение, полезное для человечества». Беспольных для мастерской работников в ней не должно быть ¹⁾. Различие между трудящимися лишь в том, что они работают руками, другие—головой. Богатого только за то и будут кормить бедные, что он работает головой. Но место, которое каждый занимает в общественной системе, определяется не случайностью рождения, так как все привилегии будут уничтожены, а способностями. Как известно, из этого положения ученики Сен-Симона сделали вывод об отмене права наследования и об иерархии способностей во всех областях общественной жизни, в том числе и в хозяйственной («каждому по его способностям, каждой способности по ее делам»). У самого Сен-Симона проблема остается не додуманной. Иногда он под привилегиями разумеет и богатство: богатый, мозг которого неспособен к работе, будет вынужден работать руками. Иногда он имеет в виду только политические привилегии и говорит о способностях, как об условии политического возвышения ²⁾. Принцип возвышения по способностям (в промышленности) и неизбежность права собственности на средства производства у него, во всяком случае, остаются непримиренными.

В таких пределах осуществляется в промышленной системе равенство. И все-таки Сен-Симон заявляет, что организованная описанным выше способом деятельность системы будет направлена к наибольшей выгоде наибольшей массы. Эта тема повторяется во всех произведениях последнего периода его деятельности. Иногда Сен-Симон говорит об организации политического общества, предоставляющего *всем образующим его индивидуумам* возможно большую сумму счастья. Иногда—о создании учреждений, целью которых будет увеличение благосостояния последнего и *самого многочисленного общественного класса* или *самого бедного общественного класса*. Наконец, мы имеем и еще одну, совершенно отчетливую формулировку; общественное устройство, основные учреждения которого в своей совокупности содействуют увеличению *благосостояния пролетариев* ³⁾. Настойчивость, с которой Сен-Симон возвращается к этой мысли, возрастающая точность ее выражения, пафос—все это свидетельствует о том, что в последние годы жизни интерес Сен-Симона к участи пролетариев был очень велик. С этим связано, конечно, и изменение оценки, какую давал Сен-Симон деятельности и успехам пролетариев в последние годы. К сожалению, интерес к пролетариату нашел свое выражение лишь в приведенных формулировках; он не успел оказать влияния ни на сен-симоновскую теорию классов, ни на его концепцию будущей общественной системы. Конкретного представления о том, какими мерами должно быть достигнуто повышение благосостояния наиболее бедного и наиболее многочисленного класса,

1) Oeuvres de S.-Simon et d'Enfantin, XV (I), 55.

2) Ibidem, 57—58. Oeuvres choisies, II, 444.

3) Oeuvres choisies, III, 39, 313—314; Nouveau Christianism, 317 и сл. passim.

у Сен-Симона в сущности нет. Мы можем отметить в характеристике будущего строя только одно сколько-нибудь существенное положение, непосредственно отвечающее на нужды пролетариата. Как мы знаем, труд у Сен-Симона обязателен для всех. Естественно, что он должен быть и доступен для всех. Сен-Симон, очевидно под впечатлением наблюдавшихся в начале XIX века промышленных кризисов и обусловленной ими безработицы, обращает на этот вопрос особое внимание. Он не раз возвращается к той мысли, что общественная система должна обеспечить пролетариату непрерывный труд. У Сен-Симона есть, таким образом, идея *права на труд*; но она не получает у него сколько-нибудь исчерпывающего развития ¹⁾.

Очень интересны те выводы, которые делает Сен-Симон из своей концепции промышленной системы по отношению к функциям власти. В старых общественных системах интересы большинства наций были подчинены интересам меньшинства. Это было необходимо вследствие невежества большинства, которое приходилось держать в опеке, чтобы не давать обществу распасться. Поэтому главной функцией власти в старом обществе было поддержание порядка среди этого подчиненного большинства. Обеспечение спокойствия и безопасности всем видам труда—такова была полезная сторона ее действий. Но это спокойствие достигалось с громадной затратой сил: меньшая часть общества тратила свои силы и значительную часть сил большей на то, чтобы держать ее в покорности; большая тратила свои силы на борьбу с меньшей. Между тем, воздействие человека на человека само по себе вредно; нет другого полезного труда, как воздействие человека на вещи. Переход к новой системе, ставший возможным вследствие того, что большинство народа созрело и не нуждается более в опеке (см. выше о зрелости французского пролетариата), позволяет свести к минимуму функции поддержания порядка. Промышленная система менее всего требует управления людьми, так как в системе, прямая цель которой—благо большинства, не приходится тратить энергию на поддержание власти над этим большинством, которое уже не является врагом существующего порядка. «Отсюда следует, что власть, управляющая в собственном смысле слова, будет (в промышленной системе), насколько возможно, ограничена». Функция порядка отойдет на задний план и, может быть, даже не будет требовать особых должностных лиц. «Обязанность поддержания порядка сможет легко стать почти целиком общей обязанностью всех граждан—в смысле ли задержания нарушителей порядка, в смысле ли разрешения споров»: Место системы управления людьми, системы господства займет система администрации, система управления вещами. Административная власть сменит власть правительственную. И основной задачей этой администрирующей власти, носителями которой будут ученые, художники и промышленники, будет организация работ по культивированию земного шара в интересах человечества.

¹⁾ Oeuvres choisies, III, 244, 288.

Средства, идущие на войско и полицию, пойдут только на промышленную деятельность, распространение знаний и развлечения. Легко себе представить, чего сможет достичь человечество, когда оно перестанет расточать силы на управление друг другом и организует их для совместного воздействия на природу,—в особенности, если тот же принцип восторжествует и в отношениях народов между собою ¹⁾.

V.

Новая общественная система может установиться согласно идеалистической концепции Сен-Симона только тогда, когда состояние знаний дает возможность построения новой философской системы, лежащей в ее основе. Так на политеизме была построена античная система, на христианстве—феодално-богословская. Какова же та новая философия, которая должна сменить христианство и послужить базисом для промышленного строя? В разные периоды своей деятельности Сен-Симон давал на этот вопрос неодинаковые ответы.

В более ранних произведениях Сен-Симона новой философской доктриной, подготовленной развитием знаний с XV века, является «физичизм», образующий промежуточное звено между просветительной философией XVIII века и позитивизмом Конта. Начиная с XV века,—рассуждает Сен-Симон,—разум стремится обосновать свои суждения на наблюдаемых фактах. Все науки, одна за другой, принимают положительный характер. Очевидно, что философия, на них основывающаяся, должна также стать положительной. Она не могла стать положительной сразу, и в качестве промежуточных систем возникли системы метафизические. Эти системы соответствовали промежуточному периоду, в который разрушался феодално-богословский строй. Однако и XIX век находится до сих пор под влиянием критического характера XVIII века, он не принял еще организаторского направления, не создал еще соответствующей этому направлению позитивной философии. Настала пора ее создать. Подобно энциклопедии XVIII века—критической,—должна быть создана новая энциклопедия—положительная. Новая политическая система явится следствием этой новой философии ²⁾.

Центральной идеей новой философии будет идея *единого закона*, управляющего всеми явлениями вселенной. Человеческий разум от идеи многих одушевленных причин переходил к идее единой одушевленной причины (политеизм—монотеизм). Далее от этой идеи человек возвысился до понимания законов, управляющих явлениями. Следующий шаг—верование в *единый закон* ³⁾. Единый закон должен сменить единого бога,—эта мысль совершенно отчетливо формулируется Сен-Симо-

¹⁾ Oeuvres choisies, II, 370—371; 373—377; III, 277—296.

²⁾ Oeuvres choisies, II, 14—15; Du système industriel, I—VI; Oeuvres choisies, II, 173—174.

³⁾ Oeuvres choisies, II, 33—34; 192.

ном. Он даже знает, какой это закон: «Идея тяготения должна играть роль абсолютной общей идеи и заменить идею бога» ¹⁾. Отсюда и преклонение Сен-Симона перед Ньютоном, как перед великим мыслителем, установившим впервые единый, общий закон. Идея бога устарела. Она соответствовала более примитивному состоянию человеческих знаний и человеческого разума. Ребенок, ударившийся о камень, одушевляет его и кричит: злой камень! В этом возрасте, преисполненном жизни, все представляется живым. Становясь взрослым, человек перестает искать везде в природе жизнь. Точно так же человечество, придя к идее единой причины, одушевило эту причину, наложило на нее печать воображения. Сейчас вера в бога ненужна, потому, что она ничуть не помогает уяснению законов природы. Кроме того, с ней не мирится здравый смысл. Признание всеведения, всемогущества и всесовершенства божества приводит к противоречиям, совершенно невыносимым. «Размышляя о богословской системе, нельзя не поражаться громадностью расстояния, отделяющего ее от современного состояния просвещения». Теизм так же пережил себя, как политеизм в эпоху Цицерона ²⁾. Сейчас обосновать философию на представлении одушевленной причины невозможно. Вместо того, чтобы воплощать абстракцию, как это делают богословы и метафизики, надо из бога, как существа, извлечь идею закона. Не идея бога должна лечь в основу философской концепции, а идея тяготения ³⁾.

Так радикально порывая с существом «богословской» системы, Сен-Симон, однако, и в этот период сохраняет очень многое от ее формы. Повидимому, ему представляется, что простой народ, несмотря на проделанную с XV века критическую работу, еще неспособен воспринять положительную философию в чистом виде. Поэтому, отношение между истинными воззрениями философов и верованиями простого народа должно складываться так, как это было в Египте. «Лица, посвятившие себя изучению наук, должны верить, что вселенная управляется единым законом... Простой народ должен верить, что вселенной управляет всемогущее существо». Ученые должны, конечно, распространять свои знания в народе. Но они должны пользоваться для этого языком откровения, должны вкладывать в уста бога лучшие научные результаты своих работ ⁴⁾. И сам Сен-Симон этому совету следует в весьма значительной мере. Его произведения являются причудливым сплетением обычной формы логических доказательств и формы откровения. Он несколько не стесняется «вкладывать в уста бога» восхваления Ньютону и проекты создания высшего научного совета, несколько не стесняется от имени бога провозглашать себя основателем новой религии: «так говорил со мной бог» ⁵⁾. В соответствии с этим свою положительную

¹⁾ Oeuvres choisies, II, 219.

²⁾ Oeuvres choisies, II, 125—128.

³⁾ Oeuvres choisies, II, 238.

⁴⁾ Oeuvres choisies, II, 41.

⁵⁾ Oeuvres de S.-Simon et d'Enfantin, XV (I) 57.

философию он называет религией, корпорацию ученых—духовенством, лишь преобразованным в связи с преобразованием религии¹⁾,—духовенством, имеющим свою иерархию, аналогичную старой, и даже своего папу²⁾.

Получаются таким образом как бы две доктрины: одна—чисто теоретическая, позитивная, служащая для внутреннего употребления, другая—практическая, носящая характер откровения, служащая для пропаганды. В последних литературных произведениях Сен-Симона практический интерес, интерес к общественному преобразованию, достаточно сильный и в предыдущих работах, окончательно оттесняет интерес теоретический. Вместе с тем религиозная форма, имевшая ранее значение своеобразного приспособления, становится чем-то самодовлеющим, позитивная наука и ее достижения превращаются лишь в средство, в материал для реформирования религии. Происходит как будто лишь легкое изменение в расположении тех же составных частей системы. А между тем в результате вместо *позитивной философии*, весьма рационалистически задуманной, хотя и возводимой в ранг религии из практических соображений, мы получаем *новое христианство*, настоящую религию чувства, моральное учение с потусторонней санкцией, хотя и с большим рационалистическим привкусом. Если от первой, несомненно, произошел позитивизм Конта, то второе послужило исходным пунктом для религиозного учения позднейшего сен-симонизма.

Историческое христианство—это, согласно общему построению Сен-Симона, теистическая система, в форме которой единобожие восторжествовало над многобожием среди европейских народов. Как таковое, оно—пройденная ступень. Но мы знаем, что христианство в то же время—великий моральный принцип. Этот принцип формулируется Сен-Симоном так: люди должны относиться друг к другу как братья. В ту эпоху, когда христианство возникало, всеобщее братство людей, вследствие их невежества, не могло восторжествовать в полной мере. Конкретным результатом провозглашения христианского принципа была лишь отмена рабства. Христианство должно было идти на уступки, приспособляться к состоянию умов. В частности оно должно было отказаться от подчинения своему моральному принципу светской власти: «Кесарево—кесарю». Светская власть продолжала основывать свое могущество на праве сильнейшего. Отсюда—феодалная организация. Сейчас прогресс цивилизации позволяет пойти дальше. Христианские народы достаточно подготовлены к полному усвоению христианской морали. Новое христианство должно прийти на смену старому,—новое христианство, которое, в противоположность старому, подчинит себе светскую власть и будет стремиться построить на христианской морали всю систему общественных отношений³⁾.

1) Oeuvres choisies, II; 24—25.

2) Oeuvres-choisies, II, 249.

3) Oeuvres choisies, III, 321—325; Du système industriel, 269.

Возможность применения основного принципа христианства к общественным отношениям влияет и на его формулировку; эта формулировка может быть гораздо более конкретной, чем она была в первоначальном христианстве. В новом виде формула братства людей гласит: религия должна направлять общество к великой цели *наискорейшего улучшения участи наибеднейшего класса* ¹⁾. В противоположность старому христианству доктрина нового христианства будет видеть в этом морально-социальном повелении самую главную свою составную часть. Новое христианство будет совершенно очищено от суеверий, привившихся к старому вследствие невежества людей. Это будет возвращение к чистой религии, свободной от теологии ²⁾. Культ и догмат вообще играют тем большую роль, чем ближе мы к основанию религии; по мере развития человеческого разума все большее значение приобретает в ней духовная сторона. Основная ошибка Лютера, который оказал большие услуги прогрессу своей критикой старого христианства, в том и состояла, что он считал необходимым восстановление и сохранение в обновленной религии тех догматов, какие были изложены в священном писании. Это было так же бессмысленно, как если бы математики, физики и прочие ученые стали утверждать, что разрабатываемые ими науки должны изучаться по первым произведениям, какие трактовали об их предметах ³⁾. Однако не следует думать, что Сен-Симон изгоняет из своего нового христианства всякую догму, превращая его в чистую моральную доктрину. Догма должна быть очищенной согласно научным данным, она должна быть отодвинута на второй план, но все же догму новое христианство иметь будет ⁴⁾. В своем последнем произведении Сен-Симон восстанавливает и личного бога, и личное бессмертие, которое является наградой за служение великим земным целям ⁵⁾. Он протестует даже против возможного подозрения в скептическом отношении к божественности основателя христианства ⁶⁾. И все это говорится с такой серьезностью, которая заставляет подходить к новому «откровению» Сен-Симона несколько иначе, чем к его более ранним откровениям. Если это и грим для соблазна верующих, то грим, сделанный так искусно, что черт его не отличишь от черт живого лица.

Вслед за догмой восстанавливается и культ. Новое христианство имеет свой культ и свое духовенство. Недостаточное внимание к культу—вторая ошибка, которую Сен-Симон ставит в вину Лютеру. Задача руководителей христианства состоит в том, чтобы внушить всем людям основное правило христианской морали, чтобы приучить их применять его во всех перипетиях своей повседневной жизни. Христианская мораль будет, конечно, положена в основу воспитания. Но этого мало. Необхо-

1) Oeuvres choisies, VIII, 328.

2) Du système industriel, 275, 310.

3) Oeuvres choisies, III, 364—365.

4) Oeuvres choisies, III, 328.

5) Ibidem, 331.

6) Ibidem, 365.

димо пользоваться всеми средствами, чтобы толкать мысль людей в нужном направлении. Необходимо возбуждать их страх картиной бедствий, которые их постигнут, если они уклонятся от исполнения предписаний морали,—и картиной радостей, с которыми сопряжено их соблюдение. «Для того, чтобы вызвать в этих двух направлениях наиболее сильное и полезное действие, нужно комбинировать все средства, все возможности, какие могут предложить искусства». Сен-Симон мечтает о развитии культа совместными усилиями проповедников, поэтов, музыкантов, скульпторов и архитекторов. Все искусства должны соединиться, чтобы сделать культ полезным обществу, чтобы через культ перевоспитать человечество в духе христианской морали¹⁾.

Усвоение нового христианства и построение на его основе общественной системы—единственный выход из того кризиса, в котором находятся европейские общества со времени разрушения феодально-бюрократической системы. Положение новой Европы аналогично положению римской империи перед распространением христианства. Человечество было спасено от разложения и поднялось на новую ступень, благодаря старому христианству. Точно так же сейчас оно будет спасено новым христианством. И поведение первоначальных христиан должно быть образцом для проповедников нового христианства. Единственное средство его распространения—убеждение. Пусть нас преследуют, как и первых христиан, нам совершенно возбраняется употребление физической силы»²⁾. Новое христианство, подобно христианству первоначальному, будет поддерживаться, распространяться и защищаться силою морали и общественного мнения. Положение таково, что можно ожидать насилий, восстаний со стороны бедных классов. Но насильственные средства годятся только для разрушения, а не для созидания. Необходимо принять все необходимые меры, чтобы распространение нового учения «не толкнуло бедный класс к актам насилия против богатых и правительств»³⁾. Поэтому-то Сен-Симон и считает нужным обращаться со своей проповедью не к этому, наиболее заинтересованному в торжестве нового христианства, бедному классу, а к богатым и сильным. Обращаться к бедным опасно. И вот Сен-Симон создает совершенно неправдоподобную теорию, согласно которой над установлением нового общественного строя всегда трудятся с наибольшим жаром не те, кто в нем заинтересован. «Страсть к общественному благу имеет гораздо большее значение в деле политических улучшений, чем эгоизм тех классов, которым эти перемены принесут наибольшую пользу». Эту мысль Сен-Симон подтверждает опять-таки ссылкой на основателей христианства, которые,—заявляет он,—принадлежали совсем не к тем группам населения, которым установление христианства должно было принести пользу. Общественное преобра-

1) Oeuvres choisies, III, 358—360.

2) Du système industriel, 284—286.

3) Oeuvres choisies, III, 372—373.

зование будет произведено силой нравственного чувства, силой энтузиазма ¹⁾).

Впрочем богатые и сильные должны пойти за новым христианством не только в силу нравственных побуждений, но и в силу своих интересов. Сен-Симон убежден, что осуществление основного принципа нового христианства—улучшение морального и физического существования бедного класса—невозможно иными средствами, кроме тех, которые увеличивают наслаждения богатого класса. Эту мысль он подкрепляет соображением, о котором уже приходилось упоминать в другой связи, но которое суживает понятие богатого класса; художники, ученые и руководители промышленных предприятий принадлежат к классу работников; их интересы по существу совпадают с интересами народных масс, они—естественные вожди рабочих, единственные вожди, заслуживающие доверия ²⁾). И в самом деле, разве есть что-либо нарушающее сколько-нибудь серьезно интересы предпринимателей в том социальном преобразовании, которое возвещает Сен-Симон? А если к этому прибавить, что осуществление преобразования передается им в руки тех же предпринимателей и ученых,—придется согласиться с ним, что такой способ подчинения всего общественного строя интересам беднейшего класса не должен пугать богатых и сильных,—по крайней мере ту часть их, которая связана с промышленностью. Пострадают лишь бездельники, существование которых связано с разложившимися остатками феодального строя. Но их сопротивление не опасно, так как их удельный вес в обществе фактически ничтожен по сравнению с удельным весом промышленников и ученых.

Ученики Сен-Симона, сугубо подчеркивающие религиозную сторону системы, к религиозному энтузиазму сводят все дело общественной реорганизации. Политической борьбой они,—за редкими и случайными отступлениями,—не интересуются. Сам Сен-Симон, при всем религиозном идеализме его последних произведений, все же некоторой частью существа остается до конца весьма трезвым политиком-реалистом, делающим выводы по отношению к будущему из своего анализа исторического прошлого и настоящего. Преобразование невозможно без усвоения новой религии, без религиозного энтузиазма,—но, с другой стороны, оно происходит в обстановке реальной политической борьбы и само должно носить формы такой политической борьбы. Оно должно быть совершенно какой-то политической силой. Так как исторический процесс выдвигает в качестве крупнейшей политической силы промышленников, так как промышленники на-ряду с учеными сами заинтересованы в преобразовании, ставшем необходимым для дальнейшего развития общества, так как в будущем обществе именно им должна принадлежать первая роль, то совершенно естественно, что Сен-Симон приходит к выводу о необходимости организации политической партии промышленников. Основным ядром этой партии должна послужить организация парижских про-

¹⁾ Du système industriel, 299—310.

²⁾ Oeuvres choisies, III, 373.

мысленников, «так как политические интересы Европы обсуждаются во Франции, а социальные интересы Франции обсуждаются в Париже». Парижским промышленникам будет не трудно организовать, потому что они составляют в Париже самый многочисленный и влиятельный класс; а за ними последуют неизбежно промышленники Франции и затем—всей Европы. Промышленная партия радикально отличается от партий консервативной и либеральной, поскольку последние связаны с феодальным и промежуточным классами: их цель—либо сохранение феодализма, либо его использование в своих интересах; целью промышленной партии будет учреждение новой системы. Организация промышленной партии в европейском масштабе поведет с необходимостью к учреждению в Европе промышленной системы и к уничтожению системы феодальной¹⁾.

Образование партии промышленников произойдет мирным путем. Средства насилия здесь совершенно ненужны, потому что у существующих правительств не может быть никаких оснований противодействовать ее образованию. Это будет партия мирная и моральная. Она будет стремиться действовать при посредстве общественного мнения, а никакое правительство не может помешать образованию общественного мнения. Более того, основная политическая сила современного общества—королевская власть—не только не заинтересована в противодействии промышленникам,—она, наоборот, заинтересована в успехе их начинаний. Королевская власть отнюдь не связана органически с силами феодального общества. Она, как мы видели, в борьбе промышленников против феодалов стояла на стороне первых. Короли Франции способствовали в этот период естественному ходу вещей. Нет никаких оснований для них отказываться от этой роли и сейчас. От того, что король объявит, что промышленники составляют первый класс среди его подданных, от того, что он призовет промышленников к управлению общественным достоянием, его авторитет не станет меньше. А так как преобразование вызовет общее повышение благосостояния и довольства всей нации, то привязанность народа к королю, ставшему во главе движения в пользу преобразования, будет еще больше, чем была до того. Промышленная система не противоречит королевской власти. Король в ней будет первым промышленником, как ранее был первым дворянином. Поэтому Сен-Симон в «Катехизисе промышленников» и в «Системе промышленности» на королевскую власть рассчитывает как на опору в своей борьбе за промышленный строй, как на один из факторов, действующих в направлении ставшей исторически необходимой общественной реорганизации²⁾. В «Новом христианстве» он выражает ту же мысль в свойственной этому произведению форме религиозного призыва. Государи Европы объединились под знаменем христианства в священный союз. Но их поведение далеко не соответствует провозглашаемым Сен-Симоном нормам истинного христианства. Они поддерживают старую си-

1) Oeuvres choisies, III, 103—105.

2) Oeuvres choisies, III, 112—113.

стему власти меча, власти кесаря. «Государи! прислушайтесь к голосу бога, говорящего вам моими устами, станьте вновь добрыми христианами, перестаньте считать наемные армии, дворянство, еретическое духовенство и нечестивых судей своей главной опорой. Объединенные во имя христианства, сумеете выполнить все обязанности, которые оно налагает на власть имущих. Помните, что оно предписывает им употребить все силы на то, чтобы возможно быстрее увеличить социальное счастье бедняка»¹⁾).

Оценивая весьма высоко роль королевской власти и промышленников в предстоящем перевороте, Сен-Симон далеко не с такой определенностью высказывается о роли третьего его элемента, которому в будущей промышленной системе отводится видное место,—ученых. Деятельность ученых крайне важна в другой области—области подготовки новой общественной философии и ее распространения. Но в чисто политической работе их участие представляется Сен-Симону совершенно незначительным. Ученые оказывают промышленникам большие услуги, но сами обязаны им большим—своим существованием. Промышленный класс доставляет ученым не только то, что удовлетворяет их непосредственные потребности, но и орудия их научной работы. Промышленный класс—основной класс, без него не может существовать никакой другой. Он может поставить другим классам те условия, какие пожелает. Поэтому, с призывом об организации новой партии Сен-Симон и считает нужным обращаться к промышленникам, а не к ученым²⁾).

Задача промышленной партии будет состоять в том, чтобы взять управление государством из рук дворян, военных и законников и передать его в руки промышленников. Этот великий исторический акт, как и вся деятельность партии, будет мирным актом. Это будет создание нового общественного порядка, это будет закладка основания нового социального здания. А ведь прочие учреждения можно построить только мирными средствами. К тому же промышленники по своему происхождению и характеру—класс мирный. Даже в эпоху революции насилия исходили не от промышленников, а от буржуа, т. е. от промежуточных групп. Да и с кем была бы нужна насильственная борьба? Ведь промышленники составляют двадцать четыре двадцать пятых общества. Они преобладают чисто физически. Они производят все богатства и владеют денежными средствами. Они превосходят других своей интеллигентностью и своими деловыми способностями. И человеческая, и божественная мораль призывает их к управлению государством. Сможет ли кто-либо бороться против такой силы? Когда промышленники организуются, власть совершенно естественно и просто перейдет в их руки. Их политическое мнение будет общественным мнением, а общественное мнение правит миром³⁾).

¹⁾ Oeuvres choisies, III, 380—382.

²⁾ Oeuvres choisies, III, 197.

³⁾ Oeuvres choisies, III, 72—75; 104 cte.

Стоит ли, после всего изложенного, останавливаться на вопросе о социализме Сен-Симона? Ответ на него как будто не представляет никаких затруднений. Сен-Симон сохраняет в своем идеальном обществе частную собственность, классы предпринимателей и рабочих, предпринимательскую прибыль, Сен-Симон решительно нигде не говорит об обобществлении средств производства, хотя бы даже частичном. Промышленная система может быть, пожалуй, названа государственным капитализмом. Частные интересы отдельных предпринимателей в известной мере подчинены в ней интересам «общим»; но, поскольку правящим классом являются те же предприниматели, совершенно ясно, что этими «общими» интересами должны оказаться интересы класса предпринимателей, взятого в целом. Учение Сен-Симона не есть манчестерство, как это утверждал Г. Экштейн¹⁾, но, конечно, это и не социализм. Оно стремится преодолеть анархию капиталистического строя, не затрогивая его основ. В полном соответствии с таким характером будущей общественной системы находится и та революция, которая к ней должна привести. Это—мирный переворот, производимый одним из владеющих классов против другого при благосклонном содействии королевской власти,—переворот, участие в котором масс нежелательно и опасно. Сен-Симон верит, что результаты промышленной системы будут благодетельны для масс, для беднейшего класса. Но сам этот «беднейший класс» должен, по его мнению, оставаться пассивным, предоставляя представительство и защиту своих интересов своим «естественным» руководителям—предпринимателям.

Лишь отдельные детали в концепции Сен-Симона могли впоследствии дать его ученикам основание для социалистических выводов. Общественный план работ, ассоциация, превращение государства в организацию производства, обязательный труд, иерархия способностей, подчинение общества единой цели—наибольшему благу наиболее многочисленного класса, таковы эти—социалистические в потенции—элементы сен-симонизма. У самого Сен-Симона эти идеи не продуманы до конца. Тем не менее, та энергия, тот пафос, с которым он на них настаивал, сыграли немалую роль в подготовке умов к усвоению последовательно-социалистических учений, пришедших на смену учению Сен-Симона, явившихся его наследниками. Уже этого одного достаточно, чтобы отвести ему видное место в истории социализма рядом с его современником—Фурье, тоже социалистом более, чем сомнительным. Если Сен-Симон сохраняет в промышленной системе частную собственность и классовое строение общества, то сохраняет их и Фурье в своей фаланге; если Сен-Симон верит в примирение, вернее, в единство классовых интересов предпринимателей и рабочих и отрицает классовую борьбу как средство социального переворота, то и в этом пункте Фурье к нему весьма близок. Фурье интереснее и разнообразнее в экономическом анализе и в критике существующего общественного строя. Но зато Сен-Симон

¹⁾ G. Eckstein, «Der alte und der neue Saint-Simon», Archiv für die Geschichte des Sozialismus, II, 432.

выгодно отличается от Фурье в своих представлениях об экономическом развитии будущего. Конечно, это развитие должно было идти в направлении мирового хозяйства, к расширению хозяйственных группировок, как думал Сен-Симон, а не в направлении самодовлеющих мелких хозяйственных единиц, как мечтал Фурье. Сен-Симон принимает капиталистический строй настоящего как этап на пути к будущему хозяйственному объединению всего человечества. Фурье отвергает его во имя мелко-буржуазного, экономически реакционного идеала хозяйственной раздробленности. В этом пункте Сен-Симон, несомненно, значительно ближе Фурье к научному социализму Маркса и Энгельса.

Большая ясность хозяйственного прогноза в системе Сен-Симона связана с другой стороной его учения,—стороной, влияние которой на последующее развитие социалистических идей еще более значительно, чем влияние его пропаганды промышленного строя. Эта сторона—философия истории Сен-Симона. Идеалистическая в своей основе, своим последовательным детерминизмом, свойственным ей представлением о диалектическом характере исторического процесса—сен-симоновская философия пролагала пути материалистическому пониманию истории не в меньшей мере, чем философия Гегеля. Помимо этого, и в гораздо большей мере, чем гегельянство, сен-симонизм содержал в себе элементы чисто материалистического анализа исторических явлений. Припомним нарисованную Сен-Симоном картину роста промышленности с XI в. и борьбы промышленников с феодальным обществом,—борьбы, завершающейся французской революцией: разве это не образец материалистической конструкции? Материалистические моменты в философии истории, как и социалистические моменты в его промышленной системе, не додуманы Сен-Симоном до конца. Но при формировании материалистического понимания истории они сыграли свою, весьма существенную роль. Маркс и Энгельс были учениками не только Гегеля, но и Сен-Симона.

В. Воллин.

20-го сентября 1923 г.

Р. С. В состав настоящего собрания сочинений Сен-Симона входят исключительно его произведения последнего периода, начиная с 1819 г. В них с наибольшей отчетливостью формулированы как его философско-исторические взгляды, так и его представления о промышленной системе будущего. Перевод «Послания к королю» и «Нового Христианства» исполнен Л. С. Цетлиным, «Рассуждений» и «Об общественной организации»—С. С. Цетлиным, остальных статей—А. И. Рубиним.

П р и т ч а.

(1819).

Предположим, что Франция теряет неожиданно пятьдесят своих лучших физиков, пятьдесят лучших химиков, пятьдесят лучших физиологов, пятьдесят лучших математиков, пятьдесят лучших поэтов, пятьдесят лучших живописцев, пятьдесят лучших скульпторов, пятьдесят лучших музыкантов, пятьдесят лучших литераторов.

Пятьдесят своих лучших механиков, пятьдесят своих лучших инженеров, военных и гражданских, пятьдесят своих лучших артиллеристов, пятьдесят своих лучших архитекторов, пятьдесят своих лучших врачей, пятьдесят своих лучших хирургов, пятьдесят своих лучших аптекарей, пятьдесят своих лучших моряков, пятьдесят своих лучших часовых дел мастеров.

Пятьдесят своих лучших банкиров, двести своих лучших купцов, шестьсот своих лучших земледельцев, пятьдесят своих лучших железоделателей, пятьдесят своих лучших оружейных заводчиков, пятьдесят своих лучших кожевников, пятьдесят своих лучших красильщиков, пятьдесят своих лучших шахтовладельцев, по пятидесяти своих лучших фабрикантов сукна, бумажных тканей, шелка, полотна, скобяных товаров, фаянса и фарфора, стекла и хрусталя, пятьдесят своих лучших судовладельцев, пятьдесят своих лучших владельцев транспортных контор, пятьдесят своих лучших типографов, пятьдесят своих лучших граверов, пятьдесят своих лучших ювелиров и других рабочих по металлу.

Пятьдесят своих лучших каменщиков, пятьдесят своих лучших плотников, пятьдесят своих лучших столяров, пятьдесят своих лучших кузнецов, пятьдесят своих лучших ножевщиков, пятьдесят своих лучших литейщиков, сто лиц различных других не указанных профессий, наиболее способных в науках, изящных искусствах и ремеслах,—всего три тысячи ученых, художников и ремесленников Франции ¹⁾.

¹⁾ Обычно называют ремесленниками только простых рабочих. Во избежание недоразумений, мы предупреждаем, что под этим именем мы понимаем всех, кто занимается производством материальных продуктов, т. е. земледельцев, фабрикантов, коммерсантов, банкиров и всех служащих и рабочих, которых они нанимают.

Эти люди составляют в действительности цвет французского общества, так как они—самые производительные французы, доставляющие самые важные продукты, управляющие самыми полезными для науки трудами, французы, от которых зависит производительность нации в науках, изящных искусствах и ремеслах; они самые полезные из всех французов для своей страны, они доставляют ей больше всего славы, способствуют больше всего развитию ее цивилизации и ее преуспеянию; потерявши их, нация тотчас стала бы телом без души; она стала бы ниже тех наций, соперницей которых она теперь является; она продолжала бы оставаться в подчинении у них до тех пор, пока она не восстановила бы этой потери, пока у нее не отросла бы голова. Для Франции потребовалось бы по крайней мере целое поколение, чтобы исправить это несчастье, ибо люди, отличающиеся во всех трудах, имеющих положительную полезность, составляют поистине исключительные случаи, а природа небогата исключениями, особенно подобного рода.

Предположим другой случай. Допустим, что Франция сохраняет всех своих гениальных людей в области наук, изящных искусств и ремесел, но имеет несчастье в то же время потерять брата короля, его высочество герцога Беррийского, его высочество герцога Ангулемского, его высочество герцога Орлеанского, его высочество герцога Бурбонского, герцогиню Беррийскую, герцогиню Ангулемскую, герцогиню Орлеанскую, герцогиню Бурбонскую и мадемуазель де-Конде; что она теряет в то же время всех крупных сановников, всех государственных министров (с портфелем или без портфеля), всех советников государства, всех докладчиков, всех своих маршалов, кардиналов, архиепископов, епископов, крупных викариев и каноников, префектов и супрефектов, всех служащих в министерствах, всех судей и сверх того десять тысяч самых богатых землевладельцев, ведущих образ жизни, подобающий знати.

Этот печальный случай, без сомнения, огорчил бы французов, потому что они имеют доброе сердце и не могли бы отнестись равнодушно к внезапному исчезновению столь большого количества своих соотечественников. Но эта гибель тридцати тысяч человек, считающихся наиболее значительными в государстве, причинила бы им лишь чисто сердечную боль, так как из нее не проистекло бы никакого политического несчастья для государства. Во-первых, было бы очень легко заполнить все вакантные места; большое количество французов столь же способны исполнять обязанности брата короля, как он сам; многие в состоянии занимать места принцев столь же прилично, как его высочество герцог Ангулемский или его высочество герцог Бурбонский; многие француженки были бы такими же хорошими принцессами, как герцогиня Ангулемская, герцогиня Беррийская, герцогиня Орлеанская, Бурбонская и де-Конде.

Передние дворцов полны придворными, готовыми занять места крупных сановников; армия обладает большим количеством военных, таких же хороших полководцев, как теперешние маршалы. Сколько служащих, равных по ценности нашим министрам. Сколько администраторов, более способных вести дела департаментов, чем наши теперешние префекты и супрефекты. Сколько адвокатов, так же хорошо знающих законы, как наши судьи. Сколько священников, столь же способных, как наши кардиналы, архиепископы, епископы, крупные викарии и каноники. Что касается десяти тысяч знатно живущих землевладельцев, то их наследникам не понадобилось бы никакой подготовки для того, чтобы так же хорошо поддерживать честь своих салонов.

Благосостояние Франции может быть только следствием прогресса наук, изящных искусств и ремесел. Но принцы, крупные сановники, епископы, маршалы, префекты и праздные землевладельцы не содействуют непосредственно своим трудом прогрессу наук, изящных искусств и ремесел; мало того, что они не могут ему способствовать, они могут ему только вредить, так как они стремятся сохранить и впредь существующее до сих пор преобладание гадательных теорий над положительными науками. Они по необходимости вредят благосостоянию нации, лишая принадлежащего им по праву первого места ученых, артистов и ремесленников; они ему вредят, употребляя свои денежные средства таким способом, который не приносит прямой пользы наукам, изящным искусствам и ремеслам; они ему вредят, взимая ежегодно из сумм, уплачиваемых нацией в виде налогов, триста-четырееста миллионов франков, под титулом жалований, пенсий, вознаграждений, возмещений убытков и т. д., в награду за свои бесполезные труды.

Эти предположения выявляют с очевидностью наиболее важный факт современной политики; они ставят на такую точку зрения, с которой этот факт открывается во всем своем объеме с одного взгляда. Они ясно доказывают, хотя и косвенным образом, что социальная организация мало усовершенствована, что люди допускают управлять собою насилию и хитрости, что человеческий род в политическом отношении еще находится в безнравственном состоянии, ибо ученые, артисты и промышленники, единственные люди, труды которых приносят обществу положительную пользу, занимают место лишь после принцев и других правителей, которые являются лишь более или менее неспособными рутинерами;

ибо люди, пользующиеся уважением и другими национальными наградами, обязаны, главным образом, своими преимуществами лишь случайности рождения, лести, интриге и другим мало почтенным поступкам;

ибо те, которым поручено управлять общественными делами, делят между собою ежегодно половину налогов, а из той части, которая не идет в их личную пользу, они не расходуют даже и третьей части полезным для управляемых образом.

Эти предположения показывают, что современное общество являет собою, воистину, картину мира, перевернутого вверх ногами,

ибо в качестве основного принципа принято нацией то положение, что бедные должны быть великодушны к богатым, и вследствие этого менее обеспеченные ежедневно лишают себя части необходимых им средств для того, чтобы увеличить излишек крупных собственников;

ибо величайшие преступники, всеобщие воры, грабящие ежегодно у совокупности граждан триста или четыреста миллионов в год, выжимающие из них соки, облечены властью наказывать мелкие преступления против общества, ибо невежество, суеверие, леность и страсть к разорительным удовольствиям составляют удел главарей общества, а способные, экономные и трудолюбивые люди употребляются лишь в качестве орудий и подчинены им;

ибо, одним словом, во всех родах занятий неспособные люди управляют способными, ибо в отношении морали безнравственные призваны наставлять граждан добродетели, ибо в отношении справедливости наиболее виновные являются блюстителями справедливости и призваны карать провинности мелких преступников.

О теории общественного устройства.

(1819).

До настоящего времени правители смотрели на народы, как на свои вотчины; все их политические планы в сущности были направлены или на эксплуатацию этих вотчин, или на их увеличение. Даже те из этих планов, осуществление которых оказалось полезным для управляемых, были задуманы самими правителями лишь как средства сделать их собственность более доходной или более прочной. На вытекавшие из таких действий правителей выгоды сами народы смотрели не как на обязанность правящих по отношению к ним, а как на их благодеяние.

Этот порядок вещей, несомненно, подвергался с течением времени большим изменениям, но то были одни лишь внешние изменения; другими словами, прогресс знаний непрестанно, все более и более, ограничивал круг действий правящей власти, но сущности ее он все же еще не изменил. В том виде, в каком она существует в настоящее время среди нас, эта власть проявляет себя менее свободно и в более ограниченном кругу, но она сохраняет тот же характер. Прежний принцип, согласно которому монархи являются на основании божественного права собственниками своих народов по праву рождения, признается до сих пор, по крайней мере в теории, основным принципом; доказательством служит тот факт, что всякая попытка его опровергнуть рассматривается законом, как посягательство на общественный порядок.

Но, с другой стороны, управляемыми был провозглашен новый общий принцип политики. С их точки зрения, правители—лишь администрация общества; они обязаны руководить им согласно с интересами и волей управляемых; словом, счастье народов есть единственная и исключительная цель общественной организации. Этот принцип был принят правителями или, по крайней мере, признан ими наряду с прежним принципом; иначе говоря, правители признали, что они обязаны управлять в вышеуказанном смысле, не переставая, однако, считать себя администраторами по праву рождения. Новый принцип можно считать утвердившимся, поскольку к конституционным функциям одной из трех парламентских властей (палаты общин) относится защита и поддержание его в силе.

Установление этого принципа есть бесспорно важнейший во всех отношениях шаг на пути к организации новой политической системы; тем не менее, этот принцип в его современном виде не может иметь никаких действительно значительных последствий. Нельзя не признать, что он до сих пор был и теперь еще является только видоизменяющим, но не руководящим принципом. Это происходит от того, что он слишком неясен, чтобы действительно стать основой и точкой отправления нового общественного порядка. Он только тогда будет вполне соответствовать этой цели, когда его содержание будет раскрыто более точно, или, лучше говоря, дополнено. В дальнейшем мы постараемся развить и обосновать это положение.

В существующем порядке вещей признается, что постоянной и единственной обязанностью правительств является труд на счастье общества. Но какими средствами достигается счастье общества? Вот вопрос, по которому общественное мнение до сих пор еще вовсе не высказалось. Возможно даже, что нет одного определенного и общепринятого ответа на этот вопрос. Что же из этого следует? Что высшее руководство обществом всецело предоставлено произвольному усмотрению правителей. Сказать им: „сделайте нас счастливыми“, не предписывая им, какими именно средствами,—это неизбежно значит предоставить им право самим определять те меры, какие они должны принимать для нашего счастья, и в то же время дать им право привести эти меры в исполнение; это значит, следовательно, подчинить самих себя их произволу в той степени, в какой это только возможно. Отсюда ясно, что если наши правители честолюбивы, они организуют нас для целей завоевания или для установления монополий. Если у них есть вкус к роскоши, они будут стремиться нас осчастливить, воздвигая для себя прекрасные дворцы и устраивая великолепные празднества. Если они благочестивы, они будут нас объединять для достижения рая и т. п. Ведь правители, как это естественно вытекает из их положения, весьма склонны искренно принимать то, что удовлетворяет их собственные влечения или их господствующие вкусы, за блага, наиболее полезные народам ¹⁾.

Предположите даже, что правители возвысились до того, что хотят составить себе постоянный план администрации,—к этому их побуждает до известной степени парламентская организация; так как единственными методами действия, к каким до настоящего времени оказались способны правящие (и притом, при всяких формах правления), являются насилие и коварство, то только посредством насилия и коварства сочтут они возможным привести общество в цветущее состояние.

Не входя в более детальные рассуждения, всякий, кто поразмыслит немного об этом вопросе, убедится, что пока общество по отношению к правителям будет ограничиваться лишь общим предписанием сделать его

¹⁾ Вспомните слова Людовика XIV m-me де Мэнтенон, убеждавшей его творить милостыню: «Король творит милостыню, много проживая».

счастливым, не определяя своих взглядов на средства достижения этого счастья; до тех пор произвол неизбежно будет царить в самой главной и самой существенной области, ибо правители окажутся в состоянии соединить с их естественной функцией—вести общество в указанном направлении—другую функцию, также весьма важную,—определять это направление ¹⁾. А отсюда следует, что основная задача публицистов в настоящее время должна заключаться в том, чтобы привлечь внимание к пути, на который общество должно вступить в целях своего процветания, и чтобы побудить его избрать этот путь.

Итак, спросим себя теперь, каковы же общие средства достижения счастья общества? Мы не боимся их смело назвать, и всякий здравомыслящий человек легко сможет найти тому основание,—нет других средств, кроме наук, искусств и ремесл. Ведь люди могут быть счастливы только тогда, когда они удовлетворяют свои физические и моральные потребности, а в этом и заключается единственная цель и более или менее непосредственный предмет наук, искусств и ремесл.

Все действительно полезные для общества труды относятся к этим трем областям—и только к ним; вне их остаются одни лишь паразиты и властители. Среди всех мероприятий, предпринятых до настоящего времени, среди всего того, что можно будет когда-либо предпринять для счастья людей, никогда не было и никогда не будет ничего полезного для них, ничего улучшающего их жизнь, кроме того, что содействует прямо или косвенно применению, распространению или усовершенствованию знаний, приобретенных человечеством в области наук, искусств и ремесл. Мы никогда не устанем повторять, что нет другого полезного труда у человека, кроме воздействия его на вещи. Воздействие человека на человека всегда само по себе вредно для человечества вследствие вызываемой им двойной траты сил; оно полезно лишь постольку, поскольку оно является побочным и поскольку приводит к усилению его воздействия на природу.

Конечно, мы очень далеки от намерения утверждать, что при современном положении вещей нет полезных людей, кроме ученых, художников и ремесленников, и нет другого полезного труда, кроме их труда. При существующем устройстве общества эти три класса находятся под властью паразитов; поэтому все те люди, которые, не принадлежа ни к одному из этих классов, заняты освобождением их от этого господства, делают не только весьма полезное, но и совершенно необходимое

¹⁾ Зачем же удивляться после сказанного, что произвол не уничтожен. Очевидно, что нельзя сваливать всю вину за это на одних правителей. Предположите даже, что они воодушевлены наилучшими намерениями, произвол всегда должен существовать, пока общество не поставит перед собою положительной цели ассоциации. Больше того, очевидно, что отнюдь не изменением формы правления можно уничтожить произвол, так как все сказанное нами ничуть не зависит от форм правления и относится в равной степени ко всем им.

дело. Их влияние, хотя и косвенное, бесспорно приносит большую пользу наукам, искусствам и ремеслам. Но кому не ясно, что полезность этого рода трудов зависит, так сказать, от обстоятельств и что она должна исчезнуть вместе с тем явлением (по необходимости временным), которое ее вызвало. К тому же, основой организованного общества ни в каком случае не может служить критика, а так как мы сейчас ищем принципа, способного стать основанием новой общественной системы, то мы должны совершенно отвлечься от всего того, что относится к переходной эпохе.

Итак, нам кажется, можно признать основным тот принцип, что в новом политическом строе единственной и постоянной целью общественной организации должно быть возможно лучшее применение, в целях удовлетворения потребностей человека, знаний, добытых науками, искусствами и ремеслами, распространение этих знаний, их развитие и возможно большее накопление, словом, задачей общественной организации должно стать возможно более полезное комбинирование всех отдельных работ в области наук, искусств и ремесл.

Здесь вовсе не место подробно излагать, какой поразительной степени процветания могло бы достичь общество при такого рода устройстве; впрочем, это нетрудно представить себе, и мы ограничимся тем, что наметим это в следующем рассуждении.

До настоящего времени люди оказывали чисто индивидуальное и обособленное воздействие на природу. Больше того, их усилия в весьма значительной части всегда взаимно уничтожались, так как до настоящего времени человечество было разделено на две неравные части; из них меньшая тратила постоянно все собственные силы и даже часто часть сил большей—в целях господства над последней, между тем как большая употребляла значительную часть своих сил для борьбы против этого господства. Несомненно, однако, что и при такой огромной трате сил человечество достигло все же в наиболее цивилизованных странах довольно значительной степени достатка и благосостояния.

Судите поэтому, какой степени процветания оно достигло бы, если бы не растранивалось напрасно ни одного усилия, если бы люди, перестав господствовать друг над другом, об'единились вместе, чтобы оказывать коллективное воздействие на природу, и если бы народы придерживались той же системы в отношении друг к другу.

Мы пытались обосновать необходимость для общества поставить перед собою положительную цель организации вместо неясной цели, какой является счастье.

В настоящее время, когда цель определена, мы можем составить себе более точное представление о том, насколько это необходимо. Для этого достаточно сравнить общественные системы, отвечающие двум условиям: пусть одна из них имеет неопределенную цель, а другая—положительную цель, которую мы установили. Эта параллель покажет, с новой точки зрения, значение выставленного нами принципа.

Представьте себе многочисленный караван, который говорит своим вожакам: „ведите нас туда, где нам будет лучше всего“. С этого момента вожаки—все, а караван—ничто, он идет слепо за своими вожаками, так как для того, чтобы такого рода путешествие могло продолжаться хотя бы только в течение 24-х часов, необходимо, чтобы караван имел неограниченное доверие к своим вожакам, оказывал им совершенно пассивное послушание. Поэтому он всецело находится во власти их недобросовестности и невежества. Он оставляет за собою лишь право заявить, что такая-то пустыня, куда его приведут, ему не нравится, и что его нужно вести в другое место, но это право может повести только к тому, что он подвергнется целой цепи экспериментов, которые не принесут ему никакой пользы до тех пор, пока он будет предоставлять своим вожакам определять цель путешествия.

Предположим, напротив, что караван говорит своим вожакам: „вы знаете дорогу в Мекку, ведите нас туда“. При этом новом положении вещей, вожаки уже не главари, они только проводники; их функции,—хотя и очень важные,—имеют теперь уже только подчиненный характер, главная же роль принадлежит самому каравану. Каждый путешественник имеет право, всякий раз как он сочтет это нужным, делать критические замечания по поводу избранного пути и предлагать, согласно собственным знаниям, изменения, которые он считает полезными. Так как спор может идти всегда лишь по поводу весьма определенного и доступного обсуждению вопроса („приближаемся ли мы к Мекке или удаляемся от нее“), то караван подчиняется уже не воле проводников (предполагая даже, что караван обладает некоторым просвещением); он подчиняется своему собственному убеждению, складывающемуся в результате представленных ему доводов.

Первый пример есть образ общества, дающего своим руководителям лишь общее предписание сделать его счастливым; второй—соответствует обществу, организовавшемуся для повышения своего благосостояния при помощи наук, искусств и ремесл. Можно даже утверждать, что огромная разница, существующая между двумя положениями каравана, дает лишь неполное представление о разнице между этими двумя общественными системами. Их противоположность кажется нам верно изображенною в следующих немногих словах: „при старой системе общество, в сущности, управляется людьми, при новой—оно управляется одними принципами“. Мы достаточно раз'яснили выше первую часть этого утверждения: займемся второю.

В обществе, организованном с определенной целью,—стремиться к процветанию посредством наук, искусств и ремесл,—наиболее важный политический акт, состоящий в определении направления, в котором общество должно идти, не совершается больше людьми, занимающими общественные должности,—он совершается самим общественным организмом. Только таким образом общество, как коллектив, может проявлять в действительности свой суверенитет, который в данном случае прояв-

ляется вовсе не в произвольном мнении, возведенном в закон массою, но в признании принципа, выведенного из самой природы вещей; людям же остается только постигнуть его справедливость и провозгласить его необходимость. При таком положении вещей граждане, на обязанности которых лежат различные общественные функции, даже самые высокие, играют с определенной точки зрения лишь подчиненные роли, потому что их обязанности, — как бы важны они ни были, — заключаются в том, чтобы идти по направлению, не ими избранному. Больше того, цель и предмет такой организации так ясны, так определены, что не остается места ни для произвола людей, ни для произвола законов, потому что и тот, и другой могут проявляться лишь благодаря неопределенности, которая является, — если так можно выразиться, — их естественной стихией. Власть управляющая тогда ничтожна или почти ничтожна, поскольку она означает власть повелевать. Все вопросы, которые должны решаться при такой политической системе, а именно: какими мероприятиями общество может увеличить свое благосостояние, пользуясь знаниями, которыми оно владеет в данное время в области наук, искусств и ремесел? какие меры нужно принять для распространения этих знаний и для возможно большего их развития? какими, наконец, средствами эти различные задачи могут быть осуществлены с наименьшими расходами и в кратчайшее время? — все эти вопросы, говорим мы, а также все те вопросы, которые они могут породить, безусловно положительного характера и доступны обсуждению; решение их может получиться лишь в результате представления научных доводов, совершенно не зависящих от человеческого произвола; участие в их обсуждении доступно всем, кто владеет достаточною степенью образования. Затем, при такой системе все общественные функции имеют положительный характер и ясно выраженную цель; поэтому необходимые для их выполнения способности представляются настолько бесспорными, их так легко констатировать, что никогда не может быть колебаний в этом вопросе и каждый гражданин будет естественно стремиться ограничиться той ролью, к которой он наиболее способен. И подобно тому, как каждый вопрос общественного характера будет тогда необходимо решаться соответственно приобретенным к данному моменту знаниям, так и все общественные обязанности будут неизбежно возложены на людей, наиболее способных¹⁾ их выполнить согласно общей цели ассоциации.

¹⁾ И в настоящее время пользуется признанием принцип, согласно которому должности должны замещаться наиболее способными людьми, но этот принцип не имеет ничего общего с тем принципом, который мы пытаемся обосновать. Способность, о которой говорят поддерживающие этот принцип люди, есть способность к насилию и коварству, а это не имеет ничего общего с той способностью, о которой здесь идет речь. Более того, мы глубоко убеждены, что было бы весьма прискорбно, если бы этой способностью обладала существующая политическая власть, так как необходимым результатом этого было бы продление существования уродливой социальной системы за ее естественные пределы. Современная неспособность гораздо предпочтительнее этой способности.

Таким образом, при этом порядке вещей, одновременно исчезнут три основных порока современной политической системы: произвол, неспособность и интрига.

Если в нашем кратком рассуждении о цели, к которой отныне должна стремиться социальная организация, мы не упомянули о поддержании порядка, то мы сделали это потому, что поддержание порядка есть основное условие, при котором общество может посвятить себя какой-либо деятельности, но его нельзя рассматривать, как цель общества. Взгляд, согласно которому политическая система должна стремиться единственно и исключительно к поддержанию порядка, взгляд, усвоенный и распространенный весьма почтенными людьми, основан на том, что при современном порядке вещей правительства действительно приносят реальную пользу лишь постольку, поскольку они более или менее хорошо обеспечивают спокойствие и безопасность всем отдельным видам труда. Всеми признано, что почти все меры, посредством которых правительства пытались оказывать влияние на общественное благосостояние, в конечном результате оказались лишь вредными для общества; из этого факта и был сделан вывод, что самое лучшее, что могут сделать правительства для счастья общества, это—не вмешиваться. Но эта точка зрения, правильная только по отношению к существующей политической системе, явно неправильна, если ее понимать в абсолютном смысле; она имеет смысл лишь до тех пор, пока мы не возвысились до представления о другой политической системе.

Функции, целью которых специально является поддержание порядка, займут в новой общественной организации место, соответствующее их естественному значению, иначе говоря, будут функциями подчиненными и полицейскими, ибо они, очевидно, могут быть главными функциями лишь до тех пор, пока общество не имеет цели; с того же момента, как оно приобретает какую-либо цель, хотя бы даже ошибочную, они становятся второстепенными. Заметим теперь, что эта отрасль общественной деятельности представляет собою в новой системе единственную отрасль, требующую определенной степени власти людей друг над другом, тогда как все остальные, как мы показали, являются сферой действия принципов. Отсюда следует, что власть, управляющая в собственном смысле слова, будет тогда, насколько возможно, ограничена. Следовательно, при этом порядке вещей люди будут пользоваться высшей степенью свободы, совместимой с состоянием общества. Больше того, нужно заметить, что эта обязанность поддержания порядка сможет тогда легко стать почти целиком общей обязанностью всех граждан— в смысле ли задержания нарушителей порядка, или в смысле решения споров. Таким образом, доля власти, которую потребуются вручить людям, специально уполномоченным на поддержание порядка, сможет быть крайне мала и будет тем менее опасна для свободы, что эти люди будут занимать лишь подчиненное положение. Только тогда бывает нужен большой правительственный аппарат для поддержания порядка,

когда политическая система не стремится определенно к общественному процветанию, потому что в этом случае на народную массу неизбежно приходится смотреть как на врага существующего порядка. Но когда каждый ясно видит цель, к которой общество идет,—повышение благосостояния,—и последовательные шаги, приближающие к ней, тогда масса населения проявляет пассивную силу, которой одной почти достаточно для обуздания противообщественного меньшинства.

Противоположность, существующую между двумя системами в указанном отношении, как нельзя лучше можно показать посредством следующего сравнения, взятого из области реальных и общеизвестных фактов.

Политехническая школа есть самое высшее из когда-либо существовавших учебных заведений. Когда возник вопрос об его создании, его основатели занялись, с одной стороны, разработкой плана обучения, который дал бы возможность массе учеников приобрести как можно больше знаний, и притом самых важных, в самое короткое время, с другой стороны, они занялись приглашением наиболее способных людей на должности преподавателей. Когда обе эти задачи были решены, они считали свою миссию выполненной: учреждение было основано. Считая, однако, что по характеру этого учреждения в нем должны иметь место некоторые административные функции, они распределили эти второстепенные должности между различными профессорами, которые время от времени собирались, образуя административный совет. Наконец, считаясь с тем, что в этом многочисленном собрании молодых людей необходимо поддерживать определенный порядок, чтобы они могли извлечь из преподавания всю возможную пользу, основатели возложили заботу об этом на достойное уважения должностное лицо, которое не обладало в достаточной мере способностями, чтобы быть профессором, и само причисляло себя к подчиненным. Известно, как процветало это учреждение.

Неожиданно появляется Бонапарт. Он находит это устройство чересчур простым и, чтобы внести в него немного своего, он хочет придать ему то, что он называет достоинством и значением. Что же он делает? Он подчиняет учреждение правителю из среды своих придворных, вице-правителю в чине полковника и директору, причем каждый из них имеет по несколько подчиненных и несет обязанности исключительно лишь по поддержанию дисциплины; он упраздняет административный совет и на его место ставит главного администратора, которому подчинено много чиновников различного ранга. И все это собрание бесполезных и неспособных людей блистает в первом ряду, в них видят душу учреждения, они пользуются высшей степенью уважения, они затмевают профессоров. Первоначальный естественный порядок совершенно извращен; подчиненная часть учреждения становится его главою, а действительно важные функции отодвинуты на задний план. Не зачем говорить, что это новое, еще теперь существующее устройство обходится несравненно дороже прежнего, и что как раз наиболее беспо-

лезные и наименее способные должностные лица и стоят дороже других.

Сделанное нами сравнение, взятое в большем масштабе и распространенное на все стороны общественного строя, даст возможность оценить по достоинству превосходство новой политической системы над прежнею.

Предшествующим изложением мы, надеемся, доказали, что единственное истинно важное дело, которое может быть сейчас сделано для усовершенствования общественного порядка, заключается в том, чтобы побудить общественное мнение ясно высказаться за организацию такой политической системы, которая имела бы целью труд для общественного благосостояния при помощи наук, искусств и ремесл. Мы не думаем, что с нас довольно этого доказательства. Мы считали бы нашу задачу выполненною только на половину, если бы мы не установили далее, что эта политическая система, независимо от ее преимуществ, естественно должна осуществиться в жизни в настоящее время в силу самого хода событий и в силу закона развития человеческого ума.

О промышленной системе.

(1821).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Кризис, переживаемый в продолжение тридцати лет политическим организмом, имеет своей основной причиной процесс полной смены социальной системы,—процесс, происходящий в настоящее время у наиболее цивилизованных наций. Именно эта полная смена и явится конечным результатом тех видоизменений, которые последовательно испытывал до сих пор старый политический строй. Говоря более определенно, существо этого кризиса состоит в переходе от феодальной и теологической системы к промышленной и научной. Он неизбежно будет продолжаться вплоть до того дня, когда будет вполне завершено образование новой системы.

И управляющие, и управляемые оставались до сих пор,—и остаются еще и сейчас,—в полном неведении относительно этих основных истин, или, скорее, и те, и другие их чувствуют, но только смутно и неполно, совершенно недостаточно. Деятнадцатый век все еще находится под владычеством критического характера восемнадцатого века, он все еще не принял свойственного ему организаторского характера. Такова истинная первопричина ужасной длительности кризиса и страшных бурь, сопровождающих его до сих пор. Но этот кризис по необходимости прекратится или, по крайней мере, превратится в простое моральное движение, как только мы подыдемся до понимания той возвышенной роли, которую нам отводит ход цивилизации, как только выйдут из своего состояния бездеятельности светские и духовные силы, которые должны в данный момент вступить в действие.

Философский труд, первый отрывок которого я представляю теперь публике, имеет своей главной целью развить и доказать те важные положения, которые я только что вкратце формулировал; он имеет целью по возможности привлечь общее внимание к истинному характеру великой социальной реорганизации, завещанной девятнадцатому веку: доказать, что эта реорганизация, подготовленная постепенно всем развитием цивилизации до настоящего момента, теперь вполне назрела и не может быть отсрочена без самых тягостных неудобств; указать точно и ясно, каким способом должна производиться эта реорганизация для того, чтобы она произошла спокойно, уверенно и быстро, несмотря на все реальные препятствия; одним словом, содействовать, насколько это в силах философии, образованию и завершению промышленной и

научной системы, установление которой одно только может положить конец современной социальной буре.

Промышленную доктрину,—я беру на себя смелость утверждать это вперед,—можно было бы легко понять и без больших усилий принять, если бы большинство умов было подготовлено соответствующим образом к тому; чтобы усвоить ее и судить о ней. Но, к несчастью, дело обстоит не так. Порочные и глубоко укоренившиеся умственные привычки мешают почти всем понять эту доктрину¹⁾. *Tabula rasa* Бэкона была бы гораздо более нужна для усвоения политических идей, чем для всех остальных, и по тому самому человеческий разум должен испытывать гораздо больше затруднений при восприятии именно этого класса идей.

Затруднения, которые испытывали ученые, которые пытались приучить к пониманию истинного духа астрономии и химии умы, привыкшие до тех пор рассматривать эти вопросы с точки зрения астрологии и алхимии,—эти же затруднения сказываются теперь и в политике, где совершается подобная же перемена, переход от гадательной науки к положительной, от метафизики к физике.

Вынужденный бороться с упорными и повсюду распространенными привычками, я считаю полезным пойти им навстречу и несколько предвосхитить часть моего труда. Я считаю полезным объяснить здесь кратко и в общей форме, какое влияние приобрели и сохраняют до сих пор в политике пустые и метафизические доктрины, какая ошибка заставляет принимать их за истинную политику и, наконец, почему теперь необходимо от них отказаться.

Промышленная и научная система родилась и развилась под господством феодальной и теологической системы. Этого простого сопоставления достаточно для того, чтобы дать почувствовать необходимость между двумя столь абсолютно противоположными системами—системы, так сказать, промежуточной и неопределенной. Единственным ее назначением было видоизменить старую систему настолько, чтобы позволить развиваться новой системе, а затем послужить к последней переходом. Этот общий исторический факт очень легко констатировать на основании приведенных мною данных. Всякая перемена, как в светской, так и в духовной области, может совершаться только постепенно. В данном случае перемена была так велика, а с другой стороны, феодальная и теологическая система по самой своей природе столь неспособна к каким-либо изменениям, что для возможности их осуществления потребовалась специальная деятельность в продолжение нескольких веков особых классов, порожденных старой системой, но отличающихся и до известной степени независимых от нее; таким образом, эти классы самым

¹⁾ По этой причине я считаю людей, обычно не занимающихся политикой, гораздо более способными—при прочих равных условиях—понять мой труд и судить о нем и вообще о всякой положительной политической мысли.

фактом своего политического существования должны были создавать в недрах общества то, что я называю отвлеченно промежуточной и переходной системой. Этим промежуточным классом в светской области были легисты, в духовной—метафизики; они столь же тесно связаны в своих политических действиях, как феодализм и теология, как промышленность и опытные науки.

Общий факт, указанный мною только что, имеет громадное значение. Это—одно из тех основных данных, на которые должна опираться положительная политическая теория. Осветить его сейчас должным образом особенно важно, потому что смутное и неясное его понимание больше всего содействует сейчас путанице в области политических идей и вызывает почти все политические шатания.

Совершенно не соответствовало бы философскому взгляду на вещи не признавать замечательного и полезного влияния, которое имели легисты и метафизики; они смягчили феодальную и теологическую систему, они помешали ей задушить с первых же шагов промышленную и научную систему. Легистам мы обязаны уничтожением феодальной юстиции и установлением менее притеснительного и более правильного правосудия. Сколько раз во Франции выступления парламента защищали промышленность от феодализма. Упрекать сословие легистов за его честолюбие, значит порицать неизбежные следствия полезной, разумной и необходимой причины; это значит обойти существо вопроса. Что касается метафизиков, то им мы обязаны реформацией шестнадцатого века и установлением принципа свободы совести, подкопавшего основание теологической власти.

Я вышел бы из рамок предисловия, если бы останавливался доле на тех соображениях, которые легко разовьет всякий здравый ум на основании предыдущих указаний. Я со своей стороны заявляю, что совершенно не понимаю, как могло бы,—без вмешательства легистов и метафизиков,—произойти видоизменение старой системы и развитие новой ¹⁾. С другой стороны, если нелено отрицать специальную услугу, какую оказали успехам цивилизации легисты и метафизики, то очень опасно и преувеличивать эту услугу или, вернее, ошибаться в оценке ее истинной природы. В силу самого своего назначения политическое влияние легистов и метафизиков было осуждено на мимолетность, так как оно не было организующим, а лишь видоизменяющим и облегчающим переход. Они выполнили свое естественное назначение с того мо-

¹⁾ Эта посредствующая стадия была до такой степени обусловлена самой природой вещей, что ее можно отыскать даже в способе обсуждения чисто научных вопросов. Какой астроном, физик, химик и физиолог, действительно заслуживающий это название, не знает, что человеческий ум в течение долгого времени пользовался в каждой отрасли метафизическим методом, прежде чем перейти от чисто теологических идей к положительным. Не убедился ли всякий, размышлявший над развитием наук, что для этого перехода промежуточное состояние было полезно и даже абсолютно неизбежно.

мента, как старая система потеряла большую часть своего могущества, а силы нового получили реальное преобладание в обществе, как в светской, так и в духовной области. Вплоть до этого момента, достигнутого вполне в середине прошлого века, политическая деятельность легистов и метафизиков была полезной и почтенной; но, перешедши свои естественные границы, она приняла совсем вредный характер.

Когда была провозглашена французская революция, дело шло уже не о видоизменении феодальной и теологической системы, которая потеряла уже почти все свои реальные силы. Дело шло об организации промышленной и научной системы, призванной по состоянию цивилизации заменить феодальную и теологическую. Следовательно, на политическую арену должны были выступить промышленники и ученые, каждый из этих классов в своей естественной роли. Вместо этого во главе революции стали легисты; они дали ей направление в соответствии с доктринами метафизиков. Излишне напоминать, какой ужасный разброд произошел вследствие этого, и какие несчастья явились следствием этого разброда. Но следует сугубо отметить, что, несмотря на этот громадный опыт, государственными делами все еще руководят легисты и метафизики, что только они в настоящий момент направляют все политические прения.

Этот опыт, как бы дорого он ни стоил и каким бы решительным он ни был в действительности, все же осужден оставаться бесплодным по причине своей сложности, если непосредственным анализом не будет доказана абсолютная необходимость отнять у легистов и метафизиков то общее политическое влияние, которым они пользуются благодаря предвзятому мнению о превосходстве их доктрин. Но очень легко доказать, что доктрины легистов и метафизиков по своей природе совершенно неспособны теперь должным образом руководить политическими действиями правителей и управляемых. Это обстоятельство столь существенно, что перед его лицом совершенно, так сказать, исчезают преимущества, какие могли бы дать способности отдельных лиц, как бы блестящи они ни были.

Умы, хотя бы немного просветленные, хорошо сознают теперь необходимость общего преобразования социальной системы: потребность в нем столь назрела, что она неизбежно должна ощущаться. Но главная ошибка, допускаемая при этом, состоит в вере, что в основу новой системы могут быть положены доктрины легистов и метафизиков. Эта ошибка поддерживается только тем, что люди идут недостаточно далеко в своих политических наблюдениях и не исследуют достаточно глубоко общих фактов. Лучше сказать, она объясняется тем, что политические рассуждения все еще не основываются на исторических фактах. Без этого нельзя было бы обманываться настолько, чтобы принимать за истинную смену социальной системы видоизменение ее, которое оказало уже все свое влияние и не может больше играть никакой роли.

Легисты и метафизики склонны принимать форму за содержание и слова за дело. Отсюда общепринятая идея о бесконечном почти разнообразии политических систем. Но на самом деле нет и не может быть других систем социальной организации, кроме двух, действительно отличающихся друг от друга: феодальной или военной системы и системы промышленной; в духовной области—системы верований и системы положительных доказательств. Весь возможный срок жизни цивилизованного человечества делится по необходимости на периоды по этим двум великим общественным системам. Как для личности, так и для нации существуют только две цели деятельности: или завоевание, или труд; в духовном мире им соответствуют или слепые верования, или научные доказательства, т. е. доказательства, основанные на положительных наблюдениях. Следовательно, необходимо изменение цели общей деятельности для того, чтобы изменилась в действительности социальная система. Всякие иные усовершенствования, сколь бы значительны они ни были, являются только видоизменениями, т. е. переменами формы, а не системы, Метафизика заставляет видеть вещи в ином виде только благодаря создаваемой ею несчастной способности соединять то, что должно быть расчленено, и расчленять то, что должно быть соединено.

Когда феодальная или военная система была в полном цвету, общество было организовано точным и характерным образом, ибо оно ставило себе тогда ясную и определенную цель. Этой целью было развитие большой военной деятельности; все части политического организма были согласованы и приспособлены к достижению этой цели. И сейчас общество также стремится организовать более совершенным образом, не менее точным и характерным, имея своей целью промышленную деятельность, к которой также будут направлены как бы единым пучком все социальные силы. Но со времени распада феодальной или военной системы и до сих пор общество не было организовано настоящим образом, так как обе указанные выше цели стояли рядом, почему политический строй имел убогодочный характер. Однако то, что было полезно и даже необходимо, как переходное и подготовительное состояние, стало явной нелепостью в качестве постоянной политической системы теперь, когда переход в главных чертах завершился. Тем не менее, именно к такому положению и ведут доктрины легистов и метафизиков.

Общество нуждается в цели для своей деятельности; без этого не может быть никакой политической системы, повторение этого положения никогда не будет излишним¹⁾... Между тем законодательство само

1) Бонапарт чувствовал эту основную истину, когда он предпринял восстановление феодальной и теологической системы. Он только сделал из нее ложное приложение, причиной чего была его бездарность в такой же и даже в большей мере, чем его честолюбие: ведь его воспитание давало ему возможность узнать, в каком направлении должен действовать теперь глава цивилизованной нации. В нашу эпоху честолюбец становится военным, если он чувствует себя бездарным, и промышленником, если чувствует себя даровитым.

по себе никогда не является целью, а может быть только средством. Не было ли бы странно, если бы в результате всех успехов цивилизации люди стали бы теперь объединяться в общества с той целью, чтобы составлять законы друг для друга¹⁾? То было бы без сомнения пределом мистификации. Не было ли бы это похоже на людей, которые с важностью собираются для того, чтобы наметить новые правила шахматной игры, и вследствие этого считают себя игроками? Столь явная нелепость тем не менее естественна и, следовательно, простибельна у легистов, способность суждения которых обычно испорчена вслед-

1) Нам скажут, без сомнения, что, согласно рассматриваемой гипотезе, целью общественного договора является обеспечение свободы. Но это значит постоянно вращаться в том же кругу идей и принимать переходное состояние за ту систему, которую необходимо установить.

Поскольку феодальная и теологическая система сохраняла еще какие-либо силы, сохранение свободы должно было быть предметом важнейших забот, так как свобода тогда подвергалась тяжелым и непрерывным нападениям. Но теперь, когда дело идет об установлении промышленной и научной системы, нечего об этом беспокоиться; эта система приведет с необходимостью без всяких особых забот об этом к наивысшей ступени социальной свободы в светской и духовной области. При таком строе создание сложного аппарата политических комбинаций, направленного единственно к тому, чтобы охранять свободу от покушений, которым она на самом деле не может больше подвергаться, было бы очень похоже на сражение Дон-Кихота с ветряными мельницами. Кроме того, обеспечение индивидуальной свободы ни в коем случае не может быть целью общественного договора. Свобода, рассматриваемая с правильной точки зрения, является следствием цивилизации, прогрессивной, как и свобода, но не может быть ее целью... Никто не соединяется с другими для того, чтобы стать свободным. Дикари соединяются для того, чтобы охотиться, чтобы вести войны, но, конечно, не для того, чтобы обеспечить себе свободу. Ибо для этого им было бы лучше оставаться изолированными. Повторяю: требуется некоторая цель для деятельности, и свобода не могла бы быть ею, потому что она такую цель предполагает. Ибо истинная свобода состоит совсем не в том, чтобы сохранять, если захочешь, безделье в ассоциации; такие наклонности должны сурово подавляться повсюду, где они существуют; свобода состоит, напротив, в возможно широком и беспрепятственном развитии материальных и духовных способностей, полезных ассоциации.

Отметим, кроме того, что по мере прогресса цивилизации развивается в той же степени и разделение труда, как в духовной, так и в материальной области, как в частностях, так и в самом общем смысле. Отсюда вытекает с необходимостью, что люди меньше зависят друг от друга индивидуально, но зато в такой же точно степени увеличивается зависимость каждого из них от массы. Между тем, пустая, метафизическая идея свободы в таком виде, как она теперь распространена, в высшей степени стеснила бы действие массы на личности, если бы мы ее по-прежнему положили в основу политической доктрины.

С этой точки зрения, она противоречила бы развитию цивилизации и мешала бы организации хорошо координированной системы, так как такая система требует тесной связи частей и зависимости их от целого.

Я не говорю уже о политической свободе, потому что очевидно, что в ней еще меньше, чем в индивидуальной свободе можно видеть

ствие привычки их рассматривать только формы. Но со стороны промышленников, привыкших наоборот рассматривать все по существу, оставаться под влиянием такой ошибки было бы абсолютно непростительно.

Вернемся же к здравому взгляду на вещи. Признаем, что влияние легистов и метафизиков было в течение долгого времени полезным, так как оно видоизменяло феодальную и теологическую систему и тем облегчало развитие промышленной и научной системы. Но признаем также, что именно в силу указанного это влияние должно было прекратиться после того, как оно выполнило свое назначение, и что оно теперь лишилось своего полезного действия. Старая система видоизменилась на-

цель ассоциации. Впрочем, для характеристики истинного положения вещей, я могу здесь заметить, что наиболее полным и ощутительным доказательством пустоты и неопределенности, в которой пребывают еще политические идеи, служит признаваемое в теории за каждым гражданином, вне всякой зависимости от способностей, в качестве естественного права, право заниматься публичными делами. Это право ограничивается только на практике, да и то опять-таки независимо от способностей. Если бы этой теории не было, можно ли было бы когда-нибудь даже подумать о том, чтобы заявить, что для политических рассуждений не требуется ни естественных, ни приобретенных способностей. Такие заявления делаются, правда, не прямо, но смысл их не подлежит сомнению.

Почему не провозгласить, что французы, уплачивающие тысячу франков прямых налогов, способны делать открытия в химии, раз устанавливают совершенно тот же принцип в области политики, по своему столь же трудной и столь же важной, как и химия. Почему? Потому что ясно, какие способности являются необходимым условием для занятия химией, и не ясно, какие способности необходимы для политики. В чем же основа этого различия? В том, что химия теперь положительная наука, в то время как политика только гадательная доктрина, не заслуживающая звания науки. Метафизика не учит ничему реальному. Именно поэтому ей свойственно утверждать, что люди способны ко всему, не нуждаясь для этого ни в каком специальном изучении. Замечательное положение, на которое я только что указал, существует теперь только в политике и в философии, ее матери; потому что только они из всех отраслей наших знаний остались еще метафизическими. Но нечто аналогичное можно наблюдать и в области наук, которые являются сейчас наиболее положительными, если мы перенесемся в ту эпоху, когда они еще пребывали в мрачных владениях метафизики. Какие способности являются необходимым условием для того, чтобы иметь право заниматься науками,—это было выяснено с точностью, это перестало быть предметом всеобщих споров только тогда, когда соответственные науки приняли положительный или опытный характер. Абсолютно то же самое должно произойти и в политике. Сейчас еще можно, не подвергаясь насмешкам, защищать то мнение, что политические знания прирождены, или что достаточно родиться французом для того, чтобы быть в состоянии рассуждать о политике. Это считается даже патриотическим. Но когда политика возвысится до ранга опытных наук,—что сейчас уже не может быть надолго отсрочено,—тогда станут точными и определенными условия способностей, требующихся для занятия ею; занятие политикой будет тогда исключительно поручено специальному классу ученых, который заставит умолкнуть болтунов.

столько, что не имеет уже достаточно силы, чтобы по-прежнему служить основой общества, новая же система развилась настолько, что ожидает теперь лишь толчка, для того, чтобы овладеть социальным организмом. Легисты и метафизики охраняли новую систему в ее детстве против старой системы, переживавшей цветущий возраст. Но после того, как ребенок стал совершеннолетним, а зрелый человек впал в дряхлость, всякое вмешательство бесполезно и вредно, и новый человек должен непосредственно договариваться со стариком.

Действительно, теперь посредничество легистов и метафизиков между старой и новой системами является главной причиной безвыходной запутанности в области политических идей; это оно скрывает факт приближения господства промышленного режима. Но пусть устранят этот посредствующий член, пусть отношения между обеими противоположными системами станут непосредственными, и весь этот хаос рассеется, как по мановению волшебного жезла. Люди объяснятся и поймут друг друга; они не будут больше думать, что общество может существовать без цели для своей деятельности; так как старой военной цели у общества быть больше не может, то они признают, что следует безотлагательно заняться организацией общества для промышленной цели. Феодалный и теологический класс почувствуют, что не имеют никаких способов бороться с промышленниками и учеными, что они не могут помешать окончательному установлению новой системы. Промышленники и ученые почувствуют в свою очередь, что они должны вознаградить старые классы за прекращение их политической карьеры, облегчая им вступление на новое поприще. Я, может быть, слишком много говорил здесь об основном факте, составляющем предмет моего исследования. Но он настолько важен для понимания политических идей, что я не могу жалеть об этой пространности изложения. Надеюсь, что она облегчит читателю понимание моего произведения, указывая ему точно тот пункт, в котором оно противоречит общепринятым идеям. Ибо этот очерк имеет своей главной целью определить более точно,—и я не мог этого сделать никаким другим способом,—истинный характер промышленной системы, дав почувствовать ее радикальное отличие от расплывчатой либеральной системы, с которой ее склонны смешивать. Одним словом, я хотел резко отмежевать научную политику, основанную на согласованных рядах общих исторических фактов, от метафизической политики, основанной на абстрактных предположениях, более или менее бессодержательных, более или менее пустых, являющихся только видоизменениями богословских идей.

Я рассматривал во всем предшествующем изложении великое моральное движение, к которому предназначено теперь общество, только с точки зрения смены основных доктрин. Но существует другая точка зрения, на которую я должен указать в немногих словах в этом предисловии.

Идеи и чувства неизбежно связаны друг с другом и соответствуют друг другу. Всякое великое движение в области идей вызывает подоб-

ное же движение в области чувств. С этой точки зрения любовь к человечеству является подобием и необходимой помощницей философии. Чтобы вызвать великое философское движение, имеющее своей целью перемену общих идей, необходимо, чтобы все люди, способные к благородным и возвышенным чувствам, развили широкую филантропическую деятельность. Распадение старых основных доктрин развило эгоизм, все более опустошающий общество и в высшей степени противодействующий образованию новых доктрин. Для того, чтобы бороться с ним и разбить его, необходимо выступление на арену филантропии. Эта работа не менее необходима, чем работа философская, и должна даже предшествовать ей. Вот почему я полагал своей обязанностью в этом же первом отрывке моего труда обратиться с призывом к друзьям человечества, т. е. ко всем людям, одаренным благородными чувствами, каково бы ни было их социальное положение, принадлежат ли они к сторонникам старой системы, новой или переходной.

ПОСЛАНИЕ К КОРОЛЮ.

Ваше Величество!

Уже в течение многих лет, а особенно в последнее время, состояние социального организма вызывает тревогу государей.

Во Франции, равно как и в других западно-европейских странах, все проникательные люди с беспокойством наблюдают тот кризис, в который оказалось вовлеченным современное общество; все ясные умы, каковы бы ни были их мнения относительно природы и средств прекращения этого кризиса,—все они признают полную невозможность того, чтобы современное политическое положение было длительно; все кричат о необходимости достигнуть, наконец, устойчивого порядка вещей. Эта потребность глубоко чувствуется теперь как народами, так и государями,—каждым согласно присущим ему интересам.

Раз наличие зла в достаточной мере установлена и признана, ничего другого не остается делать, как искать средства к его устранению. К несчастью, все усилия, затраченные до сих пор с этой целью государственными людьми и публицистами, не подвинули сколько-нибудь заметно вперед разрешение этого вопроса. Это вполне очевидно, ибо, несмотря на все теоретические труды и практические попытки, как правители, так и управляемые все еще почти в равной степени недовольны положением дела, в равной степени тревожатся за свое будущее, в равной степени не знают, куда идти.

Из этого необходимо заключить, что изыскания государственных людей и публицистов о способах восстановления спокойствия в общественном строе до сих пор были плохо направлены.

Если попытаться пойти дальше и установить, в чем заключалась неправильность избранного ими пути, то мы найдем, что эта неправиль-

ность заключалась в том, что они клали в основу своих рассуждений почти исключительно чисто метафизические принципы и поверхностный анализ социального положения современного общества, вместо того, чтобы опираться на целый ряд широких исторических наблюдений над ходом развития цивилизации. Это не трудно доказать следующими рассуждениями, которые достаточно наметить в общих чертах.

Если рассмотреть великую политическую проблему с точки зрения наиболее доступной пониманию правительства, то проблема эта целиком сводится к тому, чтобы определить, какой порядок вещей может принести в настоящее время устойчивость.

Между тем, единственный устойчивый и прочный государственный строй, очевидно, есть тот, который опирается на светские и духовные силы, получившие уже в настоящее время наибольшее влияние и имеющие вместе с тем тенденцию в силу одного лишь естественного хода вещей все более и более выявлять свое преобладание. Если же это так, то не остается сомнения, что наблюдение прошлого есть единственное средство безошибочно обнаружить эти силы и оценить, по возможности точно, их тенденцию и достигнутую уже ими степень преобладания над другими силами. А отсюда следует, что изучение хода развития цивилизации должно лечь в основу политических рассуждений, чтобы они были способны руководить государственными людьми при выработке ими общих планов действия; ведь до сих пор даже наиболее способные из них никогда не следовали этому методу, ограничиваясь анализом лишь современного состояния общества и отвлекаясь от предшествующих форм; потому-то и политика их до сих пор была лишена надлежащих основ.

Всякий анализ настоящего, взятый изолированно, как бы искусно он ни был сделан, может дать только весьма поверхностные или даже совершенно ложные выводы, так как такой анализ склонен беспрестанно смешивать и принимать один за другой два вида элементов. Эти элементы существуют всегда совместно в политическом организме, но их весьма существенно различать; это—пережитки угасающего прошлого и зародыши восходящего будущего.

Это различие, полезное для всякой эпохи в целях выяснения политических идей, является основным в настоящее время, когда мы соприкасаемся с величайшей революцией, переживаемой человеческим родом.

Но если не руководиться внимательнейшим изучением прошлого, то как отличить социальные элементы, относящиеся к системе, которой предстоит исчезнуть, от элементов той системы, которой предстоит утвердиться?

Далее, без такого внимательнейшего различения—какая человеческая прозорливость могла бы избежать обычной ошибки, состоящей в том, что мы принимаем за силы, преобладающие в обществе, такие си-

лы, от которых остается уже одна лишь тень и которые представляют собой не что иное, как сущности, так сказать, метафизические?

Итак, чтобы рассмотреть современный социальный кризис в его настоящем виде и чтобы открыть верное средство к его прекращению, правительствам безусловно необходимо в основу своих рассуждений положить те общие выводы, к которым приводит ряд наблюдений над ходом развития цивилизации.

Но сверх того необходимо иметь в виду, что эти наблюдения могут быть весьма поучительны и полезны лишь в том случае, если они производятся в большом масштабе и относятся к общественной системе в ее целом или к наиболее существенным ее элементам. Если же они относятся к слишком близкой эпохе или произведены со слишком частной точки зрения, они могут лишь породить новые заблуждения; примеров этого можно было бы привести очень много.

Наиболее подходящей отправной точкой мне представляется эпоха формирования наших современных обществ, — средние века. Философское наблюдение прошлого, начиная с этой эпохи, дает нам замечательнейшее обобщение, которого достаточно для того, чтобы поставить нынешнюю политику правительства на положительное и весьма широкое основание.

Кратким изложением этого обобщения и вытекающих из него главных следствий я и хочу ограничиться в настоящем послании, с которым я осмеливаюсь обратиться к Вашему Величеству.

Ваше Величество! Проповедь христианства в Европе и завоевание Западной империи северными народами положили основание современному обществу.

Во Франции его начало относится к V столетию, но правильную организацию оно получило лишь к XI веку, благодаря всеобщему утверждению феодализма и окончательной организации духовной власти при Гильдебранде и его первых преемниках.

В эпоху старого порядка все, относящееся к светской жизни общества, было в руках военного сословия. Вся собственность, как движимая, так и недвижимая, принадлежала исключительно ему. Даже трудящиеся были его рабами, каждый в отдельности и все вместе. Точно также, духовенство, которое, впрочем, разделяло с военными светские привилегии феодального строя, являлось исключительным руководителем духовной жизни общества не только в общем, но и во всех частностях. Оно одно руководило как общим, так и частным образованием; его доктрины и решения давали направление мнениям и поведению всех людей во все возрасты и при всех обстоятельствах жизни.

Этот политический строй держался в течение нескольких веков независимо от действия силы, которая его первоначально установила, так как этот строй находился в полном соответствии с состоянием цивилизации того времени. Промышленность находилась тогда еще в младенческом состоянии, а война должна была составлять главное занятие на-

селения, как в качестве средства обогащения, так и в качестве средства защиты от нападений, которые беспрестанно ему угрожали. Вследствие этих двух обстоятельств военное сословие, вполне естественно, было облечено высшей степенью власти и авторитета, тогда как промышленники могли занимать лишь подчиненное положение. С другой стороны, положительные науки ещё совсем не существовали, и духовенство, будучи единственным сословием, обладавшим некоторым просвещением, приобрело по необходимости безраздельную власть над умами, получило в исключительное управление совесть и вследствие этого заняло в обществе положение, соответствовавшее его выдающимся функциям.

Два главные обстоятельства, вызванные естественным ходом цивилизации и сопутствуемые в своем действии массой других важных явлений, более или менее тесно с ними связанных, мало-по-малу, но безвозвратно разрушили этот политический строй, постепенно, изменив сверху до низу то состояние общества, которому этот строй соответствовал. Эти два обстоятельства—раскрепощение общин и развитие положительных наук, принесенных в Европу арабами.

Промышленникам, бывшим раньше рабами, благодаря упорному труду, терпению, бережливости и изобретательности, удалось все же приумножить то небольшое достояние, которое позволили им составить их господа. К тому же и военное сословие, чтобы легче обеспечить себе те удовольствия, которые доставляли ему новые, созданные промышленниками предметы, согласилось предоставить им свободное распоряжение своей личностью и произведениями своего труда.

Это освобождение открыло промышленности путь к развитию, и она с этих пор делает непрерывные и все возрастающие успехи. Благодаря этому, круг потребностей и наслаждений все расширяется, и в результате—в то время, как промышленники создают своими трудами огромную массу новых ценностей, дворяне непрерывно продают им все большие и большие доли своей движимой и недвижимой собственности.

Медленное, но неуклонное действие этих двух постоянных и ведущих к одной и той же цели факторов привело к такому перемещению собственности, что масса промышленников, считая в их числе и земледельцев, владеет в настоящее время наибольшей частью всех богатств. Эта перемена повлекла за собой и другое перемещение в общем направлении развития общества.

По мере того, как общество, благодаря промышленности, умножало свои богатства, война стала терять свое значение, как средство захвата.

И так как тот же переворот происходил у всех западно-европейских народов, то и оборонительная война также теряла все большее свое значение.

Вследствие этого военная профессия может теперь играть в обществе лишь весьма подчиненную роль.

Этому естественному результату сильно способствовало изобретение пороха, которое вызвало исчезновение военного обучения, как обучения

специального, и поставило военную силу в существенную зависимость от промышленности; таким образом, отныне военные успехи обеспечены наиболее богатым и наиболее просвещенным народам.

Это постепенное возвышение промышленности и соответственное падение феодализма в частной жизни сопровождалось непрерывным ростом политического влияния промышленного класса за счет класса феодального.

Ваши предки, Государь, сильнее всего способствовали в этом существенном отношении естественному ходу вещей,—и вот, благодаря постоянному совместному действию этих двух факторов, политическое могущество дворянства было почти совершенно уничтожено одновременно с падением его роли в гражданском обороте.

Если теперь присмотреться к обществу с его духовной стороны, то мы найдем, что и здесь произошла столь же полная перемена.

Когда в Европу чрез посредство арабов проникли опытные науки, духовенство начало было их разрабатывать, но оно скоро бесповоротно их оставило, и они перешли в руки отдельного класса, который с тех пор образовал новый элемент в обществе.

Благодаря огромным успехам, сделанным с того времени науками, совершенно рассеялось то умственное превосходство духовенства, которое составляло истинную основу его духовной власти. Под влиянием просвещения умы людей мало-по-малу освободились от полного подчинения теологическим верованиям. Наконец, и политическое влияние этих верований, и даже их моральное влияние были уничтожены в самом своем основании с того момента, как за каждым человеком было признано право подвергать их критике и принимать или отвергать их согласно своим личным убеждениям.

По мере того, как взгляды духовенства теряли свое господство, взгляды ученых в области их компетенции начали приобретать авторитет даже в тех случаях, когда они оказывались в явном противоречии с взглядами духовенства.

В настоящее время одни лишь научные положения могли бы претендовать на общее признание и влияние, богословские же суждения пользуются реальным весом лишь в наименее просвещенных классах общества; но и там их влияние довольно слабо и не может идти ни в какое сравнение с тем влиянием, которым пользуются здесь мнения ученых.

Это—факт, о котором можно сожалеть, но который необходимо признать в полной мере; в высшей степени важно никогда не упускать его из виду, иначе легко впасть в коренное заблуждение относительно средств прекращения того беспорядочного состояния, в котором очутилось общество.

Все вышесказанное представляет собою краткое изложение наиболее общих наблюдений над главнейшими политическими фактами последних

семи или восьми столетий. Это изложение может быть в свою очередь точно резюмировано в виде следующего общего вывода:

«Как светская, так и духовная власть в обществе перешла в другие руки. Действительная светская власть сосредоточена в настоящее время в руках промышленников, духовная же в руках ученых; эти два класса являются притом единственными, которые оказывают реальное и постоянное влияние на общественное мнение и поведение народа».

Вот эта-то перемена в самом основании общества и была действительной причиной французской революции. Этот великий кризис вовсе не имел своим источником тот или другой отдельный факт, какую бы притом реальную важность он ни имел. Переворот в политической системе произошел по той единственной причине, что состояние общества, которому соответствовал старый политический строй, совершенно изменилось по существу. Гражданская и моральная революция, которая совершалась постепенно, в течение шести столетий с лишним, породила и сделала неизбежной революцию политическую: это как нельзя более соответствовало природе вещей. Если желательно указать непременно происхождение французской революции, то его следует приурочить к тому моменту, когда в Западной Европе началось раскрепощение общин и развитие опытных наук.

Прежде, чем из вышеизложенного резюме сделать выводы относительно плана действий, который, по моему мнению, должен быть в настоящее время принят правительствами, необходимо бросить общий взгляд на тот путь, которым шла французская революция до настоящего времени, и на главные ее результаты. Хотя основные устои общества остались в сущности такими же, как я только что обрисовал, и хотя они продолжали лишь развиваться далее в том же самом направлении, однако события привнесли в них чисто случайные элементы, которые способствуют затемнению их истинного характера.

Так как основной причиной французской революции было изменение соотношения сил, которое произошло как в светской, так и в духовной областях, то единственным средством направить ее надлежащим образом, несомненно, являлось привлечение к непосредственной политической деятельности тех сил, которые получили преобладающее значение; это средство и теперь еще остается единственным, какое способно ее завершить. Надо было, следовательно, призвать промышленников и ученых к образованию такой политической системы, которая соответствовала бы новому социальному строю. Это, повидимому, понял ваш знаменитый и несчастный брат, Государь, когда предоставил третьему сословию двойное представительство в генеральных штатах.

Итак, революция начата была хорошо. Почему же она почти тотчас же попала на ложный путь? Вот это-то и важно выяснить, а для этого нам необходимо вернуться к прошлому.

По своей природе человек не может переходить от одной доктрины непосредственно к другой. Этот закон с еще большей строгостью дей-

ствуется в применении к различным политическим системам, проходить через которые человечество вынуждается естественным ходом цивилизации. Таким образом, та же необходимость, которая в промышленности создала элемент новой светской власти, предназначенной заместить военную, а в положительных науках—элемент новой духовной власти, призванной наследовать теологической,—та же необходимость должна была развиться и привести в действие (прежде чем эта перемена в состоянии общества стала давать себя чувствовать) как светскую, так и духовную власть промежуточного, убогодочного, переходного характера, — власть, единственная роль которой заключалась в облегчении перехода от одной социальной системы к другой.

Для перехода от военного принципа к промышленному должен был создаться промежуточный принцип, который, признавая главенство первого, подчинил бы, однако, его действие различным ограничениям и правилам, введенным в интересах промышленников.

Точно так же, для перехода от власти теологической, основанной на откровении, к власти научной, основанной на доказательствах, должна была сначала установиться промежуточная власть, которая, допуская авторитет некоторых основных религиозных верований, признала бы право исследования во всех второстепенных областях. Предугадать эти два общих факта можно было бы и посредством одного размышления, если бы даже не заставила нас признать их история.

И действительно, история показывает нам, что эти два промежуточных класса были: в области светской власти—легисты, а в области духовной—метафизики.

Легисты, которые по своему происхождению были лишь агентами военного сословия, вскоре образовали отдельный класс, который видоизменил действие феодального строя, создав юриспруденцию, являющуюся не чем иным, как стройной системой барьеров, противопоставленных применению силы.

Точно так же, метафизики ¹⁾, выпешдшие сначала из недр теологии и никогда не перестававшие строить свои рассуждения на религиозной основе, видоизменили влияние теологии, установив права исследования в области вероучения и морали.

Их деятельность, которая началась, главным образом, с реформации XVI века, закончилась в истекшем столетии провозглашением неограниченной свободы совести.

В результате этого естественного порядка вещей, легисты и метафизики в течение последних двух или трех столетий почти безраздельно

¹⁾ Ими, очевидно, и была произведена в Англии и Германии перемена в области духовной власти.

Во Франции эту роль играли, главным образом, литераторы, но так как все их принципы были по существу метафизическими, то я счел нужным применить к ним наименование метафизики, а не литераторы, так как это наименование и более обще и более характеристично.

занимали арену политической жизни, а коммуны мало-по-малу усвоили привычку видеть в них естественных защитников их общих интересов.

Так как они действительно великолепно выполнили то задание, которое поставил перед ними естественный ход цивилизации, то коммуны, приняв за абсолютно верное то, что было верно лишь относительно, сочли за лучшее доверить им защиту интересов промышленности, когда они были призваны принять участие в генеральных штатах 1789 года. Эта основная ошибка коммун, вытекавшая из их политического неведения, была главной причиной того ложного направления, которое приняла революция с самого своего возникновения.

Коммуны должны были понять, что переходный период уже закончился или по меньшей мере достаточно подвинулся вперед, и что вследствие этого роль легистов и метафизиков уже сыграна,—во всяком случае, как главная роль.

Они должны были понять, что истинная цель революции состояла в образовании совершенно новой политической системы, и что легисты и метафизики, все труды которых ограничивались лишь измышлением переходных форм, в силу этого самого были неспособны правильно руководить революцией; они должны были сообразить, что выполнить это задание могли исключительно наиболее способные из людей науки и из промышленников; одним словом, они должны были выбрать себе советников из своей же собственной среды.

Легисты же и метафизики, призванные, таким образом, к организации новой политической системы, могли только продолжать идти по своему постоянному, привычному пути; поэтому они занялись единственно установлением пространной системы гарантий для управляемых и сдержек для управляющих, не замечая, что уже почти исчезли те силы, от которых они старались еще себя ограждать.

Когда же у них явилось желание идти дальше, то они бросились на отвлеченный вопрос о наилучшей возможной власти и, неизменно верные своим обычным навыкам, разрешили его как вопрос юридический и метафизический. Ибо теория прав человека, служившая основой всей их деятельности в области общей политики, есть, действительно, не что иное, как применение к политике высшей метафизики и высшей юриспруденции.

Совершенно бесполезно припоминать здесь абсурдные идеи, порожденные этим методом, и плачевные практические последствия, явившиеся ее результатом. Как бы ни были пагубны эти последствия ложного образа действий легистов и метафизиков, мало соответствовало бы задачам философии упрекать их в этом. Это был единственно свойственный им образ действий,—его коренной недостаток заключался в том, что он совершенно не был приспособлен к решению тех задач, которые были поставлены.

Вся ошибка, следовательно, заключается, в конечном счете, в образе действий коммун, которые избрали себе представителей в тех клас-

сах, где они вовсе не должны были их брать. Мы избежали бы всех великих бедствий нашей революции, если бы промышленники, в ответ на благородный призыв королевской власти, избрали себе руководителей в собственной среде.

Простой здравый смысл руководит лучше, чем ложные научные построения. Если бы коммуны сами занялись рассмотрением своих интересов, они не были бы вовлечены в метафизические рассуждения о правах человека; они ограничились бы руководством своего собственного политического опыта. Точно так же, как они когда-то выкупили свою свободу, они выкупили бы тогда у военного сословия ту долю политических прав, которою оно продолжало пользоваться и которая тяготела над коммунами. Уничтожение феодализма вместо насильственного образа действий произошло бы в силу полюбовной сделки, и революция с самого своего возникновения получила бы характер мирной реформы.

Более того, она скоро бы и кончилась, ибо коммуны, хорошо зная, что соответствует их интересам, и руководствуясь только позитивными идеями, вступили бы прямо на путь новой политической системы, которая формировалась бы затем постепенно, в нормальном порядке, по мере выяснения идей.

Государь! Если я счел нужным остановиться на вышеизложенном, то вовсе не для выражения напрасных сожалений о прошлом, а потому, что ошибка, допущенная промышленниками в самом начале революции и сообщившая ей столь дурное направление,—эта ошибка еще и теперь является главным препятствием к водворению устойчивого порядка вещей, согласного с интересами королевской власти и коммун.

Я глубоко убежден, что Ваше Величество не смогли бы оказать своей династии более существенной услуги, как употребив свое влияние на то, чтобы победить политическую инертность промышленников и то упорство, с каким они доверяют легистам и метафизикам защиту их общих интересов. Впрочем, наблюдение, на котором основан этот взгляд, верно относительно коммун, верно также—и на тех же самых основаниях—и относительно королевской власти.

Если при теперешнем политическом положении легисты и метафизики оказываются не способными представлять общие интересы коммун, то они, в равной степени и по той же причине, неспособны и к службе в качестве советчиков королевской власти.

Объяснив то направление, которое приняла революция, я перехожу к указанию результатов, к которым она привела до реставрации.

Результаты революции, на которые прежде всего необходимо обратить внимание в данном случае, сводятся в светской области к уничтожению феодальных привилегий, к продаже имений дворянства и духовенства и к появлению нового феодализма; в области же духовной—к торжественному установлению свободы совести.

Пожалованная Вашим Величеством хартия освятила затем эти результаты.

Продажа дворянских и духовных имений была актом насилия, не зависящим от естественного хода вещей, а образование нового феодализма явилось результатом того ложного направления, по которому пошла революция с самого своего возникновения. Что же касается уничтожения прежнего феодализма и установления религиозной свободы, то эти результаты совершенно уже не имели такого случайного характера. Они явились неизбежным следствием развития общества в течение предшествовавших веков, начиная с раскрепощения коммун и проникновения в Европу через посредство арабов положительных наук.

Эти результаты можно рассматривать лишь как естественное завершение процесса упадка прежней социальной системы,—процесса, шедшего до тех пор с постепенностью.

Часто отмечали, что исполнение какого-либо крупного дела, какого бы характера оно ни было, почти всегда целиком приписывается тому, кто лишь последний приложил к нему руку, но кто по существу способствовал его успеху лишь в самой малой степени. На совершенно таком же основании поверхностные умы приписывают разрушение прежней социальной системы французской революции. Однако весьма несложное размышление должно было бы предостеречь от столь очевидной ошибки, послужившей тем не менее источником множества неправильных суждений как со стороны поклонников революции, так и со стороны ее хулителей. Достаточно было спросить себя: каким чудом здание, построение которого потребовало более чем шестисотлетних усилий и трудов всякого рода, могло быть разрушено в одно мгновение, если при том допустить, что оно существовало без изменений в течение семи-восьми столетий.

Уничтожение феодализма, произведенное учредительным собранием, было лишь упразднением остатка политической власти, который дворяне сохранили еще за собой и который заключался в некоторых правах, не имевших сами по себе почти никакого значения, хотя и весьма тягостных для коммун. Ведь в действительности разложение феодального строя произошло в промежуток времени от Людовика Толстого до Людовика XI и от этого последнего до Людовика XIV. Сравнительно с потерями феодализма в продолжение всего этого времени совершенно не имеет значения то, что унесла с собой революция.

Еще с большей очевидностью применимо это рассуждение к духовной власти. Провозглашение принципа свободы совести, разрушающего в корне всякую теологическую власть, было лишь торжественным выражением того состояния умов, которое сложилось задолго до революции. Такое состояние умов явилось само по себе непосредственным результатом хода цивилизации,—начиная с той эпохи, когда в Западной Европе стали развиваться положительные науки,—в частности, с открытия книгопечатания и с реформации XVI века. Ход цивилизации сделал в этот момент неизбежным уничтожение теологической власти; оно было так же необходимо, как некогда было необходимо установ-

ление этой власти при Гильдебранде вследствие того морального состояния, в котором общество находилось в течение четырех или пяти веков, предшествовавших времени этого папы.

Таким образом, то, что сделала собственно революция, не находится в соответствии с обычным представлением о ней. Эта эпоха была лишь заключительным периодом процесса разрушения старой социальной системы,—процесса, совершавшегося в течение пяти-шести веков и к тому времени почти законченного. Ниспровержение этой системы не было ни следствием, ни еще менее целью революции; напротив, оно было ее настоящей причиной. Настоящей целью революции, той целью, которую поставил перед ней ход цивилизации, было образование новой политической системы. И именно потому, что эта цель еще не достигнута, не закончена еще и революция.

Состояние моральной и политической неурядицы, в которое ввергнута в настоящее время Франция, а также другие страны Западной Европы, зависит исключительно от того, что старая социальная система разрушена, а новая еще не сформировалась. Этот кризис прекратится, и порядок установится на прочной основе лишь тогда, когда с полной энергией начнется организация новой системы. Вот что показывает с полной очевидностью углубленное исследование непрерывного хода цивилизации от раскрепощения общин и введения арабами в Европу положительных наук и до наших дней.

ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Господа, страсть, которая воодушевляет вас—божественного происхождения: она дает вам место в первых рядах христиан, она дает вам право и налагает на вас обязанность бороться со злыми страстями и сражаться грудью с народами и царями, которые позволяют этим страстям руководить собою.

Ваши предшественники положили начало социальной организации человеческого рода, ваше дело завершить это святое начинание. Первые христиане создали основу всеобщей морали, провозгласив и в хижинах, и в дворцах божественное правило, что все люди должны видеть друг в друге братьев, должны любить и помогать друг другу. Они измыслили учение, согласное с этим правилом, но это учение получило у них чисто спекулятивный характер; вам остается честь организовать светскую власть в согласии с этой божественной аксиомой. Вы были извечно предназначены к тому, чтобы доказывать государям, что создание учреждений, ведущих непосредственно к улучшению социального положения наиболее многочисленного класса, входит в их интерес и составляет их обязанность по отношению к подданным, вы были предназначены к тому, чтобы заставлять этих вождей народов подчинять свою политику основному принципу христианской морали.

Это вы спасли человеческий род от вырождения после крушения Римской империи. Теперь обстоятельства те же самые (поскольку это возможно при ином состоянии цивилизации), и одинаковые причины вызывают сходные следствия. Господа, вы должны последовать примеру своих предшественников, вы должны развить одинаковую с ними энергию; они основали христианскую религию, а вы должны возродить ее; вы должны завершить организацию системы морали, вы должны подчинить ей светскую власть.

Господа, отдадим себе отчет в состоянии современного общества, обратим сначала наше внимание на Францию и начнем с исследования того положения, в каком находятся ее основные учреждения, т. е. духовенство, королевская власть и судебная власть.

Французское духовенство—часть христианского духовенства; итак, оно получило от своего божественного основателя миссию неустанно защищать дело бедных и беспрерывно трудиться над улучшением в физическом и моральном отношении участи этого последнего класса общества. Однако на самом деле оно совершенно забыло о своем божественном призвании, и теперь его единственное занятие состоит в том, чтобы проповедывать народу самое безусловное повиновение владыкам земли; оно не тратит больше своих усилий на то, чтобы благородно напоминать князьям и их придворным об обязанностях по отношению к народу, которые налагает на них религия.

Во Франции, как и во всей Европе, королевская власть была сначала варварским учреждением, т. е. учреждением, которое основали во Франции варварские народы, прогнавшие римлян. Но короли Франции изменили природу этого учреждения, когда они приняли христианскую религию, в особенности же позже, когда они присвоили себе титул «короля божьей милостью»; ибо, принимая этот христианский титул, они, очевидно, брали на себя обязательство неустанно трудиться над улучшением участи наиболее многочисленного класса своих подданных. Но нет сомнения, что королевская власть совершенно забывает это свое обязательство всякий раз, когда она позволяет руководить собою духовенству и дворянству, этим настоящим кровопийцам народа.

Если мы, наконец, рассмотрим судебную власть, то мы должны будем признать, что, с одной стороны, обязанность христианских судей состоит в примирении ссор между частными людьми, а главное—в защите их от всяких произвольных действий правителей, что, с другой стороны, они в настоящий момент поставили себе целью установить самую произвольную и абсолютную власть.

Я совсем не хочу заключить из всего сказанного, что все духовные, все должностные лица и судьи проникнуты злыми намерениями: я, наоборот, убежден в том, что почти все они действуют добросовестно. Они делают зло, но стремятся делать добро; и я даже убежден, что большинство из них изменит свое поведение, когда им станет известно, что они должны делать.

Вы видите, господа, что политическое положение Франции в настоящий момент очень печально: основные власти, христианской обязанностью которых является трудиться неустанно в разных направлениях над улучшением участи народа, наоборот, употребляют вверенную им власть на то, чтобы установить порядок вещей, служащий всецело к выгоде управляющих и к ущербу управляемых.

Мы должны установить еще другое, очень важное положение, которое состоит в том, что политическое зло, причиняемое французам плохим направлением их правителей, плохим применением государственной власти, не является единственной их бедою; они испытывают еще беду иного рода, являющуюся следствием страсти к завоеваниям, в которую они позволили вовлечь себя Бонапарту.

Всякий народ, стремящийся к завоеваниям, должен разжигать в себе злые страсти, он должен относиться с величайшим почтением как к людям жестокого характера, так и к людям, проявляющим наибольшее коварство. Поскольку люди, обладающие этими вредными качествами, проявляют свою деятельность во вне, постольку мирные граждане, остающиеся в своем отечестве, сохраняют национальный характер, не совсем лишенный достоинства и благородства. Но с того момента, как внешнее сопротивление превышает их силу расширения, коварство и жестокость дают себя чувствовать внутри государства. Жадность до того времени была национальным чувством, и все граждане обуревались ею только коллективно; корыстолюбие теперь становится господствующим чувством каждого индивидуума; эгоизм, — эта гангрена человеческого рода, — поражает политическое тело и становится болезнью общою всем классам общества.

Французы, в начале своей революции, — когда на них напал европейский феодализм, — дали торжественное обещание вести войну исключительно для защиты своей территории; они обязались также видеть в других народах братьев и вместе с ними бороться против устарелых учреждений, тяготевших еще над Европой, несмотря на успехи просвещения.

Эта политика французоз была лояльной, она была мудрой, она была самой выгодной, какую они только могли усвоить, она была истинно христианской; они должны были остаться ей верными, но, к несчастью для них, они ее оставили. Они дали убедить себя коварным людям, что они имеют права на вознаграждение, и не заметили, что это вознаграждение они могут получить только за счет народов, так как все богатства производятся народами.

Французы вступили в войну с простым намерением обороняться; они не преминули превратить войну в предмет спекуляции, и это антихристианское их поведение заставило быстрее соединиться в лигу для борьбы с ними народы и королей. Дважды они видели оккупацию большей части своей территории и захват своей столицы. И, наконец, — после того, как они были заперты в своих старых границах, — они должны были в

течение шести лет расплачиваться исключительно своими собственными боками за то уважение, какое они оказывали в течение всего периода завоеваний своим рубакам и своим чиновникам, служившим Бонапарту главным образом для того, чтобы доставлять ему пушечное мясо.

Господа, Францию поражает еще третий политический бич, и причиною ее третьей политической болезни является то предпочтение, которое она оказывает метафизикам.

Метафизика оказала французам большие услуги, она много содействовала прогрессу цивилизации, начиная с освобождения коммун до 1789 года. Но с начала социального кризиса, в который вовлечены Франция и вся Европа, она постоянно служила и служит еще и теперь самым крупным препятствием к восстановлению спокойствия, которое может дать лишь устойчивый порядок, т. е. порядок, согласный с состоянием просвещения.

В период от освобождения коммун до начала революции, метафизика слугала все понятия, она заглушила голос здравого смысла и создала род ублюдочной политической доктрины, ослепившей глаза духовенству и дворянству; этим она оказала крупную услугу и промышленникам и ученым.

Ублюдочная и неленая доктрина, выставленная метафизиками, образовала как бы прикрытие против дворянства и духовенства, — прикрытие, под сенью которого могли спокойно трудиться промышленники и ученые, занятые изучением опытных наук. Под сенью этого прикрытия и промышленность, и положительные науки приобрели достаточные силы для успешной борьбы с духовенством и дворянством. Нет сомнения, что главари духовенства и дворянства сделали бы изложенные ниже выводы, если бы метафизики не отвлекли их внимания в другую сторону и не заставили их потерять из виду тот путь, по которому им следовало идти в их собственных интересах.

Дворянство должно было бы рассуждать так: если разовьется промышленность и мир станет более цивилизованным, то войны станут реже, уменьшится значение воинов, и руководители мирных работ станут в конце-концов первым классом в обществе.

Придя к этому выводу, главари дворянства помешали бы расцвету промышленности, а они тогда имели к этому полную возможность и все средства.

С другой стороны, богословы должны были бы сказать: «если мы допустим образование корпорации ученых, трудящихся над тем, чтобы все наши знания были основаны на наблюдениях, то с необходимостью наступит время, когда люди потеряют всякое доверие к теологии, когда люди вернуться к чистой религии и заставят государственных чиновников руководиться в своем поведении следующим принципом: все люди должны видеть друг в друге братьев, должны любить друг друга и помогать друг другу».

Придя к этому выводу, духовенство, имевшее тогда полную возможность и все средства к этому,—сделало бы невозможным прогресс астрономии, физики, химии и физиологии.

К счастью для нас и благодаря метафизикам, произошло иное. С одной стороны, ученые, посвятившие себя опытным наукам, приобрели больше положительных познаний, чем духовенство, и большую способность применять правила божественной морали; с другой стороны, промышленники своими трудами приобрели больше богатств, чем дворянство, и получили большее влияние на народ. Таким образом, политическая сила перешла из одних рук в другие, и стало чудовищным и невозможным, чтобы управление государственными делами оставалось в руках духовенства и дворянства.

Революция стала неизбежной; но эта революция быстро достигла бы своей цели, если бы в нее не пожелали вмешаться метафизики. Метафизики оказали крупную услугу обществу, подготавливая кризис, но они причинили ему большое зло, захотев руководить им; так же, как дворянство и духовенство, они продолжали трудиться в направлении, не соответствующем потребностям общества.

Предположим на момент, что палата депутатов состояла бы только из двух классов: с одной стороны, из дворян и чиновников, занятых управлением государства, а с другой стороны, из промышленников и лиц, труды которых служат непосредственно успехам промышленности, что все судьи, адвокаты и другие легисты были бы исключены из нее. В этом случае между обеими партиями с необходимостью установился бы свободный обмен мнений по существу. Предметом этого обмена мнений был бы вопрос о том, должна ли организация нации служить интересам военных, праздных богачей и государственных чиновников или же она должна служить интересам производителей; не надо было бы долго ожидать результатов этой дискуссии и сомневаться в ее исходе: громадное большинство нации, живущее трудами своих рук, высказалось бы в пользу производителей, в интересах короля было бы, очевидно, присоединиться к этому мнению и подчинить ему поведение своих министров.

В этом случае политика стала бы простой вещью, она стала бы положительной. Можно было бы приступить к установлению порядка вещей, соответствующего состоянию просвещения,—можно было бы составить первую статью единственной конституции, которая может стать прочной. Эта статья гласила бы:

Целью политического соединения французов служит благосостояние, достигаемое при помощи мирного труда, имеющего положительное значение.

Непосредственным следствием этой первой статьи было бы то, что руководители наиболее важных мирных работ получили бы преобладающее влияние в управлении государственными делами.

Таким образом, принятие этой единственной статьи закончило бы борьбу, которая идет около тридцати лет между духовенством и дворянством, с одной стороны, и промышленниками и учеными, с другой стороны.

Господа, мне остается вам доказать, что окончанию этой борьбы мешают легисты, что они мешают установлению этой основной статьи конституции и проведению в жизнь ее следствий. Но, господа, это доказательство опирается на следующий общеизвестный факт.

Легисты образуют большинство в министерствах и в государственном совете; это они доставляют главарей трем существующим партиям, это они руководят крайними, это они составляют политические планы как у либералов, так и у сторонников правительства. Таким образом, они являются руководителями во всех актах современной политики.

Я имею, следовательно, основание говорить, что преобладание легистов, — этих метафизиков в политике, — является одной из тех социальных болезней, от которых страдает Франция в настоящий момент.

Господа, резюмируя этот обзор социального положения Франции, мы найдем, что ее терзают три совершенно ясно различимые политические болезни:

1. Три главные власти, служащие основой социальной организации этой нации, руководятся ошибочными доктринами, не ставящими себе большие цели улучшения участи последнего и самого многочисленного класса общества; те, в чьих руках находится применение этих видов власти, забыли великий принцип морали, которому должны подчиняться все политические комбинации.

2. Вся нация в целом отдалась страсти к завоеваниям; и управляемые, и правящие руководятся в данный момент эгоизмом, который является необходимым результатом усилий, направленных к достижению несправедливого господства над другими народами, и моральных привычек, приобретенных в течение периода военных успехов.

Из того факта, что эгоизм господствует среди управляемых, вытекает, как следствие, невозможность создать движение общественного мнения, достаточно мощное, чтобы принудить правящих вернуться на путь морали, завещанной христианской религией.

3. Как над управляемыми, так и над правящими всех классов и всех направлений господствуют, руководят ими в данный момент политические метафизики, они получили свое образование в школах, где изучают своды законов, установленные в эпоху варварства, невежества и суеверия; отсюда вытекает неспособность их принимать участие в свободном обмене мнений по существу; таким образом, при современном положении дел нет никаких шансов для того, чтобы у короля и у народа создалось определенное мнение насчет мер, необходимых для завершения революции.

Господа, окинем взглядом еще более широкий кругозор и рассмотрим состояние Европы.

В продолжение нескольких веков, т. е. от установления феодализма до реформации Лютера, европейцы Центра и Запада были организованы в следующих двух смыслах:

- 1) Они все были подчинены феодальному строю.
- 2) Они имели одну и ту же религию, и общее их духовенство было подчинено одному главе и одному главному штабу, поставленным в независимое положение относительно отдельных национальных государств.

Таким образом, европейцы Центра и Запада повиновались одной духовной власти и сходным светским властям.

Дезорганизация европейского общества со времени реформации Лютера происходила последовательно в таких двух направлениях:

- 1) Феодальный строй потерял свою чистоту сначала в Англии, затем последовательно во Франции, Бельгии, Испании, Португалии, в Неаполе и в нескольких государствах Германии.

- 2) Христианская религия раскололась на четыре больших секты: католическую, лютеранскую, кальвинистскую и англиканскую.

Дезорганизация европейского общества была, наконец, завершена образованием Священного Союза; ибо Священный Союз, составленный единственно и исключительно из светских глав господствующих наций, поставил себя над главами различных сект христианской религии. Таким образом, независимость духовной власти была совершенно уничтожена; таким образом, в действительности нет больше демаркационной линии, отделяющей светскую власть от духовной; таким образом, наконец, духовная власть выступает в своих действиях, как подлинная светская власть, агентом которой она согласилась стать.

Я полагаю, что этого краткого очерка состояния Европы достаточно, чтобы убедить вас, господа, в том, что современное положение вещей чудовищно и не может дальше продолжаться.

Этого очерка, наконец, достаточно для того, чтобы убедить вас в том, что современный кризис не является особенностью Франции, но является общим для всей Европы; что французский народ нельзя лечить отдельно, что средства, которые могут исцелить Францию, должны быть применены ко всей Европе, так как Франция до известной степени зависит от своих соседей и ее положение устанавливает известного рода политическую солидарность между ею и другими народами континента.

Как же, господа, исцелить политический организм Европы, как восстановить спокойствие на континенте, как установить устойчивый политический порядок? Вот подлежащий разрешению вопрос, который я хочу исследовать вместе с вами. Предмет этот слишком обширен для того, чтобы исчерпать его в одном исследовании. Но очерк, который я вам представляю, надеюсь, будет заключать в себе наиболее важные положения. Его будет достаточно для того, чтобы указать направление,

а по мере того, как мы будем подвигаться вперед, мы будем более ясно видеть и цель.

Господа, итальянцы, французы, англичане и испанцы, так же, как и другие народы, покоренные римскими легионами, испытали уже социальный кризис, подобный тому, который Европа переживает в данный момент. Этот первый кризис был даже более жестоким и более опасным, потому что он случился в эпоху, когда цивилизация была еще менее развита и у разных наций, испытавших его, не существовало никакого общего принципа. Он имел место во время падения Римской империи.

Все народы, подчиненные этой империи, были поражены теми тремя политическими болезнями, которые я описал в начале моего обращения.

Их учреждения устарели, не соответствовали больше состоянию просвещения, действовали в направлении, противоположном интересам народов; Цицерон не представлял себе, чтобы два авгура могли смотреть друг на друга без смеха. Сенат был унижен, первую роль играли римские всадники, они управляли государственными делами, и они же обогащались на счет народа, будучи агентами фиска.

Эгоизм распространился среди всех классов общества, чувства чести и патриотизма уступили место чувствам самой ненасытной жадности. На общие интересы не обращали никакого внимания, вместо любви к отечеству народом овладела страсть к празднествам и зрелищам. Никто не занимался больше никакими положительными вопросами, касающимися общественных интересов; метафизики стали учителями политики; они обращали внимание на пустые предметы, имевшие только второстепенный интерес.

Итак, господа, человеческий род шел прямо навстречу своему разложению, вследствие плохого употребления приобретенных знаний. Несчастия просвещенной части его были еще значительно увеличены непрерывными нашествиями варварских народов, кровожадный характер которых соединялся с развращенными нравами римлян.

Каким образом цивилизация поднялась после этого падения? Каким образом установился тот порядок вещей, которому мы обязаны всем прогрессом, сделанным с тех пор? Вот те исторические факты, на которые вы должны в данный момент обратить все свое внимание, потому что только изучение этих фактов может привести вас к открытию тех средств, которые мы должны употребить для того, чтобы выйти со славою из современного политического кризиса.

Господа, в ту эпоху, когда Римская империя падала и разлагалась, Бог открыл обитателям Иудеи принцип морали, который должен был послужить основой всех общественных связей, который должен был руководить поведением всех христиан. Он сказал: все люди должны смотреть друг на друга, как на братьев, они должны любить друг друга и помогать друг другу.

Слово Бога наэлектризовало ваших предшественников, оно вдохновило их до такой степени, что каждый из них, как только ему стало известно божественное откровение, оставлял свои личные дела, отказывался от начатых предприятий и задуманных планов для того, чтобы бороться с верой во многих богов, доказывая ее нелепость;

для того, чтобы бороться с эгоизмом, доказывая, что необходимым следствием этом страсти явится в конце концов разложение общества;

для того, чтобы бороться со склонностью к метафизическим идеям, доказывая, что метафизика научает принимать слова за дела и мешает людям направить свое внимание на ту цель, к которой они должны стремиться.

Поведение этих первых христиан было удивительно во всех отношениях; они победили самые тяжелые препятствия, какие вставали когда-либо перед людьми, они выполнили самое трудное предприятие, какое когда-либо совершалось; они превзошли всех античных героев храбростью, стойкостью так же, как проникательностью; они составили катехизис, который является книгой, наиболее достойной уважения из всех, когда-либо опубликованных. Я говорю не о том катехизисе, по которому обучают теперь иезуиты, но о том первоначальном катехизисе, который давал разумный анализ человеческих поступков и делил страсти на два больших класса, на те, которые полезны ближним, и на те, которые вредны им.

Господа, поведение этих первых христиан должно послужить нам образцом. Нам предстоит завершить то, что они начали. На нас возложена славная задача применить на практике в области политики то учение, которое они создали, как чисто спекулятивную доктрину. Наша миссия состоит в том, чтобы вручить духовную власть людям, наиболее способным научить ближних тому, что им полезно знать, а светскую власть поручить тем сильным людям, которые наиболее заинтересованы в поддержании мира и в улучшении положения народа.

Мы никогда не должны терять из виду одного существенного условия успеха нашего святого предприятия, единственным средством, дозволенным нам для достижения нашей цели, является убеждение. Пусть нас преследуют, как и первых христиан, нам совершенно возвращается употребление физической силы.

Господа, начиная от основания христианства, труды наших предшественников имели всегда одну и ту же цель (социальную организацию человеческого рода), один и тот же характер (бескорыстие); но они не всегда имели один и тот же вид: припомним вкратце их историю и бросим в то же время общий взгляд на успехи христианского общества.

При возникновении христианства и в продолжение всего первого периода его существования, громадное большинство населения тех стран, где оно было принято, было погружено в такое состояние невежества, что невозможно было думать об отмене рабства; таким образом, круг

политической деятельности друзей человечества в этот период был чрезвычайно ограничен, светская власть должна была по необходимости сохранять в таких условиях совершенно произвольный характер.

Первая задача влиятельных предшественников была разрешена, когда они убедили императора Константина признать существование духовной христианской власти, которой было вверено обучение божественной морали; этой моралью должны были руководиться в своих поступках, с ней должны были согласовать свое поведение все люди, какого бы ранга они ни были.

После того, как этот успех был достигнут, рвение друзей человечества к деятельности, имеющей своей прямой целью организацию общества, должно было уменьшиться; ибо друзья человечества, будучи воодушевлены самыми благородными страстями, все же подчинены законам, управляющим всеми страстными людьми. Согласно этим законам, люди этого рода способны развить всю свою энергию только тогда, когда имеют перед собою ясно сознанную ими цель; опасности только увеличивают их рвение и жар; но не на них приходится рассчитывать при выполнении подготовительных работ, потребных для нужд общества.

Итак, вторая эпоха христианского общества началась в пятом веке, после обращения Константина. Она продолжалась до конца крестовых походов в тринадцатом веке.

В течение этого второго периода христиане были заняты деятельностью двоякого рода: одни трудились над сохранением общества, а другие над организацией его.

• Христианскому обществу угрожали саксонцы, сарацины и норманны. Христианство было бы уничтожено, по меньшей мере, на много веков, если бы эти народы, стремившиеся к завоеваниям, достигли успеха в своих планах. В течение этого периода друзья человечества должны были посвятить себя военному делу, что они и сделали. Так как нельзя заниматься двумя делами сразу, то они предоставили заботу об обучении морали и об организации общества духовенству, т. е. людям, как бы нанятым, смотревшим на свое дело, как на ремесло. Отсюда должно было вытекать и вытекало на самом деле то следствие, что война велась хорошо, а общественная организация, данная христианскому обществу, не была свободной.

Сделанное в эту эпоху до сих пор оценивалось очень низко. Философы восемнадцатого века подняли большой шум против крестовых походов и были в этом не правы. Когда римляне захотели развязаться с карфагенянами, они перенесли войну в их пределы. Сарацины непрерывно возобновляли бы свои нападения на Европу, если бы крестоносцы не перенесли войны к ним и не вели ее в течение достаточно продолжительного времени. Этот народ был фанатически воодушевлен учением Магомета, сделавшим его недоступным для христианской морали на много веков.

Конечно, приходится пожалеть, что друзья человечества не взяли сами за организацию христианского общества, ибо в таком случае эта организация носила бы печать их бескорыстия. Но, я повторяю это еще раз,—это было невозможно, так как в течение всего этого периода они были заняты деятельностью, необходимой для сохранения общества. Более того: хотя христианское общество было организовано гораздо хуже, чем оно могло быть организовано, так как оно носило на себе глубокую печать жадности, свойственной духовенству,—все же оно в тринадцатом веке стояло выше всех человеческих обществ, существовавших до этого времени. Христианская политическая корпорация была связана крепче, чем римская республика и империя, в какой бы то ни было период их существования.

Я перехожу к обзору третьего периода, начавшегося в тринадцатом веке и закончившегося в 1789 году. В течение этого третьего периода произошли крупные события тройкого рода; все три рода заслуживают вашего внимания.

Когда христиане закончили долгие войны, которые они вели с саксонцами, сарацинами и норманнами, когда успехи, достигнутые ими в борьбе с этими народами,—единственными, которых они должны были бояться,—укрепили их положение, социальная организация, которую они дали своей светской власти, оказалась уже для них не подходящей. Она носила в существе военный характер; а между тем они нуждались в мирных учреждениях, ибо должны были посвятить себя теперь мирной деятельности.

После того, как все обитатели Европы были обращены в христианство, благодаря проповеди духовенства, и усвоили тот принцип, что все народы и все люди должны содействовать общему благосостоянию человеческого рода,—светская власть должна была бы уменьшить число своих представителей, чтобы стать менее тяжелой обузой для народа. Она должна была бы заняться главным образом изучением и совершенствованием положительных наук, обучать людей знаниям, полезным для мирных работ.

Друзья человечества этой эпохи глубоко почувствовали эти истины и с конца тринадцатого века они посвятили себя, с одной стороны, изучению законов, управляющих явлениями, а с другой стороны, промышленной деятельности, посредством которой произведения природы приспособляются к удовлетворению человеческих потребностей.

Вот какова была та чрезвычайно полезная деятельность, которой посвятили себя христиане в течение третьего периода христианства. В продолжение всей этой эпохи дворянство и духовенство были почти исключительно заняты защитой от народа приобретенной ими власти, хотя применение этой власти в виду изменившихся обстоятельств стало в значительной своей части скорее вредным для народа, чем полезным ему. Вот в чем состоял второй род деятельности, на который я хотел обратить ваше внимание.

Последовательное падение в течение всей этой эпохи духовной и светской власти, несмотря на громадные средства, находившиеся в их распоряжении, служит новым доказательством того, что Бог осуждает на уничтожение социальные учреждения, ставшие вредными для человеческого рода.

Третье замечательное событие этой эпохи состоит в образовании третьей политической власти, в установлении судебной власти. Третий род деятельности, заслуживающей нашего внимания, это—деятельность легистов. Легисты были заняты определением прав каждого; они создали поэтому каноническое право, международное право, феодальные права, уголовное право, гражданское право и т. д. Их труды оказали известную услугу, но нельзя скрывать от себя того обстоятельства, что они были поражены некоторым основным пороком. Этот порок состоял в том, что их деятельность происходила в эпоху, когда основные учреждения устарели и не находились больше в соответствии с общественными потребностями, когда представители духовной и светской власти пользовались правами, принадлежавшими им незаконно.

Я не считаю более нужным распространяться об этой третьей эпохе; я перехожу к четвертой.

Но прежде, чем говорить по существу, я вас прошу заметить, что эта эпоха обладает особенным характером, сообщающим ей в наших глазах гораздо больше значения, чем всем другим эпохам; она нас наиболее интересует, она—единственная, имеющая для нас непосредственный интерес.

Господа, то, что произошло с 1789 года, послужило введением к этой четвертой эпохе, которая на самом деле едва лишь началась; ее начало относится к тому моменту, когда, вследствие изменений происшедших в Испании, Португалии, Италии и части Германии, среди большей части европейских народов возникло движение, имеющее своей целью преобразование общественного строя. Франция не могла быть преобразована изолированно, она не имеет особой, свойственной лишь ей моральной жизни, она является только одним из членов европейского общества; между ею и ее соседями существует неизбежно общность политических принципов. Одним словом, самым значительным моральным результатом французской революции было то, что она вызвала наружу то стремление к совершенствованию, которое проявляется теперь во всей Европе.

Я буду далее говорить с вами о будущем: судите меня строго, но не судите меня легкомысленно. Вначале своего обращения я сравнил теперешнее положение с тем положением, в котором находилось общество в эпоху падения Римской империи. Я затем вкратце обозрел ход цивилизации от основания христианства до сего дня; без сомнения, высказанные здесь мысли очень важны, они имеют для нас ценность в двух отношениях, но все же они имеют только второстепенный интерес. Вы должны их рассматривать, с одной стороны, как предвари-

тельные замечания, а с другой стороны, как факты, служащие опорой для дальнейшего. Я подробно развил это сравнение для того, чтобы фиксировать ваше внимание; я сделал вам свой краткий обзор для того, чтобы вы могли судить о моих идеях с соответствующей точки зрения.

То, что наиболее важно для вас, то, о чем вы больше всего желаете знать, то, чему я поставил себе целью научить вас: это — вопрос о том, что произойдет в будущем. Хорошо! Господа, я объяснюсь на этот счет самым категорическим образом. Я вам скажу сейчас, что совершится, кем совершится и каким образом совершится.

Господа! Я последовательно поставлю три указанные вопроса; я отвечу отдельно на каждый из этих вопросов и приведу те соображения, на которых основывается в каждом отдельном случае мой ответ.

Первый вопрос. Какие главные политические перемены произойдут в течение четвертого периода христианства?

Ответ. Я думаю, что в течение этого четвертого периода организуется новая духовная власть и новая светская власть.

Я полагаю, что новая духовная власть будет сначала составлена из всех существующих в Европе академий наук и из лиц, достойных быть допущенными в эти научные корпорации. Я полагаю, что сама собою образуется организация из тех лиц, которые составят это основное ядро. Я думаю, что этой новой духовной власти будет поручено дело общественного воспитания и общественного обучения. Я полагаю, что основой нового общественного воспитания послужит чистая евангельская мораль, и что оно будет затем расширяться в смысле сообщения положительных знаний в зависимости от того времени, какое смогут проводить в школах дети разных имущественных классов. И, наконец, я полагаю, что большее или меньшее количество представителей этой новой духовной власти будет рассеяно во всех коммунах, и что главным призванием этих оторванных от центра ученых будет пробуждение среди их духовной паствы страсти к общественному благу.

Я полагаю, что управление светскими делами у всех европейских народов будет поручено руководителям мирных работ, которыми будет занято преобладающее количество населения; я убежден, что эта администрация, вследствие непосредственного личного интереса самих управляющих, будет стремиться к сохранению мира между народами; она уменьшит поэтому, насколько возможно, налоги и будет распоряжаться доходами наиболее полезным для общества образом.

Вот те три соображения, на которых основывается мое мнение.

1) Так как эти новые основы общественного строя вполне соответствуют интересам громадного большинства населения, то они должны рассматриваться, как общий политический вывод из принципа божественной морали, гласящего: все люди должны видеть

друг в друге братьев, они должны любить друг друга и помогать друг другу.

Итак, очевидно, воля Божия состоит в том, чтобы христианское общество при современном состоянии просвещения было организовано указанным образом.

2) Обсуждая вопрос с точки зрения человечества, не выходя из рамок научного метода, мы должны будем сказать, что такое устройство христианского общества является естественным следствием и непосредственным результатом отмены рабства и преобладания, достигнутого опытными науками над богословием и другими ветвями метафизики.

3) Если мы ограничимся одними только политическими соображениями, то и тогда будет очевидно, что прогресс цивилизации приведет к такому результату. Ибо положительные умственные и материальные силы находятся теперь в руках тех, кто занимается опытными науками, и тех, кто организует и направляет промышленную деятельность. Общество находится под игом знатных и богословов только вследствие старой привычки. Но опыт доказывает, что общество всегда освобождалось от усвоенных им привычек, когда они становились в противоречие с его интересами, и находило новые пути для удовлетворения своих потребностей. Следовательно, нет сомнения, что оно откажется и от власти дворянства и духовенства. Нет сомнения, что политическая власть перейдет в руки тех, кто уже теперь распоряжается почти всей совокупностью общественных сил, кто в повседневном труде направляет физические силы общества, кто творит его денежные ценности, наконец, те, кто непрерывно умножает его умственную мощь.

Второй вопрос. Какая сила вызовет эти перемены и кто будет направлять эту силу?

Ответ. Эти перемены вызовет сила нравственного чувства, и главным двигателем этой силы будет вера в то, что все политические принципы должны быть выведены из основного принципа, данного Богом людям.

Друзья человечества будут направлять эту силу, они будут в этом случае в таком же положении, в каком они находились со времени основания христианства, т. е. прямыми агентами Вечного.

Первым своим совместным усилием друзья человечества заставили владык земли усвоить принцип божественной морали; вторым общим усилием филантропия заставит знатных и богословов подчиниться главному выводу из этого принципа.

Это мое мнение основано раньше всего на том, что нам известно о событиях, происшедших со времени основания христианской религии.

Последний класс общества был, несомненно, самым положительным и самым непосредственным образом заинтересован в усвоении этого верования; это учение предоставляло также большие преимущества тем народам, которые находились под владычеством римлян. Казалось ве-

роятным, что эти две крупные группы населения поддержат всеми своими силами новый принцип морали; но события приняли совершенно иное направление. Главный основатель христианской религии, если говорить о людях, был апостол Павел, римлянин. Поливект, один из первых мучеников, принадлежал к высшим общественным классам; и первых проповедников часто преследовали низшие классы народа.

Истина, подтверждаемая всем развитием цивилизации, состоит здесь в том, что страсть к общественному благу имеет гораздо большее значение в деле политических улучшений, чем эгоизм тех классов, которым эти перемены принесут наибольшую пользу. Одним словом, опыт доказал, что с наибольшим жаром трудятся над установлением нового строя не те, кто наиболее заинтересован в нем.

Господа, я хочу на-ряду с этим очень старым фактом, приведенным мною в подтверждение своего мнения, привести еще другой, совершенно новый, еще не завершившийся.

В продолжение шести лет я стараюсь с большим рвением доказать ученым и промышленникам:

Во-первых, что в настоящий момент общество обнаруживает явное стремление к организации, наиболее благоприятствующей прогрессу наук и процветанию промышленности.

Во-вторых, что для организации общества, наиболее благоприятной прогрессу наук и процветанию промышленности, необходимо доверить духовную власть ученым, а светскую власть—промышленникам.

В-третьих, что ученые и промышленники могут организовать общество в соответствии со своими желаниями и потребностями, так как ученые владеют силами интеллектуальными, а промышленники располагают силами материальными.

В связи с этими стараниями у меня завязались отношения с большим числом ученых и промышленников; они доставили мне повод и средства изучить их мнения и узнать намерения.

Вот к чему меня привели мои наблюдения:

Прежде всего я увидел, что в нравственном отношении можно делить людей на два разных класса, на тех, у кого чувства господствуют над идеями, и на тех, у кого чувства подчиняются комбинациям разума. Одни связывают надежду на улучшение своей участи с желанием уничтожить злоупотребления, другие ставят себе специальною целью в своих общественных отношениях извлечь пользу из этих злоупотреблений. Словом, я заметил, что ученые и промышленники так же, как и другие люди, должны делиться на два крупных класса, т. е. на друзей человечества и на эгоистов.

Затем я убедился, что количество друзей человечества и эгоистов относительно увеличивается или уменьшается, в зависимости от тех общих условий, в каких находится общество, и что в данный момент количество эгоистов ежедневно увеличивается. Но зато, в противовес

этому, друзья человечества более склонны к объединению своей деятельности и к энергичным действиям.

Я еще заметил, что занятия, которым посвящают себя люди, бесконечно много содействуют тому, усваивают ли они мораль человеколюбия или склоняются к эгоистическим мнениям; люди, которые вступают в ежедневные сношения с большим количеством людей, главным же образом, из простонародного класса, более склонны к человеколюбию, в то время, как те, кто, благодаря своим занятиям, живет изолированно или же встречается преимущественно с представителями богатого класса, склоняются к эгоизму, за исключением лишь того случая, если они от природы получили особенно благоприятные задатки.

Я имею, следовательно, право заключить, как из моего собственного опыта, так и из исторических фактов, что именно друзья человечества побудят знать и духовенство подчиниться общему политическому выводу из принципа божественной морали—выводу, согласно которому общество должно быть организовано для блага наибольшего количества людей.

Третий вопрос. Какими средствами будут пользоваться друзья человечества для того, чтобы преобразовать общество?

О т в е т. Единственное средство, каким будут пользоваться друзья человечества, это—проповедь, как устная, так и письменная. Они будут проповедывать королям, что, в силу своего христианского долга и в силу интереса к сохранению своих наследственных прав, они должны поручить ученым положительного направления руководство общественным обучением и дело усовершенствования научных теорий, а наиболее способным к управлению промышленникам заботу о направлении светских дел.

Они будут проповедывать народам, что они должны единодушно заявлять государям о своем желании, чтобы руководство общественными делами как в духовной, так и в светской области было всецело предоставлено классам, наиболее способным руководить ими в духе общего интереса и наиболее заинтересованным в том, чтобы дать им такое направление.

Друзья человечества будут продолжать свою словесную и письменную проповедь столько времени, сколько окажется необходимым для того, чтобы побудить государей (вследствие внутреннего убеждения либо же под влиянием всемогущего общественного мнения) осуществить те перемены в организации общества, которых требует прогресс просвещения, общий интерес всего населения, настоятельный и непосредственный интерес громадного его большинства.

Одним словом, единственное средство, которое будут применять друзья человечества, будет состоять в проповеди, и единственная цель этих проповедей будет такова: побудить королей воспользоваться предоставленною им народом властью для осуществления ставших необходимыми политических перемен.

Господа, мое мнение, что друзья человечества воспользуются королевской властью для преобразования общества, основано на следующих трех соображениях.

Во-первых, друзья человечества, стремящиеся к завершению организации христианства, будут по-необходимости воодушевлены тем же духом, который одушевлял основателей христианства; в них проявятся те же черты, они будут следовать по тому же пути, они будут употреблять те же средства.

Но это хорошо известно, это — факт, по поводу которого никогда не подымалось никаких сомнений, что первые христиане действовали на королей только путем убеждения; они не боролись с ними, а стремились только обратить их, и они достигли своей цели либо непосредственно действуя на их убеждения, либо же заставляя влиять на них общественное мнение, господствующее над королями.

Я заключаю из этого факта, что и современные друзья человечества отнюдь не будут стремиться к ниспровержению тронов, что, наоборот, они будут стремиться расположить королевскую власть к установлению учреждения, необходимого для завершения организации христианства.

Я скажу затем, что друзья человечества действовали бы крайне неразумно, если бы вздумали нападать на королевскую власть; они ни в коем случае не имели бы в этом предприятии успеха, так как общественное мнение во Франции и даже во всей Европе высказалось самым решительным образом в пользу королевской власти.

Последние политические события, происшедшие в Испании, в Португалии и в Неаполе, обязаны своим началом военным, игравшим сперва главную роль в этих революциях; и все же во время этих движений проявлялось полное уважение к наследственной королевской власти. Мы видели, что испанцы, португальцы и неаполитанцы сами высказывались, по собственному побуждению, за сохранение старинных династий, низвергая лишь деспотические правительства, действия которых противоречили национальному благу.

Я скажу, наконец, о своих личных наблюдениях, касающихся отношения к королевской власти французского общественного мнения. Поставив своей целью защищать дело ученых положительного направления и промышленников, я счел необходимым, чтобы получить их одобрение, объявить самым ясным образом, что наследственная королевская власть должна установить их новое социальное положение и уничтожить политическое влияние духовенства и дворянства.

Внимание, которое ко мне выказывало большое число ученых и промышленников, вызывается, очевидно, тем, что в своих последних сочинениях я старался доказать общность интересов королей, ученых и промышленников и постоянную противоположность этих интересов (имеющих истинно христианский характер, так как они ведут к благу самого многочисленного класса) желаниям духовенства и дворянства.

Одним словом, ученые и вожди промышленности по необходимости желают изменить современный строй; но они желают, чтобы эта перемена произошла, как вывод из великого принципа божественной морали; они желают, чтобы она была произведена закономерно, т. е. по повелению короля.

Господа, я полагаю, что в этом обращении я достаточно подробно показал, что произойдет, почему это произойдет и как это произойдет.

Теперь я должен перейти от размышления к действию. Я предложу королю несколько прямых указаний относительно политики его министров. Я покажу его величеству, что поведение его министров не отвечает интересам короны и нации и находится в прямом противоречии с принципом морали, который Бог даровал людям. Я откровенно скажу государю, каково единственное средство установить прочный порядок вещей, удовлетворяющий мирных и благонамеренных людей.

Господа, поддержите меня: а чтобы поддержать меня должным образом, пусть каждый приступит к выполнению своей задачи в той местности, где он обитает. Проповедуйте народам и царям, что единственное средство восстановить спокойствие состоит в том, чтобы вручить духовную власть людям, обладающим положительными знаниями, а управление светскими делами—людям, наиболее заинтересованным в сохранении мира и наиболее способным к управлению.

При современном состоянии цивилизации такая деятельность не подвергает вас большой опасности. Но если бы мы должны были выносить те же преследования, каким подвергались первые христиане, это не должно было бы помешать нам выполнить наш долг и осуществить нашу миссию. Направление развития общества всегда давали и будут давать самые смелые и самые бескорыстные люди. В эпохи невежества ¹⁾ и смут военная доблесть занимает первое место, но гражданская доблесть восстанавливает порядок и способствует успехам просвещения.

Деятельность друзей человечества первой эпохи христианства состояла в том, чтобы побудить владык земли принять великий принцип божественной морали. Наше призвание—продолжать их деятельность; оно состоит в том, чтобы побудить государей и владетельных князей европейских земель согласовать свою политику с этим принципом, организуя общество способом, наиболее выгодным для наибольшего числа его членов.

Приступим к делу как можно скорее; мы можем рассчитывать на божественное покровительство, на сотрудничество истинно благочестивых

¹⁾ Говоря это, я подразумеваю не только абсолютное невежество, я имею в виду также эпохи относительного невежества, то состояние, в котором находится общество, когда оно желает установить новый политический строй, но не знает, каким образом это сделать. Мы испытываем неудобства этого рода невежества, начиная с 1789 г., и военщина воспользовалась им, чтобы играть первую роль, несмотря на очень развитое состояние цивилизации.

людей, людей искренно преданных королю и нации, так же, как и на поддержку народов.

Обратите на мгновение ваше внимание на политическую деятельность французского парламента, рассмотрите поведение палаты депутатов, подумайте о том, что случилось в заседании 7 февраля,—и вы увидите, что вожди обеих противоположных партий били в набат; вы увидите, что наступил окончательно момент, когда вы должны начать действовать; вы увидите, что если вы промедлите еще высказать свое мнение, то ваше молчание откроет свободное поле деятельности честолюбцам и предаст общество всем тем бедствиям, которые могут причинить ему эгоизм и желание властвовать.

Сторонники трех-цветной кокарды и сторонники белой кокарды взаимно не доверяют друг другу и выбирают такие ораторские формы, которые способны скрыть их истинные намерения. Если возгорится борьба, то между кем она произойдет? Очевидно, между старой армией и новой, между старой знатью и новой, созданной Бонапартом, между теми, которые были во главе правления при Наполеоне, и теми, которым король доверил управление общественными делами.

Если будут разбиты сторонники белой кокарды, Францией будут управлять знать и военщина Наполеона; в противоположном случае, Франция очутится вновь под игом старой феодальной знати. Ни та, ни другая из этих перспектив не может быть по вкусу народу и не соответствует намерениям друзей человечества.

Сигнал дан, наступил момент, когда мы должны развить всю нашу энергию. Возвестим снова великий принцип божественной морали; он является единственным общим знаменем, соответствующим потребностям французов, как и всех прочих европейских народов. Сделаем смело общий вывод из этого принципа и громогласно объявим, что политическая власть должна уйти из рук военных и должна быть доверена самым миролюбивым, самым производительным людям,—людям наиболее способным к управлению. Мы должны бороться только своими, со знатными и с богословами, и единственное средство, каким мы должны их победить, это—проповедь той истины, что их политические принципы противоречат интересам короля и громадного большинства нации.

Господа, я кончаю это обращение призывом вспомнить поведение первых христиан-проповедников; будем подражать им и не будем слишком строги к тем, кто захочет войти в наши ряды, не будем допытываться об их предшествующей жизни, будем смотреть, как на братьев, на всех, кто исповедует убеждение, что духовная власть должна быть поручена наиболее просвещенным людям, а светская власть должна быть вручена классу граждан, наиболее заинтересованных в сохранении внешнего и внутреннего мира и наиболее способных к управлению.

Господа, некоторые из тех, кто наиболее отличился в рядах крайних партий, якобинцев или бонапартистов, были, быть может, особо

избраны Богом, чтобы стать основателями нового христианства, окончательного христианства, освобожденного совершенно от суеверий, которыми обременило его духовенство в своих честолюбивых целях, и которые были приняты на веру нашими предками по невежеству. Одним словом, допустим в свою среду еретиков и в морали и в политике, лишь бы они добровольно отреклись от своих ересей и трудились усердно над выработкой истинного учения.

Благоразумные и умеренные люди очень годятся для поддержания существующего порядка вещей, они даже способны вводить в него легкие изменения; но они не обладают энергией, необходимой для того, чтобы предпринять крупные улучшения. Первые христиане были люди, воодушевленные страстью, новые должны быть такими же; но воодушевленные люди способны по своему характеру совершать крупные ошибки. Апостол Павел начал с того, что был одним из наиболее ревностных врагов христианства.

Имею честь быть, господа,
Ваш покорный слуга *Анри Сен-Симон*.

О старой и новой политической системе.

(1822).

Раньше, чем мораль могла стать положительной наукой, раньше, чем политика могла взять себе в руководители мораль, раньше, чем человеческий род мог получить прочную социальную организацию, т. е. организацию, построенную в интересах большинства, — раньше всего этого должны были быть выполнены два основных условия.

Человеческое воображение должно было смириться, склонность к чудесному должна была уменьшиться, метафизика должна была потерять большую часть своего влияния; одним словом, положительные знания должны были настолько прогрессировать, а разум приобрести такую силу, чтобы люди, стремясь улучшить свою участь, стали больше полагаться на свои научные расчеты и промышленную деятельность, чем на свои верования, молитвы и религиозные упражнения.

Таково было первое из этих условий, но этим требованиям вполне отвечает теперь не только Франция, но и вся Европа.

Им отвечает политика государей; ибо великие державы, образовав священный союз, поставили в подчиненное положение как папскую власть, так и духовенство других религиозных сект; государи доказали этим, что, стремясь закончить современный кризис, они больше полагаются на свои положительные расчеты и на расчеты своих министров, чем на теологическую власть и на способность духовенства усовершенствовать социальную организацию.

Еще более резко выразилось в этом отношении настроение народа.

Пусть придут сейчас в одно и то же время и в одно и то же место промышленники и миссионеры, первые с проповедью труда, а вторые со своими речами к верующим. Наиболее мужественный и способный класс кинется толпами к первым; сторонники вторых не имеют никакого доверия и влияния в обществе.

Второе условие состояло в следующем.

Требовалось, чтобы масса населения, т. е. наибольшая часть трудящихся, стала достаточно способной самостоятельно руководить своими делами. Но трудящиеся, несомненно, приобрели эту способность во всей Европе, в особенности же во Франции.

Земледельцы доставили неопровержимые доказательства этого со времени продажи национальных имуществ. Несколько тысяч простых поденщиков стало неожиданно земельными собственниками; большая часть их, с самого начала, управляла своими имуществами очень благо-разумно и толково.

Во всей Западной Европе рабочие всех классов вступают в добровольные соглашения с предпринимателями и самостоятельно ведут свои дела; они обладают, следовательно, необходимыми для этого знаниями и предусмотрительностью. Более того, многие из них становятся, в конце концов, во главе важных промышленных предприятий. Это доказывает, что вообще вся масса населения способна к полезному труду положительного характера.

Я резюмирую следующим образом эти основные положения: система социальной организации могла быть до сих пор только временной, подготовительной, так как большинство населения было столь невежественно, что нуждалось в опеке. Это я называю старой системой.

Просвещение возросло, и положение совершенно изменилось. Эта перемена, замечательная особенно во Франции, вызывает необходимость установления соответственного режима, который, для своей прочности, должен быть построен непосредственно в интересах большинства; я его называю новой системой.

В старой системе цель основных законов должна была состоять в том, чтобы дать большую силу правительству, чтобы прочно утвердить власть первых классов над последними. Ибо вследствие невежества большинства населения было очень трудно поддерживать общественный порядок.

Соображения, касающиеся использования сил населения в целях доставления народным массам моральных наслаждений и приятного существования, должны были считаться в этой системе только второстепенными; главной задачей было конституировать общество, т. е. дать массам воспитание.

В новой системе, наоборот, основные законы должны иметь своей целью установление ясного и наиболее разумно комбинированного плана работ, которые должны быть выполнены обществом для улучшения существования его членов как в политическом, так и в моральном отношении. Распоряжения, касающиеся поддержания общественного порядка, должно считать имеющими лишь второстепенное значение, так как при современном состоянии цивилизации поддерживать общественный порядок очень легко. Установившееся разделение труда прочно связало людей друг с другом; при создавшемся положении всякий зависит от своих соседей.

Выражение система социальной организации очень высокопарно; оно многим внушает страх; им кажется, что это такой сложный и отвлеченный вопрос, что они не в состоянии составить себе о нем ясного мнения. Между тем, на самом деле, система социальной организации есть только акт объединения, и всякий, имеющий точное представление о том, каким образом должен совершаться акт объединения, в состоянии весьма здраво судить о том, какая система социальной организации соответствует современному положению дел, современному уровню

просвещения и цивилизации. Достаточно несколько слов для того, чтобы доказать это.

Во всяком договоре об объединении самым важным пунктом является ясное определение цели ассоциации, которая должна быть сформулирована во главе договора. Это мнение настолько общеустановлено, что самый последний нотариальный клерк поступил бы не иначе, если бы ему было поручено подобное дело. Это столь же необходимо в том случае, когда дело идет об объединении в национальную организацию, как и в том случае, когда ассоциация имеет целью только изготовление спичек.

Хорошо. Однако, ни в одну эпоху наша система социальной организации не составлялась подобным образом. Исследуйте старый порядок, а также все конституции с начала революции, не исключая и хартии, и вы увидите, что цель ассоциации граждан, составляющих французскую нацию, нигде не была сформулирована.

Из этого опущения должно было вытекать, и вытекало на самом деле то, что каждый, находившийся во главе правительства, мог направлять усилия нации в сторону, наиболее ему приятную. Таким образом Франция видела последовательно, как добрый Генрих, человек, получивший мужественное воспитание и свободный от всяких религиозных предрассудков, ревностно трудится на благо наиболее многочисленного класса нации и с помощью своего друга Скулли прилагает все усилия, чтобы осуществить столь дорогой его сердцу обет, обет о курице в супе;

как Людовик XIII превращает процессии в самое важное государственное дело и вручает Пресвятой Деве дело благосостояния нации, блюсти интересы которой ему было доверено;

как Людовик XIV со своим министром Лувуа губят финансы государства войнами, предпринятыми ими для их обоюдного удовольствия, и довершают гибель нации сооружением Версальского дворца;

как регент предпочитает советы кардинала Дюбуа советам честных людей, каким был, например, мой предок герцог Сен-Симон ¹⁾);

как Людовик XV довершает деморализацию двора, управляя нацией из Оленьего Парка или из будуаров Дюбарри.

Допустим, что все государи, поведение которых я характеризовал, имели чистые намерения и искреннее желание улучшить участь Франции; все же несомненно, что управление государством менялось в зависимости от их вкусов, страстей и характеров. Этого, конечно, никогда не случилось бы, если бы основание общественной ассоциации было заложено так, как оно должно было быть заложено.

Теперь повторим вкратце то, что произошло с начала революции.

Учредительное Собрание все разрушило и ничего не создало, оно много занималось метафизическими рассуждениями, но не дало точного

¹⁾ См. мемуары герцога Сен-Симона.

определения ни одной из идей, которые должны послужить основой социальной организации. Оно значительно уменьшило влияние королевской власти, но не уничтожило те власти, бесполезность которых оно доказало; оно завладело ими и использовало их.

Конвент изменил форму правления; он установил республику. Но он не определил и не ограничил власть правительства, установленного им; так что в эту эпоху воздействие правительства на управляемых было более сильно, чем когда бы то ни было при старом строе.

Директория сосредоточила в своих недрах всю мощь республиканского правительства; пять директоров разделили ее, затем они стали оспаривать ее и рвать ее клочья друг у друга.

Бонапарт стремился вновь подчинить нацию игу, заставив ее забыть принципы, провозглашенные ею в начале революции, сделавши ее вновь завоевательной, создав новую династию, новое дворянство, новое духовенство.

Наконец, современное правительство употребляет все усилия на то, чтобы убедить нацию, что единственное счастье ее состоит в поддержании роскоши и праздности придворных дворян и священников, в унижениях и оскорблениях, каким она подвергается со стороны этих паразитических классов.

Мои соотечественники, я возвращаюсь к тому, что говорил в начале этой главы, и вот те идеи, на которые я желал бы обратить ваше внимание.

Истина такова: для того, чтобы вы могли создать хороший общественный договор, должны были быть прежде осуществлены два основных условия:

во-первых, было необходимо, чтобы смирилось ваше воображение, чтобы уменьшилась ваша склонность к чудесному, чтобы вы, стремясь улучшить свою участь, стали рассчитывать больше на свои силы, чем на свои «Отче наш»;

во-вторых, было необходимо, чтобы масса населения, т.-е. наибольшая часть трудящихся приобрела достаточные способности самостоятельно руководить своими делами.

Бесспорно, что вы в данный момент вполне удовлетворяете этим двум основным условиям и, следовательно, вполне способны заключить между собою хороший общественный договор.

Наконец, бесспорно и то, что первая статья вашего социального договора должна, по возможности, наиболее ясно указать главные цели вашей ассоциации.

Я закончу эту главу важным заявлением: не одобряя безусловно всего, что было сделано с начала революции, я рассматриваю все конституции, какие у нас устанавливались, включая и хартию, как опыты, в которых нация нуждалась для того, чтобы открыть систему социальной организации, соответствующую современному состоянию просвещения и цивилизации.

О новой системе.

Обоснованием новой системы послужит труд, в котором будут ясно изложены желания, общие всем французам, и способы их удовлетворения.

Мои дорогие соотечественники, я вас хочу вкратце познакомить с основными идеями этого труда.

Я вам скажу прежде всего: очевидно, что все французы желают улучшить свое физическое и нравственное состояние. Определим теперь более точно понятия физического и морального благополучия нации.

Вы согласитесь, что люди счастливее всего в физическом отношении в той стране, где они лучше всего питаются, одеваются, имеют наилучшие жилища, могут легче всего путешествовать и легче всего доставать повсюду как предметы первой необходимости, так и приятности жизни.

Точно также вы согласитесь, что в той же стране счастье людей в моральном отношении будет самым полным, если уровень их интеллигентности подымется до достаточной высоты, если они будут способны ценить изящные искусства, если они будут знать законы, управляющие естественными явлениями, и способы видоизменения их, наконец, если среди них будет царить взаимное расположение.

Посмотрим теперь, какие средства надо употребить для того, чтобы доставить французам двойное преимущество морального и физического благополучия.

Чтобы достигнуть этого, необходимо поощрять возможно больше земледельческую, промышленную и коммерческую деятельность, необходимо покровительствовать им. Надо вдохновлять приманкой частных выгод всякие предприятия по устройству каналов, дорог и мостов, как и работы по осушению, распашке и орошению. Не надо придирааться к барышам, которые получаются от трудов, приносящих пользу государству, следует не смущаясь уступать эти барыши целиком частным лицам, предпринимаящим эти работы.

Для достижения же морального благополучия нации, следует поручить обучение юношества и народа ученым, обладающим наиболее положительными и полезными знаниями.

Французы!

После того, как в первой статье нашего общественного договора будут ясно выражены наши национальные желания и способы удовлетворения их, легко будет составить остальные части этого акта. Все остальные статьи будут выведены из первой, как ее непосредственные следствия.

Так как нация ясно укажет тот путь, по которому должно следовать правительство, то всякий произвол властей будет искоренен.

Все привилегии будут уничтожены, и их нельзя будет восстановить, так как будет установлена система наиболее полного равенства,

какое только возможно: люди, которые проявят наибольшие способности в положительных науках, изящных искусствах и промышленности, будут призваны при новой системе играть первую роль в обществе по своему социальному значению, и им будет поручено управление государственными делами. Основной закон выдвинет в первые ряды всех людей, обладающих выдающимся талантом, каково бы ни было то положение, в котором они очутились вследствие случайности рождения.

Наконец, предлагаемая реорганизация предоставит Франции самое крупное из всех политических благ, именно быть управляемой возможно меньше и возможно дешевле.

К сказанному я прибавлю, что все просвещенные народы по необходимости предпримут ту же реорганизацию, как только Франция покажет им пример и проложит тот путь, по которому они должны следовать.

Я прибавлю еще: все народы, которые произведут эту реорганизацию, по необходимости составят общий союз и соединят свои усилия для работы над повышением общего благосостояния.

Я кончаю эту главу следующими словами: французская нация является теперь авангардом человеческого рода с точки зрения успехов прогресса цивилизации; покажем же себя, дорогие соотечественники, достойными того почетного поста, который мы занимаем, и начнем революцию, которая должна принести с собой возрождение и потребность в которой чувствует вся Европа.

О СТАРОЙ СИСТЕМЕ.

Французы!

То, что я вам скажу, вам покажется с первого взгляда чрезвычайно странным и даже очень смешным, потому что оно не будет льстить вашему самолюбию.

Но то, что я вам скажу, является истиной, истиной, которую вам важно знать и на которую мы должны обратить все наше внимание для того, чтобы иметь успех в нашем великом политическом начинании; поэтому я не должен колебаться ни на одно мгновение представить ее вам.

Я утверждаю: в нашей революции мы поставили себе целью установить новую систему социальной организации, и, несмотря на все наши усилия, мы не сумели выйти из пределов старой системы ни в практическом отношении, ни даже в теоретическом.

Исследуем факты. Но, приступая к рассмотрению их, не теряйте из виду различие, существующее между старой и новой системой.

В старой системе на правительство возложена обязанность выбрать цель деятельности, к которой должна быть направлена нация, в то время, как установление этой цели служит основанием новой системы.—В старой системе власть правительства носит очень распро-

странительный и произвольный характер, в то время как новая система предоставит правительству лишь точно очерченную и очень ограниченную власть.

Сначала рассмотрим вкратце поведение граждан, которым нация поручила заботу о своей реорганизации, и государственных чиновников, которые затем завладели учредительной властью.

Учредительное Собрание организовало власть адвокатов.

Конвент установил власть санкюлотов.

Бонапарт ввел военный деспотизм.

А хартия, дарованная нации, дает правительству все средства, чтобы привести нацию под иго придворных, дворян и священников.

Но правление адвокатов и санкюлотов, военный деспотизм, как и преобладание придворных, дворян и священников,—все это принадлежит той же системе социальной организации, старой системе, в которой люди помещены впереди вещей, в которой правительство уполномочено выбирать направление, которое должно быть дано национальным силам.

Мои дорогие соотечественники.

То, что я изложил, дает вам самим возможность здраво судить о современном положении.

Очевидно, что вскоре возобновится борьба между привилегированными и непривилегированными. Каков будет характер и исход этой борьбы? Я вам должен раз'яснить этот пункт.

Я читал и слушал с большим вниманием все, что было сказано и написано оппозиционной партией, и я пришел к выводу, что эта партия еще не возвысилась до сих пор до понимания новой системы социальной организации.

Следовательно, оппозиционная партия со своими принципами, взятыми у старой системы, может только воспроизвести с легкими оттенками те сцены, свидетелями которых мы были уже во время революции; непривилегированные укажут на дверь привилегированным; а вожди нации, те, что захватят власть на поле сражения, не преминут восстановить в свою пользу привилегии и т. д., и т. д.

Чтобы вырваться из этого порочного круга, есть только один способ, состоящий в том, чтобы приступить к реорганизации общества согласно принципам, изложенным в начале главы о новой политической системе.

Катехизис промышленников.

Первая тетрадь.

(декабрь 1823 г.).

В о п р о с. Что такое промышленник?

О т в е т. Промышленник, это—человек, который трудится над производством или над доставкой разным членам общества одного или нескольких материальных продуктов, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; таким образом, земледелец, сеющий рожь или разводящий домашних птиц и животных, является промышленником; каретник, кузнец, слесарь, столяр — промышленники; фабрикант башмаков, шляп, полотна, драпа, кашемировой материи также промышленник; купец, извозчик, матрос торгового судна—промышленники. Все промышленники вместе трудятся над производством или над доставкой всем членам общества всех материальных продуктов, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; они составляют три крупных класса, которые называются земледельцами, фабрикантами и купцами.

В о п р о с. Какое положение в обществе должны занять промышленники?

О т в е т. Промышленный класс должен занять первое место, потому что он важнее всех; потому что он может обходиться без всех других классов, но ни один другой класс не может обходиться без него; потому что он существует за счет своих собственных сил и своим личным трудом. Другие классы должны трудиться для него, потому что они являются его креатурами, и он поддерживает их существование; одним словом, так как все делается благодаря промышленности, то все должно делаться для нее.

В о п р о с. Какое положение в обществе занимают промышленники?

О т в е т. Промышленный класс, благодаря современной социальной организации, занимает последнее место. Социальный строй все еще предоставляет больше уважения и влияния второстепенным трудам и даже праздности, чем самым важным трудам, приносящим прямую пользу.

В о п р о с. Почему промышленный класс, который должен занимать первое место, занимает последнее? Почему считаются последними те, кто в действительности первые?

О т в е т. Мы это объясним в дальнейшем изложении катехизиса.

В о п р о с. Как должны поступать промышленники, чтобы перейти из низшего разряда, где они помещаются, в высший разряд, на который они имеют право?

О т в е т. В этом катехизисе мы скажем, каким образом они должны поступать, чтобы улучшить свое социальное положение.

В о п р о с. Каков смысл предпринятого вами труда? Говоря коротко, какую цель вы себе ставите, составляя этот катехизис?

О т в е т. Мы намереваемся указать промышленникам способы возможного увеличения их благосостояния; мы намереваемся научить промышленников главным средствам, которыми они должны воспользоваться, чтобы возвысить свое социальное положение.

В о п р о с. Что вы намерены делать, чтобы достигнуть этой цели?

О т в е т. С одной стороны, мы представим промышленникам картину их настоящего социального положения; мы им покажем, что оно на самом деле совершенно подчиненное, что оно, следовательно, гораздо ниже того, каким оно должно быть, так как промышленники составляют самый способный и самый полезный класс общества.

С другой стороны, мы им укажем путь, которым они должны следовать, чтобы достигнуть первого места и по уважению, и по власти.

В о п р о с. Не проповедует ли в этом катехизисе восстание и возмущение? Потому что, конечно, классы, облеченные по преимуществу властью и почетом, не расположены отказываться добровольно от выгод, которыми они пользуются.

О т в е т. Мы далеки от того, чтобы проповедывать восстание и возмущение; наоборот, мы покажем единственный способ помешать актам насилия, которые могут угрожать обществу и которых ему будет трудно избежать, если сила промышленности останется пассивной среди тех партий, которые борются за власть.

Общественное спокойствие не может быть устойчивым до тех пор, пока самым выдающимся промышленникам не будет доверено управление государственным достоянием.

В о п р о с. Объясните нам это и скажите нам, почему общественное спокойствие будет находиться под угрозой до тех пор, пока самые выдающиеся промышленники не станут во главе управления государственным достоянием?

О т в е т. Причина этого очень проста: общая политическая тенденция громадного большинства членов общества состоит в том, чтобы им управляли возможно дешевле, чтобы им управляли возможно меньше и чтобы им управляли самые способные люди, притом так, чтобы общественное спокойствие было вполне обеспечено. Но единственный способ удовлетворить все эти разнообразные желания большинства состоит в том, чтобы поручить наиболее значительным промышленникам руководство делами государства. Ибо наиболее значительные промышленники больше всего заинтересованы в поддержании спокойствия; они наиболее заинтересованы в экономном расходовании государственных денег; они также больше всего заинтересованы в ограничении произвола и, наконец, из всех членов общества они лучше всего доказали свои положи-

тельные административные способности, так как успех их частных предприятий свидетельствует об их способностях в этом направлении.

При настоящем положении вещей, общественное спокойствие находится под угрозой по той причине, что направление правительства находится в прямом противоречии с самыми определенными стремлениями нации. Нация желает, прежде всего, чтобы управление стоило ей возможно дешевле, и никогда правительство не обходилось ей так дорого; оно стоит ей гораздо больше, чем до революции. До революции нация делилась на три класса, а именно: на дворян, буржуа и промышленников. Дворяне господствовали, буржуа и промышленники содержали их.

Теперь нация делится только на два класса: буржуа, делавшие и направлявшие революцию в своих интересах, уничтожили исключительную привилегию дворян пользоваться государственным достоинством. Они заставили допустить себя в класс управляющих, так что теперь промышленники должны содержать дворян и буржуа. До революции нация платила 500 миллионов налогов, теперь она платит миллиард, и этого миллиарда еще недостаточно; правительство часто прибегает к значительным займам.

Общественное спокойствие будет находиться под угрозой, все возрастающей, потому что налоги по необходимости будут все увеличиваться. Единственное средство помешать восстаниям, которые могут развиться, состоит в том, чтобы поручить наиболее значительным промышленникам дело управления достоинством государства, т. е. поручить им составление бюджета.

В о п р о с. То, что вы сказали, очень хорошо, очень интересно и имеет громадную важность; но вы не даёте нам прямых указаний насчет того, что мы желаем знать. Мы просим вас разъяснить нам следующий пункт: возможно ли без употребления насильственных средств отнять высшее управление денежными делами общества из рук дворян, военных, легистов и рантье, одним словом, из рук непромышленных классов, чтобы передать его в руки промышленников?

О т в е т. Насильственные средства годятся для того, чтобы низвергать и разрушать, и они годятся только для этого. Мирные средства—единственные, какие можно употреблять в целях созидательных, творческих; словом, только мирными средствами можно построить прочные учреждения. Но акт, которым наиболее значительным промышленникам будет передано высшее руководство денежными интересами нации, есть акт созидательный. Это—самое важное политическое мероприятие, какое только можно себе представить; оно должно послужить основанием всего нового социального здания; оно должно завершить революцию и обезопасить нацию от всякого нового потрясения. Наиболее значительные промышленники будут бесплатно выполнять обязанность составления бюджета, а потому будет мало желающих занять эту должность. При составлении бюджета промышленники будут ставить

себе целью экономию в управлении государственными делами; поэтому они назначат чиновникам умеренное жалованье. На эти места будет мало охотников, количество их значительно уменьшится, равным образом уменьшится и количество кандидатов, и неизбежно установится такой строй, где большое количество должностей будет исполняться бесплатно, так как праздные богачи не найдут иного средства доставить себе уважение.

Если вы станете изучать характер промышленников и поведение их во время революции, то вы увидите, что они по существу миролюбивы. Не промышленники делали революцию, а буржуа, т. е. незнатные военные, разночинцы-легисты и непривилегированные рантье. Еще и сейчас промышленники играют только второстепенную роль среди существующих политических партий и не имеют собственного политического направления и собственной политической партии. Они склоняются больше к левой, чем к правой, потому что притязания буржуазии меньше оскорбляют идею равенства, чем притязания дворянства; но они не увлекаются либеральными идеями, они больше всего желают спокойствия. Руководителями либералов, внутри и вне палаты, являются генералы, легисты и рантье. Дворянство и буржуазия желают взять в свои руки управление делами государства главным образом для того, чтобы извлечь из этого собственную выгоду. Выдающиеся промышленники добиваются этого, наоборот, в целях введения возможно большей экономии.

Промышленники очень хорошо чувствуют, что они лучше всех способны управлять денежными интересами нации, но они не выставляют на показ эту идею, опасаясь мгновенно смутить спокойствие. Они терпеливо ожидают, чтобы образовалось определенное мнение на этот счет, и чтобы истинно социальная доктрина призвала их к кормилу правления.

Из сказанного нами мы заключаем, что исключительно мирные средства, т. е. средства обсуждения, доказательства и убеждения, будут употреблять промышленники; только опираясь на них, возьмут промышленники высшее руководство достоянием государства из рук дворян, военных, легистов, рантье и государственных чиновников, чтобы передать его в руки наиболее значительных из своей среды.

В о п р о с. Мы допускаем пока, что промышленники не будут стремиться прибегать к насилию для того, чтобы взять высшее руководство денежными делами общества из рук дворянства и буржуазии и передать его в руки наиболее значительных из своей среды; но из мирных намерений промышленников не вытекает еще того, что этот класс общества будет способен занять первевствующее положение; мы вас просим указать нам, какими средствами добьются промышленники тех коренных изменений в обществе, о которых идет речь.

О т в е т. Промышленники составляют больше двадцати четырех двадцать пятых нации; они, таким образом, преобладают как физическая сила. Они производят все богатства и владеют денежными средствами.

Они превосходят других умственными способностями, так как это их расчеты содействуют наиболее непосредственно процветанию государства.

Так как, наконец, они больше всех способны управлять денежными делами нации, то и человеческая и божественная мораль призывают самых выдающихся из них к управлению финансами.

Промышленники обладают всеми необходимыми средствами; они обладают непреодолимыми средствами для того, чтобы произвести перемену в социальной организации, которая переведет их из класса управляемых в класс управляющих.

В о п р о с. Соединение составляет силу; именно по той причине, что промышленники не объединены, над ними господствуют дворяне, военные, легисты, раятье и государственные чиновники. При превосходстве промышленников в столь важных отраслях, они, объединившись, несомненно, получили бы тотчас же в свои руки высшее руководство государственными делами; несомненно им не пришлось бы употреблять насилие для того, чтобы заставить другие классы признать их превосходство, потому что каждый в отдельности из этих классов и даже все они вместе слишком уступают в силе промышленникам, чтобы они могли решиться оспаривать их власть. Но не существует ли в самой природе вещей радикального препятствия к объединению промышленников? Мы склонны думать так, и наше мнение основывается на том единственном факте, что, несмотря на интерес, который имело объединение для промышленников с самого происхождения общества, они все же постоянно давали господствовать над собою непромышленным классам.

О т в е т. Когда франки завоевали Галлию и разделили между собою ее территорию, они были одновременно промышленными и военными вождями страны. Только постепенно промышленный класс отделился от военного, приобрел значение, получил вождей, отличающихся от военных вождей; и лишь сейчас промышленный класс обладает достаточными силами и средствами, чтобы стать первым классом в обществе. Таким образом, из того факта, что промышленники в продолжение сорока пяти веков составляли низший класс французской нации, вы неверно заключаете, что они предназначены оставаться всегда в последних рядах и не могут сейчас подняться до первых степеней власти и уважения. Краткий обзор политических успехов промышленности и промышленников от возникновения нашего французского общества до сего дня сделает это совершенно ясным.

В о п р о с. Исследование, к которому мы приступаем, имеет громадное значение; оно должно совершенно изменить состояние политики, должно придать политике совершенно новый характер, изменить природу этой отрасли наших познаний. До сих пор политика была лишь гадательной наукой или, скорее, в политике говорили и поступали по рутине.

Когда это исследование будет закончено, можно будет подкрепить наши рассуждения фактами, рядом наблюдений над историей четырнадцати веков. Поэтому крайне желательно, чтобы этот обзор можно было легко понять, оценить и удержать в памяти. Для того, чтобы достигнуть этой цели, мы предлагаем вам разделить ваш обзор на четыре части или эпохи, а именно:

- от обоснования франков в Галлии до первого крестового похода;
- от первого крестового похода до царствования Людовика XI;
- от Людовика XI до царствования Людовика XIV включительно;
- от царствования Людовика XIV до установления кредитной системы.

Затем из этого большого количества фактов вы сделаете вывод о том, каково будущее промышленного класса.

Прежде всего мы вас спрашиваем, каковы были успехи промышленности, какое влияние успели приобрести промышленники в период от обоснования франков в Галлии до первого крестового похода.

О т в е т. За время от обоснования франков в Галлии до первого крестового похода совершился факт громадной политической важности, факт, подготовивший все успехи цивилизации, какие имели место с того времени, и, следовательно, все успехи промышленности, ибо промышленные успехи—самые существенные из всех. Этот факт состоит в слиянии победителей с побежденными, в образовании французской нации, составленной из франков и галлов.

Позднейшие успехи промышленности были подготовлены в течение этой эпохи, но ни один из достигнутых в эту эпоху не заслуживает упоминания.

Франки, бывшие военными вождями нации, руководили в то же время ее промышленной деятельностью; им принадлежали почти все земли; равным образом они завладели и движимыми орудиями земледелия; работы же производились больше всего галлами, прикрепленными к земле, составлявшими благодаря этому высший класс рабочего скота.

Ремесленники, изготовлявшие грубые земледельческие орудия, находились также в рабстве, следовательно, работали под руководством франков. Наконец, производством материй для одежды руководили франкские женщины, заставлявшие изготовлять их под своим наблюдением в своих замках. В течение этого промежутка времени ремесленники, хотя и находившиеся все время в рабстве, приобрели значение и успели составить себе маленькое состояние, тщательно скрывавшееся ими.

В о п р о с. Что произошло со времени первого крестового похода и до царствования Людовика XI? Каковы были успехи промышленности и какие причины определили эти успехи?

О т в е т. Крестовые походы ввели в большие расходы аристократов, т. е. франков; их доходы не были достаточны, чтобы покрыть их издержки. Для того, чтобы достать необходимые им суммы, они

принуждены были продавать вольности галлам, которые оказались в состоянии оплачивать их.

Галлы, приобретавшие эти вольности, были по большей части те ремесленники, которые больше других имели случаев и возможности составить себе состояние. Франки продавали также земли галлам, которые сумели тем или иным путем скопить себе денег; таким образом, крестовые походы обусловили образование промышленного класса, как класса, отличающегося от военного.

Бережливость и энергия этого класса увеличили затем его значение за время от последнего крестового похода до восшествия на престол Людовика XI.

Крестовые походы содействовали также совершенствованию и росту промышленной деятельности как в смысле ее распространения, так и в смысле большего разнообразия ее видов. Дворяне, разорявшиеся в своих азиатских походах, принесли во Францию вкус к роскоши и к изысканности, в частности страсть к красивому оружию.

Изысканность мужчин развила кокетство женщин; женщины, ставши кокетливыми, получили вкус к украшениям. Образцы прекрасных тканей, приготовленных в Азии, возбудили в прекрасном поле желание иметь такие же; таково было происхождение внешней торговли и изготовления предметов роскоши; таково же было происхождение фабрикации всех предметов комфорта для населения, получившего вкус к изысканным наслаждениям.

В результате, ко времени восшествия на престол Людовика XI промышленный класс резко отличался от военного. Этот класс был составлен из трех частей, а именно: из галлов, собственников земли, обрабатывавших ее, но не бывших военными; из получивших свободу ремесленников, поселившихся в городах; из купцов, привозивших во Францию азиатские ткани и пускавших в оборот предметы французской промышленности.

В о п р о с. Как развивалась промышленность от Людовика XI до царствования Людовика XIV включительно? Какие причины содействовали ее развитию и росту влияния промышленников?

О т в е т. К пятнадцатому веку королевская власть приобрела уже значительную силу по сравнению с эпохой завоевания Галлии франками, когда король был только военачальником франков, назначенным вождем отрядов, составлявших их армию.

Людовик XI, взшедши на престол, увидел, что королевская власть является еще очень неустойчивым политическим учреждением, не имеющим еще положительного и прочного характера; он увидел, что верховная власть принадлежит еще совокушности баронов; он увидел, что король на самом деле только самый влиятельный из баронов, и что у потомков племенных вождей, ставших баронами, сохранилась традиция, согласно которой король только *primus inter pares* (первый между равными) среди них, выбираемый и сменяемый по их воле. И, наконец,

он обратил свое внимание на тот факт, что объединенные бароны обладают во Франции большей силой и могуществом, чем король, и что для королевской власти, при феодальной конституции, нет иного способа сохранить свое верховенство, как внести раскол в среду баронов и связать нескольких более могущественных из них со своим делом.

Людовик XI составил смелый план сосредоточить всю верховную власть в руках короля, уничтожить первенство франков над галлами, разрушить феодальную систему, отменить дворянские учреждения и стать королем галлов вместо вождя франков.

Для того, чтобы этот план имел успех, ему необходимо было связать свою власть с интересами класса, достаточно сильного, чтобы поддержать его и обеспечить ему успех его предприятия. Он соединился с промышленниками.

Промышленники желали сосредоточения верховной власти в руках короля, потому что это было единственное средство уничтожить препятствия, стоявшие на пути внутренней торговли Франции вследствие раздробления суверенитета. Они стремились также стать первым классом в обществе, как для того, чтобы удовлетворить своему самолюбию, так и для того, чтобы воспользоваться материальными выгодами, которые получает тот, кто составляет законы, ибо закон всегда благоприятствует тому, кто составляет его. Вследствие этого, промышленники приняли союз, предложенный им королевской властью, и, начиная с этого времени, всегда оставались в союзе с нею.

Поэтому Людовика XI можно рассматривать, как основателя союза, образовавшегося в пятнадцатом веке между королевскою властью и промышленностью против дворянства, между королем Франции и галлами против потомков франков.

Эта борьба между королем и крупными вассалами, между руководителями промышленности и дворянами, продолжалась больше двухсот лет, пока вся верховная власть была сосредоточена в руках короля, а дворяне совершенно перестали руководить промышленною деятельностью. Но, в конце концов, при Людовике XIV в передние короля начали стекаться потомки или наследники самых влиятельных вождей, превратившихся затем в баронов, чтобы добиваться места челяди при его дворе. Но, в конце-концов, у многочисленного класса рабочих не оказалось других руководителей в его труде, кроме людей, вышедших из его рядов, людей, которым способности или удача доставили возможность стать во главе какого-либо промышленного предприятия.

Интересно отметить, как действовали промышленники во время этой борьбы в своих непосредственных отношениях со знатью, какие меры они применяли для того, чтобы лишить дворян всего того влияния, какое они имели в области мирной деятельности. Это наблюдение покажет нам, в чем состоит коренное различие между политическим характером дворян и промышленников, между политическим поведением франков и галлов.

Промышленники, галлы, занимавшиеся земледелием, пошли к дворянам в их замки и держали перед ними речь приблизительно следующего содержания: «Вы ведете очень печальную жизнь, живя столь уединенно в деревне; забота об обработке ваших владений—занятие недостойное вашего высокого рода, сдайте в аренду нам ваши земли, и вы сможете проводить зиму в городах, а лето в деревне, не прерывая ваших удовольствий. В городах наши собратья, фабриканты, поспешат доставить вам самую богатую и самую удобную мебель; наши собратья, торговцы, развернут в своих лавках лучшие ткани, наиболее подходящие для того, чтобы выказать прелести ваших супруг, а наши собратья, капиталисты, одолжат вам деньги, когда вы будете в них нуждаться; летом, когда вы приедете в ваши замки, вы будете заниматься только охотой, а ваши жены будут разлекаться разведением цветов в своих цветниках».

Знатные были увлечены этим предложением; они приняли его и, начиная с этого момента, потеряли всякое положительное влияние в государстве, так как перестали быть руководителями народа в его повседневной деятельности.

Что следует отметить, говорим мы, в этой перемене, произведенной промышленниками, это—основную черту их поведения, совершенно отличную от тех приемов, какие господствовали в обществе до образования этого класса.

До образования корпорации промышленников существовало только два класса в нации; а именно, класс командующих и класс повинующихся. Промышленники выступили на политическое поприще с новой отличительной чертой; с самого начала своего политического существования, они не стремились повелевать и не желали повиноваться. Они усвоили тактику полюбовных соглашений как с высшими, так и с низшими; они отказались признавать других повелителей, кроме таких комбинаций, которые примиряют интересы договаривающихся сторон.

Мы теперь перейдем, если вы желаете, к рассмотрению того, что произошло в период от Людовика XIV до установления кредитной системы.

Вопрос. Вы движетесь слишком быстро; остается один очень важный пункт, требующий разъяснения. Кажется, что Людовик XIV, после того, как он воспользовался выгодами своего союза с промышленниками и довел крупных вассалов до того, что они стали надевать ему сорочку и прислуживать за его столом, совершенно покинул промышленников. Он поставил себе исключительную цель приобрести славу великого воина и завоевателя; он занялся сооружением великоленных дворцов, он предоставил своим придворным пожирать все продукты промышленной деятельности. Что вы скажете об этом предмете?

Ответ. Конечно, Людовик XIV был слишком расточителен; он слишком любил войну; но отсюда мы не имеем права заключать, что он не оказал крупных услуг промышленности; это согласно его приказам Кольбер снабжал средствами фабрикантов для устройства крупных

промышленных предприятий; это на счет средств его казначейства была устроена прекрасная фабрика Ван-Робе, положившая начало выработке прекрасных шерстяных материй.

Наконец, это он создал связь между [вопросами положительных наук и вопросами промышленной деятельности; он создал академию наук и поручил ей, в качестве специальной задачи, освещать промышленную деятельность и содействовать ее успехам.

Позвольте вам заметить, что настоящий обзор должен быть возможно более кратким. Поэтому мы вас просим не заставлять нас углубляться в детали и перейти непосредственно к рассмотрению успехов промышленности и роста влияния промышленников за время от царствования Людовика XIV до установления кредитной системы включительно.

Вопрос. Пусть будет по вашему; мы вас просим сказать нам, как промышленники из того, все еще очень подчиненного, социального положения, в котором они находились по отношению к дворянству при Людовике XIV, смогли возвыситься до соперничества со всеми другими непромышленными классами; словом, как случилось то, что сейчас Шоссе-д'Антен смеет бороться с предместьем Сен-Жермен?

Ответ. До восемнадцатого века земледельцы, фабриканты и купцы составляли еще отдельные корпорации. Начиная с конца царствования Людовика XIV промышленники этих трех крупных отраслей промышленности объединились в финансовом и политическом отношениях, благодаря образованию нового рода промышленности, частные интересы которого находятся в полном согласии с общими интересами всех промышленников. Образование этой новой отрасли промышленности дало промышленникам возможность установить систему кредита.

Крайне важно как можно внимательнее присмотреться к тому, каким путем шла организация промышленников в финансовом и политическом отношениях. Только зная, как создавалась эта организация, мы сможем прийти к точному и ясному выводу относительно того, что должны делать промышленники сейчас для улучшения своего социального положения. Поэтому мы вас просим очень внимательно следить за тем, что мы вам скажем.

Покровительство, которое оказывал Людовик XIV производству и торговле, дало мощный толчок развитию этих двух отраслей промышленности; но это большое благо повлекло за собою одно неудобство; благодаря тому, что операции промышленников и купцов очень разрослись, им приходилось в разных местах получать выручку и производить платежи, а это влекло за собою потерю большого количества времени на труд по погашению взаимных счетов.

Потребности рождают средства их удовлетворения; тотчас же образовалась новая отрасль промышленности, банковое дело. Эти новые промышленники обратились к фабрикантам и купцам и сказали им:

«Вы тратите много времени и усилий на производство операций по приходам и расходам. Мы предлагаем вам поручить нам этот труд. Так как мы это сделаем нашим единственным занятием и все операции этого рода будут производиться нами, то мы сумеем производить операции с вашими приходами и расходами гораздо дешевле, чем это делаете вы сами; благодаря этому, значительно уменьшится надобность в действительной перевозке денег и т. д.»

Предложение банкиров было принято всеми торговцами и фабрикантами, так что, начиная с этого времени, все денежные операции стали производиться банкирами. Банкиры получили большой кредит, что было неизбежным результатом того факта, что все денежные операции находились в их руках.

Чтобы получить выгоду из своего кредита, банкиры стали ссужать за проценты торговцам и фабрикантам. Последние, пользуясь большим кредитом, получили возможность расширить свои операции и производить большее количество богатств.

И, наконец, общим результатом учреждения банков для промышленности и общества было то, что значительно выросло производство предметов комфорта, как и вкус к ним, что, начиная с этого момента, промышленный класс стал владеть гораздо большей денежной силой, чем все остальные классы вместе взятые и даже чем само правительство.

В то время как промышленники делали большие успехи, в то время как росли их правоспособность, их влияние и их реальное могущество, непромышленные классы опускались во всех отношениях; а между тем королевская власть по-прежнему продолжала выбирать из их среды людей для управления государственными финансами.

Плохое управление государственными финансами привело к дефициту, который постоянно увеличивался; в конце-концов, в 1817 году, государственное казначейство находилось в таком запутанном состоянии, что непромышленные его руководители не видели никакого средства выпутаться из затруднений и выполнить обязательства короля по отношению к иностранцам; обязательства же эти явились результатом плохого ведения финансовых операций, приведшего к революции, а затем и к анархии в королевстве и закончившегося тем, что французская нация попала в зависимость от иностранных государств.

При этих обстоятельствах банкиры предложили правительству те деньги, в которых оно нуждалось, но они поставили следующие условия:

1) чтобы правительство совершенно отказалось от того варварского ведения финансовых дел, какое имело место до этого времени; чтобы оно навсегда отказалось от манеры объявлять банкрот, чтобы оно усвоило способ действий промышленный, т. е. лояльный, чтобы оно целиком уплатило всем своим кредиторам, каково бы ни было происхождение этих долгов.

2) Чтобы эта сделка была заключена полюбовно между ними, т. е. банкирами и правительством; чтобы условия займа обсуждались банкирами и министрами, как при обыкновенной сделке между частными лицами.

Предложение банкиров было принято; родился государственный кредит, и благодаря этому институт королевской власти стал более прочным, чем он был когда-либо раньше.

Здесь я кончаю обещанный нами обзор успехов промышленности и роста влияния промышленников за время, начиная от утверждения франков в Галлии и до сего дня.

В о п р о с. Теперь вам остается сказать нам, какое заключение для будущего вы выводите из этого обзора. Вам остается сообщить нам, какое будущее предстоит промышленникам. Говоря яснее, вам остается начертить тот путь, по которому должны следовать промышленники, чтобы стать первым классом в обществе и чтобы побудить королевскую власть поручить наиболее значительным из них заботу об управлении достоянием государства. Выскажитесь ясно на этот счет.

О т в е т. Позвольте вам заметить, что мы поступили бы не методически, если бы непосредственно удовлетворили ваше желание, если бы мы непосредственно перешли от рассуждений о прошлом к рассуждению о будущем. Великий порядок мира поместил между прошлым и будущим настоящее, и поэтому мы должны остановиться на миг на настоящем, прежде чем пуститься в будущее.

Вот в немногих словах современное политическое положение.

Потомки галлов достигли полного уничтожения системы личного рабства, тяготевшего над ними; они выказали свою активность в руководстве мирною деятельностью; они организовались как промышленники. Они сохранили военную силу лишь постольку, поскольку она необходима для отражения нашествий и для поддержания внутреннего порядка, т. е. уважения к собственности. Потомки галлов, т. е. промышленники, создали денежную силу, силу господствующую, и они владеют этой силой, потому что они не только имеют больше эки в своих сундуках, чем их есть в сундуках потомков франков, но и могут распоряжаться почти всеми денежными средствами Франции, благодаря своему кредиту; таким образом, галлы стали наиболее сильным элементом в стране.

Но правление осталось в руках потомков франков; потомки франков управляют государственными финансами; они сохранили руководящую роль, полученную ими от их предков. Так что современное общество представляет необычайное зрелище: нация, по существу промышленная, имеет правительство по существу феодальное.

В о п р о с. Мы находим, что нарисованная вами картина страдает большими преувеличениями. Конечно, правительство носит более фео-

дальний характер, чем сама нация, но феодальный дух правительства настолько изменился, что он находится в согласии с духом, нравами и привычками промышленного класса, образующего действительно основную часть нации, или, если вам это больше нравится, нацию; таково наше мнение. Каково ваше?

О т в е т. Вы допускаете крупную ошибку, воображая, что управляющие классы приспособились к нации; такое приспособление невозможно, так как оно противоестественно. Учреждения, как и люди, создающие их, способны к изменениям, но не могут совершенно уничтожить свою природу; нельзя стереть совершенно их первоначальный характер. Но всякое общество, в составе которого находятся учреждения разной природы, всякое общество, в котором допускаются два противоречащих друг другу принципа, как бы велико или мало оно ни было, находится в некотором состоянии беспорядка. Таково современное положение населения, живущего на французской территории. Управляемая, подчиненная часть этого населения усвоила в качестве руководящего принципа своего поведения промышленный принцип; она хочет повиноваться только соглашениям, примиряющим интересы договаривающихся сторон; она думает, что управление государственными финансами должно вестись в интересах большинства; она питает отвращение к привилегиям и к прирожденным правам, за единственным исключением королевской власти; одним словом, она стремится к установлению самого полного равенства, какое только возможно. Между тем потомки франков, стоящие теперь во главе правления, никогда не отрекутся от мысли о своих правах, вытекающих из завоевания; им кажется, что управление нацией должно вестись в их интересах, и их политические идеи сводятся к удивительной, по своей простоте, концепции двух классов,—одного, который повелевает, и другого, который повинуется.

В о п р о с. Вы не заметили одного: существует промежуточный класс между дворянами и промышленниками; этот ценный класс является действительно связующим звеном общества; он соединяет феодальные принципы с промышленными. Что вы думаете об этом классе?

О т в е т. Устанавливаемое вами деление—очень красивое деление с метафизической точки зрения; но мы совсем не хотим заниматься метафизикой, наоборот, мы хотим бороться с ней. Цель нашего труда поставить факты на место метафизических рассуждений. Поэтому мы рассмотрим вкратце, каково было происхождение, какова была жизнь, какова была деятельность за последнее время того промежуточного класса, который кажется вам столь ценным.

В течение продолжительного времени франки решали судебные споры своих вассалов сами лично, не прибегая к помощи каких-либо ученых. Но когда социальные связи разрослись и усложнились, когда было введено писанное право, то потомки франков, считавшие за честь неумение подписать свое имя, не могли уже больше справляться с судебной деятельностью; образовалась корпорация легистов. Бароны сде-

лали этих легистов своими советниками; они их помещали у своих ног на заседаниях и советовались с ними о юридических вопросах, подлежащих разрешению. Позже они совсем сняли с себя заботу судить о спорах своих вассалов. Легисты стали самостоятельно вести заседания и отправлять правосудие от имени потомков франков. Вот каково происхождение одной из частей промежуточного класса.

До открытия пороха люди оружия, т. е. потомки франков, составляли главную часть армии. После открытия пороха силу армии стали составлять стрелки и артиллеристы; инженерами, артиллеристами и стрелками стали, главным образом, потомки галлов, но командование армиями постоянно оставалось в руках потомков франков. Вот каково происхождение другой части промежуточного класса.

Вся совокупность территории была сначала разделена между франками. Суверенные права были тогда связаны с земельною собственностью. Когда потомки франков отправились в крестовые походы и принуждены были продать часть своих земель, чтобы достать необходимые им деньги, они вместе с тем должны были отказаться и от части своих верховных прав, ибо, какие бы усилия они ни употребляли, чтобы отделить верховные права от продаваемых земель, вся территория была до такой степени пропитана феодальными повинностями, что новые собственники, хотя и разночинцы по происхождению, все же стали дворянами в малом виде. Таково происхождение третьей части промежуточного класса.

Мы видим, что эти три части, составляющие промежуточный класс, были созданы и порождены потомками франков. Мы увидим ниже, что они действовали согласно своей первоначальной природе, когда им удалось достичь власти. Но посмотрим сначала, каково было их поведение со времени их возникновения до 1789 года.

Легисты, разночинцы, военные и земельные собственники, не принадлежавшие ни к дворянам, ни к земледельцам, играли обычно роль народных защитников против притязаний и привилегий потомков франков.

Считая себя в 1789 году достаточно сильным для того, чтобы освободиться от верховенства потомков франков, промежуточный класс побудил народные массы восстать против дворян. Этому классу удалось, пользуясь силами народа, истребить часть потомков франков, тех же, которые не были истреблены, он вынудил скрываться на чужбине. Промежуточный класс стал тогда первым классом, и очень интересно обратить внимание на его поведение после достижения им власти. Оно было такое.

Он выбрал из своих рядов буржуа, которого сделал государем, тем из своих членов, которые играли главную роль в революции, он дал титулы принцев, князей, графов, баронов, шевалье и т. д.; он создал майораты для новой знати; одним словом, он восстановил феодальную систему в свою пользу.

Вот каково было поведение промежуточного класса, существование которого вы считаете столь полезным для промышленников. Конечно, буржуазия оказала услуги промышленникам, но теперь буржуазный класс вместе с дворянским лежит бременем на промышленном классе. Буржуа теперь играют в обществе лишь роль дворян в малом виде. Промышленники заинтересованы в том, чтобы одновременно освободиться и от верховенства потомков франков и от господства промежуточного класса, созданного и порожденного дворянством и, вследствие этого, постоянно стремившегося к установлению феодализма в своих интересах. Промышленный класс должен образовать союз только с королевской властью, как было при Людовике XI; он должен соединить свои усилия с королевской властью для установления промышленного режима, т. е. режима, при котором наиболее значительные промышленники составят первый класс в обществе и получают в свои руки управление государственным достоянием.

В о п р о с. Вы слишком решительны, слишком абсолютны, слишком исключительны; вы хотели бы, чтобы существовал один только класс промышленников; но этого совершенно нельзя осуществить в жизни, ибо сами же промышленники нуждаются в военных, легистах и т. д. Можете ли вы отразить этот упрек, брошенный нами по вашему адресу?

О т в е т. Создать систему значит создать мнение по самой своей природе решительное, абсолютное и исключительное. Вот наш ответ на первую часть вашего возражения. Затем вы говорите, будто мы хотим, чтобы существовал только один класс в обществе, класс промышленников; вы ошибаетесь, мы хотим (вернее, этого хочет прогресс цивилизации), чтобы промышленный класс стал первым классом из всех, чтобы другие классы были ему подчинены.

Во времена невежества главным направлением национальной деятельности было военное и только во вторую очередь промышленное; в это время все классы общества должны были подчиняться военным. Такова была в действительности социальная организация этой эпохи и она была бы плохой, если бы не имела решительного, абсолютного и исключительного характера. С прогрессом цивилизации, направление деятельности населения Франции приняло в существенных чертах промышленный характер; значит, промышленный класс должен стать первым из всех, а остальные классы должны быть ему подчинены. Конечно, промышленники нуждаются в армии; конечно, они нуждаются в судебных учреждениях; конечно, нельзя принуждать собственников вкладывать свои капиталы в промышленные предприятия, но при современном состоянии цивилизации чудовищно, что высшее управление государственным достоянием находится в руках военных, легистов и праздных собственников.

В о п р о с. Остановитесь! Вы вдаетесь в излишние для данного момента подробности, вы входите в спор по существу вопроса и теряете из виду,

что нас в настоящее время занимает вопрос о более точном определении современного политического момента. Резюмируйте ваши взгляды по этому вопросу.

О т в е т. Вот вам, в двух словах, резюме, которого вы требуете: современная эпоха — переходная эпоха.

В о п р о с. Перейдем к рассуждению о будущем. Скажите же нам определенно, какова будет, в конце-концов, политическая участь промышленников?

О т в е т. Промышленники станут первым классом в обществе; самые выдающиеся промышленники возьмут на себя бесплатно управление государственными финансами; они будут издавать законы, они будут определять положение, которое должны занимать другие классы по отношению друг к другу; они уделят каждому из них долю внимания, соответственную услугам, оказанным ими промышленности. Таков будет неизбежный конечный результат настоящей революции; когда этот результат будет достигнут, общественное спокойствие будет вполне обеспечено, благосостояние государства начнет развиваться с той быстротой, какая только возможна, и общество будет обладать всем тем индивидуальным и общественным благополучием, на которое только может притязать человеческая природа. Вот наше мнение о будущем промышленников и о будущем общества; вот соображения, на которых основано это мнение:

1) Обзор истории общества доказал нам, что промышленный класс непрерывно приобретал все большее влияние, в то время как другие классы все время теряли его; мы должны заключить отсюда, что промышленный класс, в конце-концов, станет самым влиятельным из всех.

2) Простой здравый смысл диктует всем следующее соображение: люди постоянно трудились над улучшением своей участи; конечной целью, к которой они всегда стремились, было установление такого социального строя, в котором класс, занимающийся самым полезным трудом, является самым уважаемым; общество по необходимости должно, в конце-концов, достигнуть этой цели.

3) Труд — источник всех добродетелей; самый полезный труд должен быть самым уважаемым; следовательно и божественная, и человеческая мораль одинаково призывают промышленный класс к тому, чтобы он играл первую роль в обществе.

4) Общество состоит из индивидуумов; развитие общественного интеллекта не может быть иным, чем развитие индивидуального интеллекта — лишь в более широком масштабе. Если мы проследим ход воспитания отдельного человека, то мы заметим, что в первоначальных школах управление детьми — самая важная часть деятельности. В школах высшей ступени работа по управлению детьми теряет в своей интенсивности, а обучение начинает играть все более важную роль. То же самое и с воспитанием общества: военная деятельность, т. е. феодальная деятельность, должна была быть наиболее сильной при его воз-

никновении: она должна была непрерывно уменьшаться, в то время как административная деятельность должна была все время приобретать все больше значения; в конце-концов, административная власть должна с необходимостью приобрести господство над властью военной.

Военные и легисты должны будут, в конце-концов, повиноваться приказам людей наиболее способных к администрации, потому что просвещенное общество нуждается только в администрации, потому что в просвещенном обществе сила законов и военная сила, заставляющая повиноваться законам, должны употребляться только против тех, кто хочет нарушить порядок администрации. Планы, по которым происходит деятельность общественных сил, должны составляться людьми, наиболее способными к администрации. Но самые влиятельные промышленники доказали, что они способнее всего к администрации, так как благодаря этой способности они и приобрели влияние; в конце-концов, на них будет неизбежно возложено руководство интересами общества.

В о п р о с. Мы находим ваше доказательство удовлетворительным, мы принимаем ваше мнение о политическом будущем промышленников; теперь мы переходим к непосредственному рассмотрению великого вопроса, по отношению к которому все сказанное до сих пор является только предварительной подготовкой. После решения этого вопроса, который к тому же наиболее непосредственно интересует промышленников, у нас останутся лишь вопросы второстепенные.

Скажите нам, каким образом произойдет та коренная перемена, необходимость которой вы доказали; скажите нам, что должны делать промышленники для того, чтобы возвыситься до первенствующего положения в обществе; скажите нам, каким образом совершится тот переворот, который должен привести их к этому результату; скажите нам, каким образом будет проведен этот переворот; скажите нам, главное, кто будут те смелые люди, которые возьмутся за подобное предприятие?

О т в е т. Я дам на ваш вопрос самый ясный и положительный ответ; я—этот смелый смертный, я возьмусь за это предприятие: я собираюсь поднять промышленников на первую ступень уважения и власти.

Я скажу еще более; я скажу, что это предприятие начато самым фактом издания этой первой тетради катехизиса промышленников.

В о п р о с. Ваш ответ является весьма положительным в том смысле, что указывает на вас, как на того человека, который возьмется произвести перемену, долженствующую поставить промышленников во главе общества; но он положителен только в этом смысле; нам остается теперь рассмотреть, хорошо ли задуман план вашего предприятия, способны ли вы руководить столь обширным предприятием. Вам остается познакомить нас с вашими расчетами; указать путь, по которому вы думаете следовать; в особенности же указать, какими вы располагаете денежными средствами для покрытия издержек предприятия, ибо про-

мышленники не способны испытывать какого-либо интереса к предпринятию, финансовая сторона которого плохо задумана и плохо рассчитана. Впрочем, мы сознаемся, нам доставляет большое удовлетворение, что вы делаете из этого предприятия свое личное дело. Известно, что предприятия, которые являются общим делом, в конце-концов оказываются ничьим делом; известно, что личный интерес—единственный агент, который может приводить в движение общественный интерес. Трудность состоит в том, чтобы найти такое сочетание, при котором личный интерес совпадал бы с общественным. Мы полагаем, что не должны больше распространяться о принципиальном вопросе, так как мы здесь касаемся частного факта, вашего предприятия. Итак, мы вас просим ответить на вопросы, поставленные нами вначале.

О т в е т. Я начну с того, что представляюсь вам, потому что публика любит знать положительно, кто те люди, которые берут на себя смелость призывать ее внимание к своим мыслям. Вследствие этого я дам вам следующие объяснения как относительно моего политического поведения, так и относительно моих трудов.

1) В продолжение всей революции я играл лишь роль наблюдателя; я не занимал никакой общественной должности, не был даже нотаблем в деревне; я не связан ни с какой из политических партий, на которые делилась Франция с 1789 года. Одним словом, взгляды, защищаемые мною, носят на себе печать девственности.

2) Я приступил к этому предприятию не легкомысленно; я посвятил сорок пять лет на размышление и на его подготовку.

Результат моих размышлений и трудов был таков. Я увидел, что для перехода от режима, где промышленники подчинены руководству военных, легистов и рантье, к социальному строю, где руководство общими интересами будет в руках промышленников, необходимо выполнить одно условие: необходимо ясно представить себе план промышленного режима и познакомить с ним наиболее влиятельных промышленников; иными словами, необходимо показать наиболее влиятельным промышленникам, как должны они поступать, чтобы направить все полезные способности на службу промышленности и интересов производителей. Я увидел, наконец, что в предприятии, осуществление которого необходимо для общества и которое я решился выполнить, имеется только одна трудность: представить себе ясно промышленную систему. Эта трудность состоит в том, чтобы найти способ согласовать с промышленной системой систему наук, систему общественного воспитания, систему религии, систему изящных искусств и систему законов: она состоит в том, чтобы найти способ заставить самых способных ученых, богословов, легистов, военных и рантье содействовать учреждению социальной системы, наиболее выгодной для производства и наиболее удовлетворяющей производителей.

Я вам заявляю, наконец, что я справился с задачей преодоления трудности; я вам заявляю, что в этом катехизисе я укажу промышленникам ясно и достаточно обстоятельно, какие средства они должны употребить для того, чтобы заручиться содействием всех дарований, могущих быть полезными при установлении социальной организации, наиболее удовлетворяющей промышленников.

В о п р о с. Мы не согласны с тем, что единственная трудность на пути к успеху вашего предприятия та, которую вы, по вашим словам, преодолели; но мы согласны, что она—самая большая из всех, и мы вас просим указать положительно, чего вы уже достигли в этом отношении. Мы вас просим сказать, существует ли труд, касающийся этого вопроса, только в виде задуманного очерка, или же он изложен на бумаге.

О т в е т. К третьей тетради катехизиса мы приложим том о системе наук и системе воспитания.

Этот труд, основные положения которого мы набросали и выполнение которого мы поручили нашему ученику, Огюсту Конту, будет излагать систему промышленности *à priori*, мы же в настоящем катехизисе будем продолжать излагать ее *à posteriori*.

В о п р о с. Мы допускаем пока, что вы ясно представляете себе тот путь, которым должны следовать промышленники, чтобы возвыситься до первой ступени социального влияния. Но мы утверждаем, что после преодоления этого первого затруднения представляется второе.

Как вы убедите промышленников принять задуманный вами план?

О т в е т. Легко выразить то, что ясно понимаешь. Первых страниц этого катехизиса достаточно для доказательства того, что мы в состоянии после сорокапятилетних трудов изложить наши идеи ясным и понятным образом.

В о п р о с. После преодоления этих двух затруднений перед нами встанет третье, может быть еще более серьезное, чем два первых. Мы допускаем, что вы хорошо задумали, т. е. хорошо изобрели промышленную систему; мы допускаем, что вы ее ясно изложили; мы допускаем, наконец, что промышленники хорошо усвоили ее; но, допустивши все это, мы вас спрашиваем, какими средствами сумеют промышленники ее установить.

О т в е т. Для постройки собора Св. Петра в Риме потребовалось огромное количество камней и много времени. Но после того, как было выполнено много разных работ, наступил, наконец, такой момент, когда установка одного единственного камня закрепила купол и завершила здание.

С пятнадцатого века феодальная система постепенно разрушалась, промышленная система постепенно организовалась. Соответствующего поведения руководителей промышленности, крепко сплоченных между собою, будет достаточно для того, чтобы установить промышленную сис-

тему и заставить общество покинуть развалины феодального здания, где обитали наши предки.

В о п р о с. Выразите вашу идею более точно и развейте ее подробное.

О т в е т. Настоящий момент не подходит для обсуждения этого вопроса, мы должны будем развить наши идеи о средствах выполнения лишь после того, как закончим изложение нашей системы и ответим на представленные нам возражения. Но чтобы удовлетворить ваше желание в форме краткого предварительного очерка, поскольку это сейчас возможно, мы вам скажем следующее. Политические интересы Европы обсуждаются во Франции, а социальные интересы французов обсуждаются в Париже. Так как среди парижского населения промышленный класс является более многочисленным и влиятельным, чем все остальные классы вместе взятые, то парижские промышленники могут организовать в политическую партию. Раз организуются парижские промышленники, организация всех французских, а затем и западно-европейских промышленников станет делом легким; организация же в политическую партию всех европейских промышленников поведет с необходимостью к учреждению в Европе промышленной системы и к уничтожению системы феодальной.

В о п р о с. Но правительство воспротивится организации парижского промышленного класса в политическую партию.

О т в е т. Вы ошибаетесь, и ваша ошибка происходит от того, что вы постоянно смешиваете либеральную партию с промышленной партией.

Либеральная партия всегда находилась и будет всегда находиться под руководством промежуточных классов. Но эти классы, порожденные феодальным классом, по самой своей природе связаны с феодализмом; поэтому они должны с необходимостью стремиться к реорганизации феодализма в своих интересах. Истинный девиз главарей этой партии таков: прочь отсюда, чтобы я стал на твое место; их видимая цель — уничтожение злоупотреблений, а настоящая цель — использование их в своих выгодах. Таким образом, правительство должно было и должно сейчас противодействовать всеми силами росту влияния либеральной партии.

Но правительство, наоборот, не должно, не захочет и не сможет помешать образованию промышленной партии, потому что она в своей сущности — партия мирная и моральная; она стремится действовать только посредством общественного мнения, а правительство не может помешать образованию общественного мнения.

Подведем итог. Промышленный класс составляет двадцать четыре двадцать пятых нации; таким образом, когда промышленники приобретут собственные политические взгляды, их мнение станет общественным мнением, а общественное мнение, согласно пословице, царствует над миром. Ему не может противостоять никакая сила; если спокойствие еще не вполне обеспечено, то это потому, что общественное мнение еще не выявилось.

В о п р о с . Вы должны представить ваш труд королю. Надо, чтобы королевская власть вызвала эту великую социальную перемену и руководила ею для того, чтобы она произошла мирным образом. Что вы думаете об этом?

О т в е т . Конечно, мы посылаем это сочинение г. председателю совета министров с просьбой представить его Его Величеству, но не надо воображать, будто король может непосредственно осуществить эту перемену. Требуется, чтобы перемена была подготовлена писателями для того, чтобы ее можно было проводить в жизнь. Королевская власть гораздо более ограничена, чем вообще полагают; она ограничивается великим мировым строем. Повелитель неизбежно потерпит крушение в своем начинании, если он захочет улучшить социальную организацию своих народов в такой мере, которой не допускает еще состояние их просвещения и цивилизации. В настоящее время пример этой важной истины мы видели в несчастьях Австрии при Иосифе II, задумавшем продавать имущества духовенства и уменьшать привилегии знати.

Необходимо, чтобы распространилась промышленная доктрина; необходимо, чтобы наиболее влиятельные промышленники приобрели вполне ясное представление о том, как следует применить для наибольшего процветания промышленности труд ученых, артистов, легистов, военных и рантье. И только тогда король сможет употребить с пользой свой авторитет для того, чтобы поставить промышленников на первую ступень общественной лестницы.

Вглядитесь, каков сейчас уровень сознания промышленников, и вы увидите, что они не чувствуют превосходства своего класса; они почти все желают выйти из него, чтобы перейти в класс дворян. Одни добиваются баронского патента, другие, и таких больше, спешат предложить приобретенное ими в промышленности состояние потомкам франков на условии, чтобы сообразовали взять в жены их дочерей. Они далеки от того, чтобы поддерживать друг друга, они завидуют друг другу и стремятся вредить друг другу в глазах властей. Банкиры всех стран спешат предлагать всем правительствам кредит промышленности, не останавливаясь в своих финансовых операциях перед той мыслью, что они соединяются с обломками феодализма и увеличивают срок того подчиненного положения, в котором до сих пор промышленный класс находится у других классов ¹⁾.

1) Пройдите по залам Шоссе-д'Антен, и вы увидите, что они заполнены людьми фраз и незначительными рантье. У либеральных банкиров вы найдете большое число отставных чиновников, стремящихся достигнуть опять власти и запустить руку в государственную казну. У тех же, которые с охотой учитывают политическое будущее дворян, вы найдете чиновников, которые сейчас наживаются на служебных злоупотреблениях. Но у тех, как и у других вы найдете лишь очень небольшое количество членов промышленного сословия. И вы заметите, что они почти всегда помещаются у нижнего конца стола.

В о п р о с. По крайней мере вы согласны с тем, что вам требуется много времени для успеха вашего предприятия, т. е. для того чтобы воспитать промышленников и научить их вести себя соответственно своим интересам?

О т в е т. Потребуется гораздо меньше времени, чем вы воображаете; люди понимают очень быстро то, к познанию чего имеют большой и положительный интерес. Политическое воспитание промышленников потребует гораздо меньше времени, чем вы думаете; оно произойдет тем скорее, что опубликование промышленной системы побудит самых способных людей во всех отраслях деятельности трудиться в этом направлении. Так приятно плыть по течению, так необычно желание возвращаться вспять в цивилизации, что прочное усвоение идеи о неизбежном торжестве промышленной системы заставит способных людей во всех отраслях отказаться от того содействия, какое они оказывают политическому существованию о б л о м к о в ф е о д а л и з м а. Самые способные люди науки, богословия, изящных искусств, законоведы, военные и рантье не замедлят примкнуть к нашему предприятию; и когда способное меньшинство в этих различных отраслях станет трудиться над образованием промышленной системы, под административным руководством наиболее влиятельных промышленников, промышленная система быстро организуется и быстро будет приведена в действие.

В о п р о с. Перейдем к финансовой стороне вашего предприятия; скажите нам, каким образом вы достанете средства, необходимые для выполнения такого большого дела?

О т в е т. Изложение нашего финансового плана было бы в данный момент преждевременным; для того, чтобы его представить, мы должны выждать, чтобы наш катехизис привлек внимание наиболее влиятельных промышленников. Пока мы вам скажем лишь то, что в результате этой комбинации на бирже будут учитывать политическое будущее промышленников так же, как теперь учитывают феодальное будущее Австрии и конституционное будущее Англии и Франции.

Промышленники будут составлять политическую партию с того дня, когда банкиры сделают свои дома местом приятных встреч промышленников с улицы Сен-Дени, с улицы Веррери, с улицы Бурдоннэ и т. д. и фабрикантов предместий; с этого дня они начнут оказывать действительное влияние на управление государственными делами. Европа—во Франции, а Франция—в Париже. Меньше чем через год парижские банкиры смогут играть самую важную политическую роль в Европе, если они сумеют столкнуться, если они сумеют употребить должным образом имеющиеся у них средства; до сих пор эти средства тратятся самым жалким образом; мы могли бы даже сказать, что они расходуются в направлении, прямо противоположном политическим интересам промышленного класса.

Когда дела партии идут плохо, то виноваты всегда ее главари.

В о п р о с. Вам остается сказать нам о той линии политического поведения, которой должна держаться масса промышленников в течение времени, потребного для выполнения вашего великого предприятия.

О т в е т. Промышленники, которые получают этот катехизис, должны читать его самым внимательным образом, они должны сообщать его содержание своим друзьям, промышленникам, должны беседовать о нем с ними, обсуждать идеи и в особенности факты, изложенные в нем, и усвоивать возможно лучше доктрину, исповедуемую им.

В о п р о с. Допустим, что сказанное вами осуществится; ведь тогда промышленники станут совершенно пассивными в области политики на все то время, которого потребует распространение вашей доктрины; но это чудовищно и нелепо; поэтому необходимо, чтобы вы сказали, какую из существующих политических партий должны поддерживать промышленники в ожидании того момента, когда опубликование вашей доктрины даст им средства образовать политическую партию промышленников, партию чисто промышленную, резко отличающуюся от всех других партий, существовавших до сих пор.

Говоря кратко, мы вас спрашиваем, какой существующей политической партии должны оказать свою поддержку промышленники?

О т в е т. Промышленники должны оказать свою поддержку левому центру и правому центру, рассматривая их, как одну партию, на том основании, что производители должны больше всего бояться актов насилия и государственных переворотов; они могут достигнуть своих целей лишь лояльными (законными) и мирными средствами. Но члены правого и левого центра выказали себя наиболее мирными из всех депутатов. Самые честолюбивые депутаты, меньше всего питающие отвращение к насильственным средствам и государственным переворотам, занимают крайнюю левую и крайнюю правую.

В о п р о с. Резюмируйте теперь в немногих словах все вопросы, обсуждавшиеся нами с начала этой беседы.

О т в е т. Вот обозрение или, если вам это больше нравится, общее резюме нашей беседы. За этим резюме последует заключение; таким образом, мы дадим вам больше, чем вы просите.

Очевидно, что промышленный режим есть режим, который может доставить людям наибольшую сумму общей и индивидуальной свободы, обеспечивая обществу наибольшее спокойствие, каким только оно может пользоваться.

Равным образом очевидно, что этот режим даст морали наибольшую власть над людьми в пределах достижимого, так как он доставит обществу вообще и его членам в частности наибольшее количество положительных наслаждений.

Очевидно также, что общество не может быть переведено из феодального режима в промышленный режим рутинными способами, потому что оба режима коренным образом отличаются друг от друга и даже противоположны друг другу. Первый стремится установить между людей

ми возможно большее неравенство, разделяя их на два класса, управляющих и управляемых; право повелевать наследственно, обязанность повиноваться тоже передается от родителей к детям. 1).

Промышленная система основана на принципе совершенного равенства; она враждебна установлению всяких прав, основанных на рождении, и всякого рода привилегий. 2).

Итак, промышленный режим не может быть введен ни случайно, ни при помощи рутинных способов; очевидно, требовалось задумать его à priori, изобрести, как единое целое, прежде чем пустить его в действие.

Очевидно, наконец,—и факт составления настоящего катехизиса это доказывает,—что человеческий ум возвысился до концепции, охватывающей промышленный режим в его целом. Из этих очевидных фактов мы выводим то заключение, что божественная и человеческая мораль призывает людей, наиболее отличающихся своими способностями в разного рода областях, соединить свои усилия, чтобы завершить организацию промышленной системы, что она призывает таких людей содействовать тому, чтобы общество в целом эту систему осуществило. Мы выводим еще и то заключение, что промышленники должны добровольно оплатить все расходы по переходу от феодальной системы, видоизмененной в конституционный режим, к системе чисто промышленной, так как промышленный класс производит все богатство и в то же время наиболее заинтересован в установлении промышленного режима.

Вопрос. То, что вы нам говорите, очень интересно и увлекательно. Ряд наблюдений, представленных вами, очень ясен и твердо установлен; следствия, выводимые вами, вытекают из этих фактов вполне естественно. Одним словом, мы испытываем сильнейшее искушение принять вашу систему, и мы бы, конечно, приняли ее, если бы вы были способны ответить нам на четыре возражения.

Вот первое из этих возражений или, лучше сказать, первый пункт, который мы просим разъяснить нам: может ли осуществиться без ущерба для института королевской власти предлагаемая вами перемена социальной организации?

Ответ. Институт королевской власти имеет всеобщий характер, отличающий его от всех других учреждений и ставящий его выше их. Его существование не связано с современной политической системой, оно не связано ни с какой политической системой вообще. Этот институт будет подходить одинаково ко всем системам социальной организации, необходимость установления которых сможет вызвать прогресс цивилизации.

Пусть король Франции объявит или, лучше сказать, признает, что промышленники составляют первый класс среди его подданных; пусть он поручит наиболее влиятельным промышленникам управление своими

1) Эта система оказала большие услуги во времена невежества.

2) Это—единственный режим, соответствующий современному состоянию просвещения и цивилизации.

финансами; от этого его авторитет, как короля Франции и французов не станет ни больше ни меньше, чем сейчас; королевская власть независима от классификации подданных. Громадное большинство нации будет неизбежно гораздо более привязано к королю, так как оно будет находиться в более счастливых условиях: уменьшение налогов и их лучшее употребление будет непосредственным результатом того факта что наиболее влиятельным промышленникам будет поручено управление государственным достоянием.

Таким образом, предлагаемая нами перемена отнюдь не враждебна королевской власти, легитимности и даже божественному праву; наоборот, она непосредственно стремится доставить королю большее спокойствие и, следовательно, возможно большее положительное благополучие.

Что король принимает титул первого француза первого класса французов, это—в природе вещей; так, Его Величество должен был называться первым дворянином, первым солдатом своего королевства, поскольку направление деятельности нации было главным образом военным; и теперь, когда нация проявляет себя главным образом в промышленном направлении, когда она стремится увеличить свое благоденствие преимущественно мирными трудами, единственный титул, который подходит к королю, это титул первого промышленника своего королевства.

К сказанному нами мы прибавим одно очень важное замечание: королевская власть, являющаяся органом общественного мнения, власть, наиболее почетной социальной функцией которой является об'явление мнения большинства, не могла еще об'явить, что промышленный класс является первым классом нации, так как до сих пор промышленники не проявили еще чувства своего превосходства; они не выразили еще того мнения, что самые влиятельные среди них из всех французов наиболее способны хорошо руководить финансами. Если бы король проявил инициативу в этом отношении, то против него могли бы объединиться все группы, оснарывающие друг у друга руководство финансами, для того, чтобы эксплуатировать нацию к своей выгоде, при чем он не мог бы противопоставить им никакой силы, не имел бы никакой возможности сопротивляться им.

После данного нами об'яснения вы вполне убедились, как мы надеемся, что наша система совсем не нападает на королевскую власть и даже не порицает того поведения, которого король держался до сих пор.

Истина в том, что судьба промышленников со времени установления системы кредита была всегда,—остается еще и теперь,—в их собственных руках; в тот день, когда промышленный класс выразит желание, чтобы руководство государственным достоянием было поручено наиболее влиятельным его членам, королевская власть, как орган общественного мнения, поспешит об'явить, что таково желание большинства, и что меньшинство должно ему подчиниться.

Вопрос. Вот наше второе возражение.

До того, как король даровал нации хартию, ему было возможно поручить промышленникам управление государственным достоянием в предпочтении перед лицами других классов общества, но теперь, когда вотирование налогов регулируется хартией, королю надо бы отменить главные постановления хартии для того, чтобы поручить промышленникам заботу о составлении бюджета. Что вы можете ответить на это?

О т в е т. Король предоставил палатам право обсуждения финансовых законов и вотирования займов, но он оставил за собою право инициативы в отношении представления финансового закона. Его Величество может предложить, кому хочет, выработать проект бюджета; одним словом, король волен поручить наиболее влиятельным промышленникам высшее руководство государственным достоянием даже теперь, когда он даровал хартию; он может провести легально, т. е. не противореча какой-либо статье этой хартии, путем простого ордонанса следующие меры:

Король может учредить высшую финансовую комиссию, составив ее из наиболее влиятельных промышленников. Он может поставить эту комиссию выше своего совета министров. Он может собирать эту комиссию каждый год, поручать ей составление проекта бюджета, доверив ей одновременно наблюдение за тем, расходуют ли министры вверенные им суммы соответственно бюджету прошлого года и не переступили ли они его пределов.

Если Его Величество король сделает это, то он фактически облечет промышленный класс высшим управлением государственным достоянием, он тем самым произведет великую реформу, радикальную перемену в социальной организации, вызванную с необходимостью прогрессом цивилизации; феодальная система будет совершенно уничтожена, а промышленная система вполне установлена; промышленники займут первое место, по уважению и власти, в то время как дворяне, военные, легисты, рантье и государственные чиновники будут играть лишь второстепенную роль и будут занимать лишь подчиненные должности.

В о п р о с. Верно, что король может поручать наиболее влиятельным промышленникам заботу о составлении проекта бюджета, но мы не усматриваем необходимости тех следствий, которые по вашему мнению вытекают из подобного мероприятия.

Подумайте в самом деле, что наибольшая часть палаты депутатов состоит из дворян, военных, легистов, рантье, государственных чиновников, одним словом, из людей, заинтересованных в том, чтобы промышленность выплачивала побольше, потому что крупная часть денег, выплачиваемых промышленниками, поступает в их карманы под титулами жалований, наград, вознаграждений и т. д.

Подумайте, что большая часть палаты пэров состоит из пенсионеров государственного казначейства, вследствие этого заинтересованных в возрастании налогов; это возрастание открывает им перспективу увеличения их окладов, которые кажутся им очень скудными.

Подумайте, наконец, что палаты будут почти единодушно настроены против проекта бюджета, составленного промышленниками, так как этот проект будет иметь непосредственной целью установить в управлении государственным достоянием порядок, экономию и хорошее употребление податей, уплачиваемых нацией; ведь большая часть этих податей уплачивается промышленным классом. Нам кажется несомненным, что палаты встретят противодействием и даже сведут на нет благодетельные и отеческие намерения короля относительно нации. Что вы можете на это ответить? Скажите нам: знаете ли вы средство заставить палаты принять проект бюджета, составленный промышленниками, не прибегая к государственному перевороту, т. е. к нарушению хартии?

Ответ. Дворяне, военные, легисты и рантье не осмелятся бороться против короля, соединенного с промышленниками, ибо король вместе с промышленниками составляет силу в сто или, может быть, в тысячу раз более значительную, чем все остальные классы общества вместе взятые; члены палат не имеют другой положительной силы, кроме поддержки, оказываемой им разными классами общества. Проект бюджета, составленный самими влиятельными промышленниками, будет принят палатами без помех; коренная перемена социальной организации будет произведена без всякого нарушения хартии, дарованной королем нации. Впрочем, вы можете быть спокойны насчет того, как будут обращаться с теперешними государственными чиновниками, дворянами и буржуа разных классов промышленники, занятые составлением проекта бюджета. Промышленники питают отвращение ко всяким внезапным переменам. Они, по своей природе и политическим привычкам, проводят реформы только последовательно и очень медленно; но они настойчивы и, раз взявшись за выполнение плана реформы, задуманного ими, они будут работать без устали до того момента, пока не установят наиболее экономного управления государственным достоянием.

Резюмируя наши ответы на ваши два первых возражения, мы скажем, что наши идеи не враждебны ни партии, ни королевской власти, ни законности, ни божественному праву.

В о п р о с. Мы вам предлагаем закончить здесь нашу первую беседу. Несколько мотивов побуждают нас сделать это предложение. Прежде всего мы вам заметим, что промышленники имеют мало времени для чтения, так как они очень заняты своими личными делами, а затем, имейте в виду, что они еще мало привыкли обсуждать общие идеи. Эти два мотива побуждают нас сделать наши диалоги возможно более короткими; к этим двум мотивам присоединяется третий, состоящий в том, что наши два возражения, которые нам еще остается сделать, имеют другую природу, чем два первых. Мы рассматривали в наших беседах до сих пор Францию, как изолированное государство, в то время, как ее соседи оказывают на нее большое влияние. Мы должны рассмотреть, например, ее отношения к Англии, к священному союзу, а это состав-

ляет вопрос, который надо обсудить отдельно. Что вы думаете о нашем предложении?

О т в е т. Оно нам кажется хорошо мотивированным, и мы его принимаем. Мы на этом кончаем нашу первую беседу; это нам подходит еще и в другом отношении: если начало нашего труда, не заинтересует промышленников, было бы бесполезно продолжать его.

Вторая тетрадь.

(Март 1824).

В о п р о с. Перейдем к третьему возражению: оно состоит в том, что французская нация должна отдать предпочтение английской политической системе перед той, которую предлагаете вы.

Мы вас спрашиваем сначала, признаете ли вы, что опыт является лучшим путеводителем как для наций, так и для отдельных личностей?

О т в е т. Да, мы признаем это без всякого сомнения, без всяких ограничений.

В о п р о с. Раз только вы признаете этот принцип, нам нетрудно будет заставить вас согласиться, что ваша система ничего не стоит, так как она находится в противоречии с этим принципом. Мы сначала обоснуем наш взгляд, вы его затем опровергнете, если сумеете.

Английский народ самый богатый и могущественный; он имеет наибольшее влияние на человечество, хотя его метрополия занимает далеко не первое место ни по размерам территории, ни по народонаселению. В Англии самый многочисленный класс находится в наилучших условиях в смысле пищи, одежды и жилища; в Англии богатые люди могут повсюду достать наибольшее количество предметов комфорта; английский народ, наконец, обладает почти всеми преимуществами, составляющими предмет честолюбия других наций.

Чему главным образом обязаны англичане теми выгодами, которыми они пользуются? Нет сомнения, что своей форме правления, т. е. превосходству своей системы социальной организации над всеми другими политическими системами, бывшими до сих пор в употреблении у других народов.

Сравним теперь политический принцип, служащий основанием английской конституции, с принципом, положенным вами в основу вашей системы, и вы увидите, что между этими двумя построениями существует коренное различие.

Вы говорите: наиболее влиятельные промышленники должны управлять государственным достоянием потому, что промышленный класс из всех классов самый способный к администрации. Англичане говорят: те, кто управляет государственным достоянием, должны себе ставить главной целью покровительствовать возможно больше промышленному классу, потому что промышленная деятельность—настоящий источник государственного процветания. Но промышленники не должны быть обременены делом государственного управления, так как они не обладают

для этого достаточными познаниями и административные заботы отвлекли бы их от промышленной деятельности.

И на самом деле, в Англии в Верхней Палате сидят светские пэры, епископы и судьи; адвокаты, рантье и военные сидят в Нижней Палате, и их голос имеет преобладающую роль в управлении государственным достоянием, так как первая палата состоит исключительно из перечисленных групп, а в палате общин и в тайном совете они составляют крупное большинство.

Из сказанного мы заключаем, что ваша система находится в противоречии с английской конституцией и, следовательно, ничего не стоит, так как опыт доказал, что английская конституция самая лучшая. Что вы можете на это ответить?

О т в е т. Наш ответ, точно так же, как и ваш вопрос, будет основан на наблюдениях, т. е. на опыте.

Мы вам скажем: ряд наблюдений над прогрессивным развитием цивилизации современного французского общества от его возникновения до сего дня, представленный нами в первой тетради, доказал, что промышленный класс непрерывно приобретал все большее влияние, а другие классы все больше теряли его. Из этого четырнадцати-векового опыта мы выводим то заключение, что промышленный класс должен, в конце концов, занять первое место, что промышленники в конечном результате прогресса цивилизации должны получить высшее влияние и высшую власть, что должна наконец наступить эпоха, когда наиболее влиятельным промышленникам будет поручено управление государственным достоянием и т. д.

Согласно этому выводу, строго доказанному опытом, мы рассуждаем дальше и говорим: французская революция началась больше, чем на сто лет позже английской, ее результаты должны быть гораздо более благоприятны промышленному классу и, следовательно, неблагоприятны дворянству и буржуазии. Мы говорим: английская революция заставила дворян, легистов, военных, рантье и государственных чиновников управлять государством в интересах промышленности; французская революция завершится тем, что уничтожит дворянское звание и подчинит легистов, военных, рантье и государственных чиновников приказам промышленников.

Мы оба рассуждаем согласно с опытом; таким образом, мы поступаем в соответствии с принципом, выставленным вами и принятым нами. Но между нашими взглядами существует, во-первых, то различие, что ваш взгляд основан на частичном опыте, на том, что произошло в Европе после английской революции, тогда как наш взгляд основан на громадном количестве наблюдений над историей современных народов. Во-вторых, между нашими взглядами существует то различие, что вы рассматриваете английскую революцию, как высший предел прогресса цивилизации в политическом отношении, мы же не считаем английскую революцию и социальную организацию, созданную ею, высшим звеном в цепи улучшений, к которым способен социальный режим европейских народов.

На основании представленных вам доводов, мы утверждаем, что наша система хороша и считаем ваши рассуждения неправильными. Что вы еще можете сказать об этом? Есть ли у вас еще возможность поддерживать ваше третье возражение?

В о п р о с. Да, конечно, мы имеем возможность поддерживать наше возражение и мы уверены, что выйдем победителями из этого спора. Не будем вовсе привязываться к словам и обращать главное внимание на форму, займемся рассмотрением вопроса по существу.

Вы утверждаете, что наиболее влиятельные промышленники способнее всех других членов общества хорошо управлять государственным достоянием. Вы утверждаете, что если бы наиболее влиятельным промышленникам было поручено управлять государственным достоянием, то общество наслаждалось бы всеми выгодами, на которые оно может притязать; управление обходилось бы возможно дешево, гнет управления был бы самый слабый, обществом управляли бы таким способом, который более всего может обеспечить общественное спокойствие, и такие люди, которые способнее всего хорошо управлять его делами. Мы принимаем ваше предложение, ваш принцип, вашу систему или какое другое название вам угодно будет дать вашему детищу, и мы вам говорим: ваша система принята в Англии, англичане провели ее в жизнь. Таким образом, вы должны полагать, что французская нация сделает лучше всего, если примет английскую конституцию, что французы должны постараться натурализовать ее у себя. В немногих словах я вам докажу справедливость этого утверждения, т. е. того, что промышленная система принята в Англии.

Лорды управляют в Англии государственным достоянием, ибо они господствуют над королевской властью и владеют над палатой общин. Но все лорды заинтересованы в фабричных и коммерческих предприятиях более или менее значительными суммами, вложенными в них. Следовательно, лорды являются промышленниками, и промышленная система установлена в Англии.

О т в е т. Английское правление не промышленное, а феодальное, измененное, насколько это было возможно, в промышленном направлении. В Англии установлен переходный режим, который прокладывает путь и доставляет средства французской нации и остальному европейскому обществу для перехода от феодальной системы к промышленной, от правительственной системы к административной.

Вот каким образом надо рассматривать вещи; если рассматривать их иначе, разум не удовлетворяется, а здравый смысл возмущается. В продолжение многих лет английская конституция рассматривается во Франции, как образцовое произведение, и о ней говорят, как о самом совершенном продукте человеческого разума в политическом отношении. Это доказывает, что наука политики находится еще в детском состоянии; это доказывает, что государствоведы еще подчинены рутине; это доказывает, что они еще не возвысились до общего понимания хода

цивилизации, и это не доказывает ничего другого. На самом деле в Англии вовсе нет еще конституции; установленный там строй не обладает ни прочностью, ни устойчивостью и неспособен приобрести их. В английской социальной организации действуют в одно и то же время феодальный и промышленный принцип. Но так как эти два принципа имеют различную и даже противоположную друг другу природу, так как они одновременно направляют нацию к двум, весьма далеким одна от другой целям, то отсюда вытекает, как неизбежное следствие, что английский народ находится в беспокойном состоянии. Политическое положение Англии есть состояние болезни, кризиса, или, говоря правильнее, режим, под которым она живет,—переходный режим, а конституция ее, если вы обязательно настаиваете, что в Англии она существует, является убогодочной.

В о п р о с. Болезнь, поражающая, по вашим словам, английский народ, представляет совершенно новый патологический случай и нуждается в вашем объяснении. Это—чрезвычайно странная болезнь; во-первых, по своей продолжительности, так как она началась уже больше полутора веков тому назад и не закончилась еще до сих пор. Затем еще более удивительно то, что общественное благополучие английского народа началось одновременно с этой политической болезнью и преимуществами, которых английский народ получал над другими народами, возрастали по мере развития этой воображаемой болезни.

Говоря откровенно, господа наставники, вы сами нуждаетесь в наставлениях. Вы хотите давать нам уроки в политике, в то время как вы сами должны брать их; вы хотите воспитывать нас, не потрудившись воспитать себя самих. Вы утверждаете, что Англия не имеет конституции, что социальная организация этой страны убогодочна, что этот строй, который установился у англичан в силу рутины и который поддерживается лишь благодаря привычкам, приобретенным ими впоследствии; строй, в котором нельзя отдать себе ясного и удовлетворительного отчета; строй, который не может быть установлен у другой нации; строй, наконец, который не может стать типом реорганизации европейского общества.

Мы ответим на это: вы не читали сочинений ни Монтескье, ни Блекстона; вы не знакомы с сочинением де-Лольма; вы не изучали прекрасных дебатов, имевших неоднократно место в английском парламенте, по поводу равновесия властей.

Читайте «Дух законов», и вы увидите, что люди изобрели только три формы правления, а именно: деспотическую, аристократическую и демократическую; размышляя об этом, вы признаете, что эти три формы—единственные, которые могут быть придуманы, и вы найдете, наконец, в большом числе сочинений английских и французских государствоведов доказательство того, что эти три формы правления удивительно искусно сочетаются в английской конституции, в результате чего получается лучшее правление, какое только может существовать.

Теперь, когда мы разбили и уничтожили вашу систему, мы вам скажем, что ваша единственная ошибка состоит в том, что вы преувеличили важность ваших идей. Все материалы, употребленные вами для постройки вашей системы, хороши; но мы критикуем только употребление этих материалов, общую концепцию, объединяющую ваши идеи. Конечно, все дарования должны трудиться над развитием промышленности; конечно, правительства должны покровительствовать промышленности, потому что она источник всех богатств; конечно, богословы должны поощрять промышленность, потому что полезная деятельность—источник всех добродетелей, точно так же, как праздность—мать всех пороков; конечно, законодатели должны издавать законы, благоприятствующие производству, потому что среди наиболее трудолюбивых наций легче всего поддержать общественное спокойствие; но вы не должны заключать отсюда, что промышленное дарование должно направлять все другие дарования. Одним словом, англичане во-истину нашли и закрепили то положение, на котором следует остановиться. В ваших трудах вы забыли достаточно старинную поговорку, очень подходящую к настоящему случаю: лучшее часто бывает врагом хорошего.

О т в е т. Не хвастайте победой раньше, чем вы одержали ее. Мы еще не дошли до конца нашего спора, мы только теперь серьезно приступаем к нему. Мы вам бесконечно благодарны за снисходительность, которую вы оказали нам после ваших резких нападок на нашу систему, но мы совершенно не нуждаемся в ней, мы чувствуем себя в состоянии отразить все удары, какие вы направили против нас.

Сначала мы ответим на ваши шуточки по поводу политической болезни, поражающей, по нашим словам, английскую нацию, потому что замечания, высказанные вами на этот счет, мы можем рассматривать только, как шуточные. Что касается нас, то мы совсем не намерены обсуждать в шутливом тоне самый современный и важный вопрос, какой только может занимать теперь человеческий ум. И мы вам говорим: идея политической болезни играет только добавочную и очень второстепенную роль в представленной нами картине политического положения английской нации. Главная идея, на которую вы должны были по преимуществу обратить ваше внимание, это—идея критического состояния, в котором находится цивилизация в Англии со времени революции, происшедшей в ней в конце семнадцатого века. Мы разовьем вам эту идею подробнее, так как для того, чтобы вы поняли ее, было недостаточно просто ее высказать.

По своей организации, человеческий род предназначен жить в обществе. Сначала он живет под правительственным режимом. После того, как он сделает достаточные успехи в положительных науках и в промышленности, он предназначен перейти от правительственного или военного режима к административному или промышленному режиму.

Благодаря особенностям своей организации, он должен, наконец, испытать долгий и бурный кризис при переходе от военной системы к мирной.

Вот наиболее общие соображения, до каких может подняться человеческий разум, рассматривая ход цивилизации.

Теперь мы применим эти общие наблюдения над ходом цивилизации к тем обстоятельствам, в каких находятся англичане. Но для того, чтобы это применение было точным и легко понятным, мы сначала рассмотрим современное социальное положение английской нации с точки зрения ее внутренней и внешней политики.

При рассмотрении внутренней политики Англии с достаточно общей точки зрения, позволяющей охватить одним взглядом весь ее строй, поражает с самого начала существование удивительного феномена, состоящего в том, что в основу социальной организации Англии положены два основных принципа, находящиеся между собой в соперничестве; эти два принципа имеют различную и даже противоположную природу, из чего должно было вытекать, и вытекает на самом деле то, что англичане одновременно подчинены двум совершенно различным социальным организациям, имеют во всех направлениях двойные учреждения, или, вернее, во всех направлениях они создали к учреждениям, действовавшим у них до революции и сохранным большей частью и после нее,—свои контр-учреждения.

Таким образом, мы замечаем у них наряду с насильственным набором матросов существование закона *habeas corpus*; мы видим, что пастух одновременно ведет на рынок для продажи, с веревкой на шее, свою жену и овцу. Он продает свою жену за шиллинг, не подвергаясь никакому наказанию за унижение ее, за обращение с нею как с животным, но он подвергается штрафу в пять фунтов стерлингов за жестокое обращение со своей овцой. Богатый, многолюдный и промышленный Манчестер не имеет представителя в парламенте, в то время как лорд, владеющий участком, на котором когда-то находились совершенно покинутые теперь города, назначает сам девять депутатов, при помощи которых он поддерживает свои феодальные интересы, увеличивает до возможных пределов свое политическое влияние и заставляет министерство дорого платить себе за счет нации. Мало было бы ста томов *in folio*, напечатанных самым мелким шрифтом, чтобы обрисовать все органические непоследовательности, существующие в Англии.

Если от обозрения внутренней политики Англии мы обратимся к ее внешней политике, то мы найдем здесь следствия тех же указанных выше пороков ее социальной организации. Мы увидим, что английское правительство с одной стороны объявляет свое верховенство над морями и, вследствие этого, присваивает себе право осмотра всех судов, а с другой стороны оно устанавливает равенство между белыми и черными, заставляя прекратить торговлю невольниками.

Мы видим, что английское правительство поддерживает в Европе правительственный режим, а в Америке покровительствует системе промышленной организации против правительственной.

Одним словом, английская нация находится в течение долгого времени в состоянии кризиса и во внутренней и во внешней политике.

Этот кризис, который переживают сейчас все народы европейского и американского континентов, является очевидно тем кризисом, который суждено пережить человеческому роду, благодаря особенностям своей организации, при переходе от правительственного режима к промышленной социальной системе.

Вот те наиболее общие соображения, какие мы могли бы представить в подкрепление нашего мнения, которое вы оспариваете с начала этого второго разговора. Теперь мы требуем от вас, чтобы вы признали нашу правоту или свою слепоту. Во имя здравого смысла мы требуем, чтобы вы признали правильность вышеприведенных фактов. Мы их перечислим еще раз для того, чтобы наше опровержение было более ясно.

1) Англия не имеет конституции, так как конституция—это такое приспособление социальной организации, при помощи которого все политические учреждения нации выводятся из одного принципа и направляют силы нации к одной цели; английские же социальные учреждения носят два различных характера и направляют национальные силы этого народа к двум противоположным целям.

2) Английская социальная организация, страдая коренным пороком, не должна быть представляема французской нации, как образец, которому она должна по мере сил подражать; революционное состояние будет по необходимости длиться во Франции до тех пор, пока управляющие и управляемые не составят себе более ясного представления о способах установления прочного и устойчивого строя.

3) Наконец, кризис, в который вовлечены Англия и Франция вслед за нею, неизбежно завершится полным уничтожением феодальной системы и установлением исключительно промышленной системы. Нации, считающиеся теперь самыми цивилизованными, выйдут на самом деле вполне из состояния варварства только тогда, когда направление общественных сил будет поручено самому трудолюбивому и миролюбивому классу, когда военный класс будет поставлен в совершенно подчиненное положение.

Вопрос. Не трудитесь столько над опровержением наших возражений, не в этом ваша главная задача; вы должны бороться с отцом науки. Докажите, что мнение Монтескье ошибочно; это—единственный возможный для вас способ убедить людей принять вашу систему.

Ответ. Науки беспрерывно прогрессируют. Теперь любой студент политехнической школы решает очень легко геометрические задачи, требовавшие громадных усилий гения Архимеда; каждый из этих учеников знает больше геометрических истин, чем этот чудесный гений.

Прошло более полувека со времени выхода «Духа законов». За это время произошло самое достопамятное из всех политических событий, какие когда-либо имели место,—французская революция. Таким образом, мы можем теперь рассуждать, опираясь на факты, которые были совершенно неизвестны Монтескье.

Монтескье был большой поклонник социального режима Англии, и он был в этом отношении вполне прав, потому что этот строй, без сомнения, гораздо выше всего того, что существовало до него. Но не

надо заключать отсюда, что Монтескье, — живи он сейчас, — не нашел бы способа значительно улучшить этот строй.

Англичане приняли, изобрели, как это мы неоднократно повторяли, политические учреждения, имеющие промышленный характер; они их поставили параллельно старым феодальным учреждениям, существовавшим у них, как их противоположность. Отсюда произошло то, что феодальное правление оказалось у них гораздо более ограничено, чем у других европейских наций.

Французская революция произошла спустя столетие после английской; она должна по необходимости усовершенствовать английскую конституцию; размышляя же над теми усовершенствованиями, к которым способна английская конституция, можно увидеть с первого взгляда, что промышленная сила, введенная в английскую конституцию, как начало, ограничивающее феодальную систему, должна стать во Франции руководящим началом.

Вопрос. Вы нам говорили, что английская нация находится в состоянии болезни и кризиса, начиная с революции, которую она испытала в конце семнадцатого века; мы вам заметили по поводу болезни, которая, по вашим словам, поразила английскую нацию, что она имеет чрезвычайно странный характер прежде всего по своей продолжительности, так как она продолжается более полутора столетия; но еще более странной она представляется в другом отношении, именно в том, что с началом болезни одновременно началось преуспеяние английского народа, которое все время не переставало развиваться со времени начала болезни.

Вы очень разгорячились по этому поводу и стали утверждать, что идея болезни имеет второстепенное значение, а главное значение имеет идея кризиса. Вы взялись нам доказать, что английская нация переживает кризис, тот кризис, который должен испытать и весь человеческий род, и отдельная нация при переходе из детства в зрелый возраст, когда нация и человеческий род пользуются всеми своими способностями; но вы не сказали ни единого слова о той болезни, которую она, по вашим словам, испытывает.

Мы вас просим ответить категорически на следующий вопрос: влетает ли, по вашему мнению, кризис болезнь, или болезнь отличается от кризиса? Одним словом, какой болезнью поражен английский народ?

Ответ. И нации, и виды, и отдельные личности переживают кризис, когда переходят из детства в зрелый возраст, в тот возраст, когда они пользуются всеми своими способностями; этот кризис бывает более или менее долгим, более или менее бурным, более или менее мучительным, в зависимости от тех специальных условий, в которых находятся переживающие его виды, нации и личности. Некоторые люди переживают его безболезненно, другие же испытывают бледную немочь.

Применяя эти общие истины к занимающему нас вопросу, мы скажем, отвечая категорически на ваш вопрос, который мы отнюдь не намеревались обойти:

«Человечество начало переживать кризис зрелости; признаки этого кризиса начали явно обнаруживаться у английской нации; благодаря ему английская нация поражена национальной болезнью, соответствующей бледной немочи у отдельных людей».

В о п р о с. Объясните нам, в чем состоит эта национальная болезнь?

О т в е т. Первый признак ее состоит в подкупности членов правительства, признанной, объявленной и возведенной ими и одобренной подданными. Вторым признаком, более общим, является в том, что нация хвастает своей страстью к деньгам и тем самым совершает основную ошибку, принимая средство за цель.

В о п р о с. Докажите нам, что у английской нации обнаруживаются эти два признака.

О т в е т. Один из наиболее замечательных английских министров объявил и признал в самом парламенте подкуп одним из самых важных элементов британской социальной организации. Вот анекдот действительно очень пикантный. Это случилось тогда, когда в Палате совсем не было оппозиционной партии. Министр взял слово и сказал: «Если вы не поспешите образовать оппозиционную партию, королевские сундуки наполнятся, и наша конституция будет в опасности, а наши свободы будут скомпрометированы».

Развивая эту мысль, мы найдем в первую очередь следующее:

Всякий хороший англичанин, всякий настоящий британец должен развить в себе парламентскую совесть, совершенно отличную и даже диаметрально противоположную своей обычной совести; избранный в Палату общин должен противоречить министерским проектам, если даже он убежден, что они полезны и пригодны для нации, должен упорствовать в своей оппозиции до тех пор, пока он не принудит министра дорого уплатить ему за перемену голоса. Но раз он продал свой голос и взгляды министру, то он должен поддерживать все представляемые последним проекты, если даже он признает их плохими, т.-е. противоречащими интересам нации. Существуют, впрочем, границы той преданности, которую должны выказывать члены парламента министру взамен за полученные от него милости; они никогда не должны соглашаться с таким биллем, который стремился бы избавить министра от необходимости покупать членов парламента для получения большинства в Палате.

Лорды, так же, как и члены Палаты общин, должны иметь парламентскую совесть, которая побуждает их продавать свои взгляды королю, но достоинству пара более соответствует получать плату властью, чем деньгами.

Очень важно заметить, что эти взгляды министра, развитые нами, совсем не произвели неприятного впечатления на членов парламента, не шокировали нацию, но, наоборот, доставили высказавшему их министру репутацию очень глубокого политика, репутацию, которой он пользуется в Англии до сих пор.

Если от поведения членов Верхней и Нижней Палаты мы перейдем к рассмотрению поведения избирателей при отправлении ими их избирательных функций, мы там найдем не меньше подкупности, чем в Палатах. Нередко бывает, что избрание кандидата обходится ему или его друзьям в сто, двести, триста, четыреста или даже пятьсот тысяч франков. Избрание Фокса стоило иногда даже больше.

Если мы, наконец, обратимся к личной нравственности, принятой в английском народе, мы найдем ее яркое выражение в следующем обороте, общеупотребительном во всей Англии. Когда англичанин говорит, что человек стоит столько-то, то это значит только то, что он обладает означенной суммой, и ничего больше. При общем суждении, выносимом англичанами о людях, принимается во внимание только их состояние; англичане игнорируют их остальные качества или способности.

Мы полагаем, что достаточно доказали тот факт, что английский народ болен болезнью, соответствующей бледной немочи у отдельных людей. Мы переходим к рассмотрению другого, не менее важного факта, который состоит в следующем:

Английский народ не сознает своей болезни и думает, наоборот, что он политически как нельзя более здоров; он заходит в этом заблуждении так далеко, что принимает симптомы болезни за признак здоровья. Поэтому-то мы видим, что англичане хвастают пороками своей социальной организации и выставляют их с уверенностью, как верх совершенства в политике. Та манера, с которой обделывают между собою дела нации правительственная и оппозиционная партии, при чем управляемым приходится платить двойные комиссионные, — возбуждает в них восхищение, тогда как она должна была бы быть для них предметом жалости и презрения.

Англия, восхищающаяся своей социальной организацией, находится абсолютно в таком же положении, в каком была бы молодая девушка, больная бледной немочью, которая была бы очарована своим желтым цветом кожи и стала бы уверять, что этот цвет больше всего идет девушке, что он составляет ее красоту и является лучшим признаком здоровья.

Вопрос. Сравнение не доказательство; отложим в сторону вашу идею о национальной бледной немочи и будем рассуждать непосредственно о рассматриваемых нами важных фактах.

Мы пока соглашаемся с вами, оставляя за собою право вернуться к этому вопросу позже под другим углом зрения. Мы согласны:

1) что англичане не имеют конституции и их современная социальная организация имеет за собою только ту заслугу, что она регулировала политический кризис, постигший страну;

2) что английская социальная организация является таким строем, благодаря которому увеличилось до крайних пределов взаимное трение колес политического механизма; отсюда вытекает, что значительно умень-

пились невыгодные стороны феодальных учреждений, сохранивших свое господствующее положение;

3) что восхищение англичан своей социальной организацией, которую они рассматривают, как верх совершенства, есть результат смешного заблуждения.

Согласившись со всеми этими положениями, мы вас просим сказать нам, какое значение могут иметь для французской нации политические ошибки английского народа.

О т в е т. Политические ошибки английского народа были бы безвредны для французской нации, если бы она взяла на себя труд смотреть на свои дела своими собственными глазами и судить о них согласно своей собственной политической способности; если бы она изучала свое прошлое, стремясь открыть те средства, какими она располагает для достижения желательной цели, продолжая тот путь, которым она следовала раньше; если бы, одним словом, она действительно составила себе свои собственные политические взгляды, а не считала бы, наоборот, англичан проводниками, к которым она должна обратиться в поисках средств для установления у себя социальной организации, соответствующей состоянию ее просвещения и цивилизации.

Обратим свое внимание прежде всего на тот путь, которым должны были следовать французы в своей политике, тогда нам легче будет оценить по ее настоящей стоимости ту политику, какую они усвоили.

В своих опытах по истории Англии и Франции Гизо ясно, точно и неопровержимо установил следующие факты:

1) что первоначальные учреждения французов и англичан были различны;

2) что эти учреждения изменялись в обеих странах не одинаковым образом и прогресс цивилизации имел в обеих странах совершенно различный характер;

3) что во Франции королевская власть приобретала все бóльшую силу, в то время как в Англии наиболее влиятельным учреждением явилось пэрство.

Из этих трех крупных фактов Гизо заключил, что французы для усовершенствования своей социальной организации не должны были пользоваться теми же средствами, не должны были поступать так же, как англичане.

Развивая дальше выводы этого превосходного государствоведа, мы скажем: во Франции должен быть усовершенствован институт королевской власти, в Англии же должен быть восстановлен институт пэрства. Во Франции королевская власть должна принять промышленный характер и совершенно отказаться от феодального характера; в Англии же раньше всякого другого учреждения пэрство должно освободиться от своего феодального характера и усвоить промышленный.

Рассматривая с этой единственно правильной точки зрения тот путь, по которому французы следуют со времени реставрации—эпохи,

когда закончились их революционные нелепости,—мы найдем, что он был и остается ложным, плохим; совершенно ошибочным путем следовали как правящие, так и подданные, ибо и те, и другие впадали в экстаз и восхищались английской социальной организацией; и те и другие руководятся принципом, принятым в политике в Англии.

В о п р о с. То, что вы говорите, нуждается в некоторых разъяснениях. Мы вас просим сначала доказать нам, что французская нация руководится в своей политике,—как вы утверждаете, английскими идеями.

О т в е т. Нам будет очень легко доставить вам доказательства, ибо следующий факт общеизвестен и он повторяется каждый день: французские политические партии борются между собою, пользуясь английской конституцией, как орудием; левая, правая, правый центр и левый центр подкрепляют свои политические взгляды примерами, взятыми из истории Англии; на них же опирается в своей аргументации министерство, доказывающее пользу семилетней сессии тем, что эта мера принята в Англии.

По этому поводу естественно приходит в голову, что увлечение французов английской социальной организацией должно быть очень велико, если они не замечают, что легкость, с которой все партии находят примеры в пользу своих взглядов в политической практике англичан после их революции, служит лишь лучшим доказательством того, что английская социальная организация есть соединение несвязанных между собою принципов и мероприятий. Таким образом, для французской нации есть нечто унижающее в том, что она рассматривает английскую социальную организацию, как пример, достойный подражания.

В о п р о с. Вернемся к предыдущему вопросу; он важен, он нов, ваш ответ на него льстит национальному самолюбию. Таким образом, он заслуживает со всех точек зрения более углубленного, возможно более внимательного рассмотрения. Новые идеи необходимо формулировать много раз и в различном виде, чтобы они были усвоены. Будьте добры изложить нам еще раз ваши взгляды, изменив только способ выражения ваших идей.

О т в е т. Мы удовлетворим ваше желание.

«Все народы на земле стремятся к одной цели; она состоит в том, чтобы перейти от правительственного, феодального режима к административному, промышленному и мирному режиму; иными словами, каждый из них стремится освободиться от учреждений, приносящих лишь косвенную пользу, и установить учреждения, служащие непосредственно общему благу и дающие всегда перевес интересам большинства над интересами частных лиц.

«Каждый народ шествует своим путем, открыл свой путь к достижению этой цели.

«Европейские народы приблизились к этой цели больше, чем другие народы на земле; ближе всего к ней французская и английская нация ¹⁾).

«Чтобы приблизиться к этой цели, французы усовершенствовали монархическую систему, в то время как англичане создали парламентскую систему; французский народ в основной массе стоит на стороне королевской власти, в то время как английский народ по существу стоит на стороне парламентского строя и относится с недоверием к королевской власти.

«Это различие происходит от того, что во Франции короли соединились с промышленниками против дворянства, в Англии же дворяне соединились с промышленниками против королевской власти.

В о п р о с. Дайте нам в немногих словах вполне ясное понятие о том, каким образом произойдет великий политический переворот, благодаря которому человечество перейдет от правительственной системы к промышленной.

Скажите нам, какая нация первой начнет этот переворот, какая второй?

О т в е т. Первой нацией, у которой начнется этот переворот, будет та, где образуется мирное движение, в результате коего наиболее важное учреждение, имеющее наибольшее влияние на управление общественным достоянием, примет промышленный характер и освободится от феодального характера.

В о п р о с. У какой из европейских наций, из всех наций в мире, эта перемена может произойти легче всего?

О т в е т. У французской нации.

В о п р о с. Что дает французской нации это преимущество перед всеми другими?

О т в е т. То обстоятельство, что единственное учреждение, стоящее между королем Франции и промышленниками, — дворянство, — не имеет больше реальной силы, не являясь преобладающим по имущественному положению; общественное же мнение относится к нему неблагоприятно. Таким образом, во Франции нет значительных препятствий к соединению королевской власти с промышленным классом; такое соединение по необходимости должно совершиться, так как оно диктуется интересами как короля, так и промышленников.

В о п р о с. Но будет ли вытекать из соединения французского короля с промышленниками тот результат, что королевская власть получит промышленный характер и будет лишена правительственного характера?

¹⁾ Многие воображают, что американцы достигли в политике больших успехов, чем европейцы, но они ошибаются. Не трудно поддерживать порядок среди небольшого количества людей, главным образом хлебопашцев, занимающих обширную территорию. Великая трудность в том, чтобы дать возможность жить в довольстве большому количеству людей на маленьком пространстве. Мы позже обсудим этот вопрос непосредственно.

О т в е т. Конечно, ибо прямым следствием соединения французского короля с промышленниками явится то, что Его Величество составит свой высший совет преимущественно из промышленников, что бюджет будет составляться в первую очередь промышленниками и т. д.

В о п р о с. После французской нации, какая нация перейдет первой от правительственного режима к промышленному режиму?

О т в е т. Английская нация.

В о п р о с. Скажите нам, почему английская нация решится произвести политическую перемену, необходимую для перехода от правительственного режима к промышленному, лишь после французской нации; имейте в виду, что вы должны обосновать ваш ответ достаточно сильными доводами, так как ваше мнение на этот счет находится в прямом противоречии с общественным мнением Франции, Англии и всего мира, считающим в политическом отношении французскую нацию гораздо ниже английской.

О т в е т. Лорды достигли господства над королевской властью, оставив королю только ее видимость, на самом деле они употребляют королевскую власть к своей выгоде, т. е. к выгоде феодализма. Таким образом, господствующим политическим учреждением в Англии, имеющим наибольшее влияние на управление государственным достоянием,—учреждением, дающим импульс всему политическому механизму, является пэрство. Но гораздо труднее изменить феодальный характер лордов в промышленный, чем произвести эту перемену с королевской властью. Отсюда вытекает, что французское правительство должно получить промышленный характер раньше английского.

Если французский король станет промышленником, т. е. поручит наиболее влиятельным промышленникам составление бюджета, то он лично ничего не теряет, ни одна из его личных выгод не уменьшится, реформа коснется только его придворных и государственных чиновников, бесполезных или неспособных. Так как в Англии, наоборот, пэрство является самым влиятельным институтом, ибо пэры употребляют в свою пользу королевскую власть, то реформа коснется здесь как раз тех, в чьих руках находится власть, и кто очень заинтересован в том, чтобы оказать сопротивление этой перемене.

Лорды, уже потому, что они лорды, независимо от их способностей, взимают с нации, т. е. с производительного или промышленного класса, громадную сумму денег в виде синекур, жалований, пенсий, вознаграждений и т. п. Если мы прибавим к денежным тяготам, возлагаемым лордами на нацию, еще тяжесть, налагаемую ими на нацию в виде власти, уважения, социального влияния, то мы увидим, что английские промышленники испытывают до сих пор самым явным и положительным образом неудобства правительственного или феодального режима.

Из сказанного нами вытекает то заключение, что промышленный режим должен быть установлен во Франции раньше, чем в Англии, так как французские промышленники в его установлении сильнее заинтере-

сованы, чем английские, а члены феодального класса имеют меньше средств сопротивления. Наш взгляд на этот счет станет яснее, если мы сравним те средства, которые должны быть употреблены во Франции и в Англии для установления промышленного режима.

В о п р о с. Когда именно начнется перемена, благодаря которой французская нация перейдет от правительственного режима к промышленному?

О т в е т. Невозможно точно определить время, но очевидно, что оно не может быть теперь очень отдаленным; очевидно, что найдено средство установить во Франции спокойный и устойчивый политический порядок, ибо честные люди (которые, что бы там ни говорили, все же составляют громадное большинство между управляемыми и даже между управляющими) устали от революции, ибо они горячо желают выбраться из тех мелей, среди которых блуждает государственный корабль больше тридцати лет и согласны на большие жертвы ради установления спокойного и устойчивого строя, который поверг бы в отчаяние интриганов и заставил бы их стать трудолюбивыми и мирными гражданами.

В о п р о с. Допустим, что предложенное вами средство для установления спокойного и устойчивого строя хорошо, что оно является наилучшим для достижения этой цели, что оно, одним словом, может рассчитывать на верный успех,—все же остается несомненным то, что потребуются много времени, чтобы познакомить с ним людей, чтобы его могли обсудить и оценить, чтобы заинтересованные прониклись таким убеждением в его необходимости, которое заставит их приступить к его осуществлению.

О т в е т. Это средство так легко изложить, что нет ни одного рабочего, который не был бы в состоянии объяснить его своим товарищам, и простого здравого смысла достаточно, чтобы обсудить его целиком. Поэтому мы настаиваем на нашем вышеизложенном мнении, что эпоха, когда для французской нации начинается переход от правительственного режима к промышленному, не может быть очень отдаленной.

В о п р о с. Скажите нам теперь, каким образом начнется этот переворот, кто его вызовет и кто облечет его в законную форму?

О т в е т. Его вызовет промышленный класс, а в законную форму облечет его король. Скажу даже больше, король это сделает путем простого ордонанса.

В о п р о с. С какой речью обратятся промышленники к королю, в какой форме изложат они свои взгляды Его Величеству?

О т в е т. Промышленники должны повергнуть к стопам государя прошение приблизительно следующего содержания:

«Государь, со времени Гуго Капета до царствования Людовика XIV включительно, между вашими предками—королями—и нашими предшественниками—промышленниками—существовала очень деятельная коалиция против дворянства. Обе стороны удачно сочетали свои усилия и хорошо использовали свои средства, так что в результате к концу цар-

ствования Людовика XIV, их цель была достигнута. Начиная с этой эпохи дворянство уже не занимало самостоятельного положения в государстве; влиянием, которое дворяне еще сохранили после этой эпохи, они обязаны единственно политическим ошибкам, совершенным, с одной стороны, королевской властью, которая поручала им наиболее важные и прибыльные государственные должности, а с другой—промышленниками, которые дали им в руки несметные богатства, жертвуя им из ложного тщеславия своими дочерьми и продуктами своих трудов».

«Государь, начиная с конца царствования Людовика XIV и до сегодняшнего дня, крупные политические ошибки были сделаны королевской властью с одной стороны, промышленниками—с другой. Первые ошибки в течение этого времени были сделаны королями, но наиболее вредными оказались впоследствии ошибки промышленников. С конца царствования Людовика XIV до смерти Людовика XV, наиболее крупные ошибки сделаны королевской властью; со времени восшествия на престол добродетельного Людовика XVI больше всего упреков заслуживают промышленники».

«Что должна была предпринять королевская власть после смерти Людовика XIV?»

«Королевская власть должна была организовать промышленный режим. Король должен был принять титул первого промышленника своего государства; он должен был доверить наиболее влиятельным промышленникам высшее руководство государственным достоянием, созывая их каждый год на несколько дней для составления бюджета».

«Что же делала королевская власть со времени смерти Людовика XIV до восшествия на престол несчастного Людовика XVI?»

«Сначала регент, а затем Людовик XV смотрели на королевскую власть, как на синекуру; они полагали, что их единственное занятие на этом свете состоит в том, чтобы наслаждаться жизнью. Они устроили себе гаремы, как если бы они были персидскими шахами или повелителями монголов; и благодаря непонятному помешательству и полному ослеплению относительно истинных интересов королевской власти, они наделали множество совершенно бесполезных расходов и забавлялись, сколько могли, вместе с побежденными дворянами на счет победителей промышленников».

«Государь, познание истины особенно полезно для королей. Мы надеемся, что Ваше Величество соблагovolите извинить откровенность, с которой мы выражаемся о поведении королевской власти со времени смерти Людовика XIV до восшествия на престол добродетельного Людовика XVI. Вы, впрочем, увидите, что мы не менее строги к нашим предшественникам и к самим себе, чем к августейшим главам нации».

«Здесь начинается страница наших признаний; мы переходим к настоящему. Все события, о которых мы сейчас будем говорить, происходили на глазах Вашего Величества и глубоко огорчали Вас».

«Ваш августейший брат вступает на престол; он спешит объявить, что намерен исправить ошибки, совершенные королевской властью при Людовике XV и регенте, и желает управлять нацией в интересах большинства своих подданных. Этот добрый государь отличается строгостью нравов и бережливостью во всех своих личных расходах; он во всеуслышание обращается за советами и поддержкой к честным людям, которые помогали бы его добрым намерениям».

«Весь промышленный класс должен был поспешно отозваться на этот великодушный призыв; но вместо того, чтобы исполнить свой долг, и действовать в столь важном случае согласно своим интересам, поддерживая всеми силами человеколюбивые планы короля, он остается хладнокровным зрителем борьбы, которая завязывается между великодушным монархом, с одной стороны, и придворными и привилегированными — с другой, борьбы, в которой король борется за нацию, а двор защищает злоупотребления».

«Людовик XVI мужественно выдерживает эту борьбу в течение двенадцати лет; он призывает в министры филантропа Тюрго и банкира Неккера, он ищет и приобретает искреннюю дружбу почтенного Мальзерб, который помогает ему своими советами; но, в конце концов, не встретив никакой поддержки со стороны промышленного класса, т. е. нации, он вынужден объявить, что существует дефицит в пятьдесят шесть миллионов, для покрытия которого у него нет средств. Он собирает нотаблей, затем устраивает большой съезд при дворе и, после этих двух безуспешных попыток, созывает Генеральные Штаты».

«В эту важную минуту промышленный класс должен был выступить на сцену; он должен был прежде всего покрыть дефицит, а затем он должен был сказать королю: есть только одно средство для предупреждения нового дефицита; оно заключается в перегруппировке ваших подданных. Те, которые дают больше всего средств государственной казне и меньше всего берут из нее, должны быть призваны на первое место; им Ваше Величество должно поручить высшее управление государственным достоянием».

«Государь, Ваш добродетельный брат, конечно, горячо приветствовал бы это дояльное предложение, и тогда революция не произошла бы; тогда совершилось бы великое благо, которое стоило бы совсем небольших усилий и не причинило бы никакого зла, между тем как революция заставила заплатить множеством зол за созданное ею благо. Вместо того, чтобы сделать то, что мы сказали, промышленный класс, считая королевскую власть за одно целое с дворянством, радуется затруднениям, в которых очутился король, и отказывает ему во всяком кредите, забывая, что королевская казна есть вместе с тем и национальная казна».

«Происходит созыв Генеральных Штатов, которые организуются в Учредительное Собрание. Учредительное Собрание разрушает камень за камнем все здания королевской власти, и, лишив возможности велико-

душного Людовика XVI защитить себя лично и уберечь нацию от выступления интриганов, оно удаляется, дав своим трудам пышный титул Конституции и принудив короля присягнуть этой мнимой Конституции».

«Непосредственно за Учредительным Собранием следует Законодательное. Собрание это, в своем громадном большинстве состоящее из законоведов, литераторов и ученых магистров всевозможных степеней, до такой степени увлечено историей Греции и Рима, что буквально бредит республикой».

«Законодательное Собрание сменяется Конвентом. Он довершает ошибки Учредительного и Законодательного Собраний. Он одновременно уничтожает несчастного, великодушного филантропа Людовика XVI и королевскую власть, лежавшую в основе социальной организации Франции. Он заменяет монархический режим республиканским и учреждает наиболее демократическую республику, какая когда-либо существовала, республику столь демократическую, что наибольшим влиянием пользуются в ней члены самого бедного и самого невежественного класса; одним словом, Конвент легализирует наиболее полную анархию».

«Промышленный класс должен был разогнать Учредительное Собрание, привести к молчанию магистров Законодательного Собрания и одну половину членов Конвента посадить в Бисетр, а другую в Шарантон».

«Промышленный класс должен был вернуть доброму Людовику XVI всю его власть и еще расширить ее, освободив ее от влияния придворных и привилегированных и уговорив ее поручить составление бюджета тем, кто больше всего дает казне и меньше всего берет из нее».

«Промышленный класс не пошел по этому пути и был жестоко наказан, ибо закон о максимуме разорил всех промышленных предпринимателей».

«Наконец, на престол вступает Бонапарт; он возлагает себе на голову корону и берет в руки скипетр. Промышленники должны были воспротивиться захвату французского престола, ибо узурпатор не может быть основателем промышленной монархии; он нуждается в силе для поддержания своей власти и может установить только военный режим. Промышленники не сделали этого и дорого заплатили за свою ошибку: поджог английских товаров уничтожил значительную часть их капиталов».

«Когда Ваше Величество возвратились во Францию и вернули себе свой трон, промышленники должны были сами вызваться выполнить все свои обязательства по отношению к иностранцам; они должны были, сверх того, предоставить в Ваше распоряжение значительную сумму для вознаграждения лиц, сохранивших Вам верность и последовавших за Вами. Вы, конечно, не нашли бы ничего дурного в том, чтобы они в то же время обратились к Вам с просьбой уничтожить феодальные титулы, ставшие совершенно смешными и ненужными после того, как промышленный класс доказал, что он обладает всей необходимой энергией для защиты страны от иноземного нашествия. Вы, конечно, согла-

сились бы поручить составление бюджета тем французам, которые доставляют в казну наиболее значительные суммы и меньше всего берут из нее; ибо эти французы, руководители наиболее важных промышленных предприятий, суть в то же время те из Ваших подданных, которые наиболее способны к управлению».

«Если бы события приняли такой оборот, то промышленная монархия была бы учреждена тотчас после Вашего возвращения во Францию».

«Но так как промышленный класс не пошел по собственному побуждению навстречу Вашему Величеству в момент Вашего возвращения во Францию, так как он не предложил Вам своей чистосердечной поддержки, в которой старая королевская власть нуждалась в момент своего восстановления,—то Вы, государь, должны были искать среди управляющих то, чего Вы не находили в классе, который составляет подлинное тело нации. Вы должны были признать дворянство обоих видов, Вы должны были умножить количество должностей в управлении государственным имуществом, Вы должны были, одним словом, значительно увеличить то бремя, которое мы несли до революции,—справедливое наказание за нашу политическую ошибку, состоявшую в том, что мы не выказали себя чистосердечными роялистами-бурбонистами, как мы это должны были сделать».

«Нам остается сделать еще одно признание: оно завершит нашу исповедь».

«В 1817 году Ваше Величество заметили, что старое дворянство стремится вернуть то влияние, которым оно пользовалось во Франции прежде, что оно старается установить свое господство над королевской властью и заменить монархический режим аристократическим порядком. Вы обратились тогда с призывом к промышленному классу, объявив особым ордонансом, что патенты будут рассматриваться, как прямой налог. Очевидно, что при таких условиях мы должны были послать в палату только искренних роялистов, только бурбонистов, что мы должны были выбирать депутатов из наших собственных рядов, т. е. из среды людей, которые дают много денег государственной казне и ничего из нее не берут. К несчастью, многие из нас отдали свои голоса людям, не оценившим по справедливости благих намерений Людовика XVI; другие выбрали в депутаты усердных, приверженцев сына Бонапарта, и почти все поддержали кандидатуру ловких говорунов, которые очень мало заботятся об обогащении казны и стремятся лишь к тому, чтобы возможно больше получить из нее в виде жалования, пенсий, наградных и т. п.»

«Благодаря этой последней ошибке мы потеряли то небольшое политическое влияние, которое приобрели; она была причиной быстрого возрастания государственных расходов (которые доходят ныне до миллиарда в год), заставив Ваше Величество усилить министерство и умножить число и влияние государственных чиновников, так как коро-

левская власть и Бурбоны только в правящих кругах имеют действительную опору.»

«Да, мы это поняли и торжественно заявляем теперь: верно, что мы должны сделать самим себе большую часть упреков, с которыми мы до сих пор обращались к королевской власти, к Бурбонам и в особенности ко двору. Впрочем, мы от природы обладаем качеством, которое развивается с каждым днем и всегда гарантирует нам возможность исправить все совершенные нами ошибки; это качество в том, что мы по существу—люди труда и, следовательно, имеем реальное и положительное преимущество перед дворянами и придворными, каково бы ни было их происхождение.»

«Одним словом, между нашим политическим бытием и бытием Бурбонов различие в следующем: мы уверены в том, что займем первое место в обществе, а Бурбоны живейшим образом заинтересованы в том, чтобы поскорее укрепить свой трон, основав промышленную монархию.»

«Государь, в течение последних ста лет во Франции были сделаны крупные политические ошибки как со стороны королевской власти, так и со стороны промышленников; но эти ошибки, как бы велики они ни были, не могли уничтожить прошлую историю французского народа и изменить его политические судьбы. Четырнадцать веков французский народ живет под властью монарха; со дня восшествия на престол Вашей августейшей династии и до смерти Людовика XIV, Бурбоны и промышленники были между собою в союзе—сначала против крупных вассалов, затем против мелких и, наконец, против привилегированных всякого рода.»

«Своей предшествующей историей французский народ призван жить в условиях монархического строя.»

«Королевская власть не перестанет испытывать затруднения, а промышленный класс, т. е. нация, не перестанет испытывать недовольство правительством до тех пор, пока не будет установлена промышленная монархия.»

«Ничто не может помешать установлению промышленной монархии во Франции, если французские промышленники, с одной стороны, и дом Бурбонов, с другой, захотят установить эту форму правления.»

«Каковы те классы, которые могли бы сопротивляться установлению промышленной монархии во Франции? Старое дворянство имело бы, бесспорно, больше всего средств для воспрепятствования этому великому политическому акту, так как поддержка всех европейских аристократий все еще придает ему большую силу. Но, с одной стороны, эта сила весьма уступает силе промышленников и Бурбонов, об'единившихся для достижения общей цели, а с другой стороны, старое дворянство сохранило благородство чувств и примирится гораздо легче, чем это обычно воображают, с таким строем, который обеспечит внутреннее спокойствие и процветание французскому народу. Старые аристократы вооружились против всяких политических новшеств, они стремятся всеми силами

восстановить старый порядок потому, что они возмущены жестокостями революции; потому, что все те, кто руководил национальным движением обновления, были интриганы или безумцы; ни один из них не заслужил их уважения, ни один не высказал отчетливых понятий о той форме правления, которая соответствует современному состоянию цивилизации, ни один из них не доказал им, что уничтожение дворянства будет великим приобретением для народа. Особенно же возмутило их, и вполне основательно, создание новой знати.»

«Что касается новой знати, то народ не уважает и не любит ее, она не имеет сторонников ни вне страны, ни внутри; это—мертворожденное учреждение, которое появилось на свет вчера и которого не будет завтра; у нее нет никаких средств сопротивляться установлению промышленной монархии.»

«Буржуа, т. е. законоведы не дворянского происхождения, военные из разночинцев; собственники, не руководящие промышленностью, имеют гораздо больше силы, чем новая знать; но эта сила становится реальной лишь при условии их объединения со старым дворянством, продолжением которого они служат. Они не имеют своего собственного политического характера, они на самом деле лишь дворяне в миниатюре. Их существование в качестве политической корпорации не может продолжаться дольше существования настоящего дворянства.»

«Армия состоит ныне из солдат, не проявляющих никакой любви к военной службе, из солдат, которые по своим склонностям и привычкам—настоящие промышленники; не они, конечно, будут сопротивляться установлению промышленной монархии. В армии одни только офицеры могут желать, чтобы военная профессия по-прежнему пользовалась большим признанием со стороны общества, чем профессия промышленная.»

«Государь, французская монархия должна была иметь преимущественно военный характер до смерти Людовика XIV; это значит, что первый класс государства должен был состоять прежде всего из военных и только во вторую очередь из промышленников, ибо до этого времени целью нации были главным образом завоевания.»

«От Людовика XIV до сих пор французская монархия не могла не быть убудочным порядком; военный класс утратил свое преобладание, а промышленный еще не приобрел его. Тем не менее это время отнюдь не было потеряно для успехов цивилизации; именно в течение этого периода,—события которого еще не поддаются точному анализу, потому что они слишком запутаны,—совершился переход от военной монархии к монархии промышленной.»

«При современном состоянии цивилизации одна лишь промышленная монархия годится для французского народа, она одна может стать прочной во Франции, потому что цель нации—достигнуть благосостояния посредством мирных трудов, откуда следует, что первый класс в государстве должен быть по преимуществу промышленным, и что военное

дело должно быть для него лишь второстепенным и случайным; занятия военным делом должны иметь место только в случае неприятельского нашествия и продолжаться лишь до изгнания неприятеля.»

«Государь, название конституционной монархии, которое носит Ваше правительство, в достаточной мере характеризует современное политическое положение Франции; эпитет «конституционный», который звучит странно метафизически, обозначает ублюдочный социальный строй,—строй, в котором люди фразы и писаки образуют господствующий класс. И они действительно в течение всего восемнадцатого века подтачивали несчастный французский народ и несчастную королевскую власть; за последние же сорок лет король и народ находятся во власти адвокатской болтовни ¹⁾, которая составляет квинт-эссенцию п у с т о с л о в и я.»

«Пора, государь, завершить великий политический перелом, больше века отнимающий все силы у народа и у королевской власти Франции; пора провозгласить промышленный режим, промышленную монархию.»

«Мы все, посвятившие себя промышленной деятельности, мы, составляющие больше двадцати пяти миллионов населения Франции, клянемся защищать на жизнь и смерть институт королевской власти и династию Бурбонов от всякого покушения, которое могло бы быть замыслено внутри или вне страны против этого института или против этой династии.»

«Мы почтительнейше умоляем Ваше Величество образовать комиссию из наиболее влиятельных промышленников и поручить им составление бюджета.»

Это прошение должно быть подписано всеми французами, существование или влияние которых зависит от успехов их промышленной деятельности, т. е. оно должно быть подписано двадцатью пятью миллионами французского населения.

В о п р о с. Если на проект этого прошения вы смотрите, как на отвлеченное предположение, то мы одобряем его, ибо это предположение дало вам возможность изложить ваши взгляды с большою ясностью, твердостью и сжатостью. Но если вы предлагаете промышленникам этот проект всерьез, как проект, который они, по вашему убеждению, должны выполнить, то вы ошибаетесь в ваших ожиданиях; он их только отпугнет, и это помешает им стать сторонниками вашей системы.

О т в е т. Мы не скрываем от себя, что до сих пор промышленники были чрезмерно осторожны в политике и что в этом отношении они еще не проявили никакой смелости. Поэтому-то до сих пор не существует еще промышленной политической партии; поэтому промышленники, бывшие до сих пор только зрителями в политической борьбе, были всегда ее жертвами; они были жертвой якобинцев, затем стали жертвой

¹⁾ Под адвокатской болтовней я понимаю рассуждения адвокатов о политических предметах.

Бонапарта, а после реставрации они сделались добычей, которую рвут друг у друга из рук крайние правые, либералы и сторонники министерства. Везде и повсюду люди осторожные и вовсе лишенные смелости представляют собою нуль, потому что осторожность имеет ценность только тогда, когда она соединяется со смелостью.

В о п р о с. Все дело в том, что промышленники еще только должны получить политическое воспитание, а вы даете им советы, пригодные лишь для момента, когда их политическое воспитание будет закончено.

О т в е т. Мы признаем, что промышленники еще только должны получить политическое воспитание, и именно потому, что мы глубоко сознали эту истину, мы и решили опубликовать катехизис промышленников. Следовательно, в этом пункте мы с вами вполне согласны; но мы, повидимому, неодинаково смотрим на то, какой линии следует держаться в деле политического воспитания промышленного класса.

Воспитать в учащихся чувство собственного достоинства, внушить им доверие к собственным силам—вот что, по нашему мнению, следует сделать прежде всего, когда имеешь дело не с детьми, а с взрослыми людьми, которым можно давать советы. Приучить учащихся сначала к практике и говорить им о теориях лишь тогда, когда к этому представляет повод практика,—таков, по нашему, второй важный принцип.

Наконец, чтобы не слишком затягивать весь этот экскурс,—вы должны знать, что мы намерены образовать возможно скорее промышленную партию, и что самым верным средством для этого мы считаем следующее: убедить промышленников изложить свои политические пожелания прямо королю, не обращаясь ни к каким посредникам.

Вернемся к начатому обсуждению. Его задача—определить, какой из двух народов, французский или английский, ближе к той политической цели, к которой стремится весь человеческий род: к переходу от правительственного режима к промышленному; его задача—выяснить различные способы, которыми эти два народа только и могут достигнуть названной цели. Мы остановились как раз на этом пункте; будем же продолжать наше обсуждение, не меняя принятого нами направления. Вы можете по вашему желанию рассматривать наш проект прошения, как фиктивный или как действительный, как дело, которое может быть выполнено только через десять лет, или как такое, которое можно выполнить завтра же, но для целей нашего обсуждения будем рассматривать его, как проект вполне серьезный.

В о п р о с. Несомненно, что если бы это прошение было подписано всеми лицами, посвятившими себя промышленной деятельности во Франции, то оно произвело бы большой политический эффект; мы даже убеждены, что в таком случае оно было бы благосклонно принято Его Величеством. Но главная трудность в этом деле заключалась не в составлении прошения; она в том, чтобы его подписали все заинтересованные лица, ибо, если оно будет подписано небольшим количеством

лиц, то оно будет иметь только философское значение и не произведет почти никакого действия.

О т в е т. Вы ставите вопрос вверх ногами. Главная трудность в нашем деле заключалась в том, чтобы продумать в их внутренней связи мысли, изложенные в нашем прошении; вопрос о его подписании представляет совсем второстепенную трудность.

Компания банкиров, подобная одной из тех, которые образовались в последнее время для заключения различных займов, предложенных правительством, с большою легкостью собрала бы подписи всех французских промышленников под нашим прошением, чем с какою удавалась таким компаниям реализация этих займов.

Промышленный класс, как мы об этом говорили в нашей первой тетради, вполне организован благодаря банкам, связывающим между собою все отрасли промышленности, и банкирам, связывающим между собою промышленников всех родов,—так что промышленникам легко объединить свои усилия для достижения цели, лежащей в их общем интересе. Капитаны промышленности, т. е. наиболее влиятельные промышленники, еще не использовали в области политики те выгоды, которые вытекают для них из организации промышленного класса. Мы же, с своей стороны, предлагаем им способ использовать все эти преимущества для достижения величайшей политической цели, на которую они только могут притязать, т. е. для установления промышленного режима, и мы не сомневаемся, что они с жаром ухватятся за нашу мысль.

В о п р о с. Но разве закон не запрещает коллективных петиций? Разве королевские прокуроры не могут протестовать против подписания вашего прошения всеми заинтересованными лицами?

О т в е т. Всякий француз имеет право повергнуть к стопам короля, единолично или коллективно, любое мнение, которое он считает полезным для государства, лишь бы его пожелания были облечены в надлежащую форму. Закон, запрещающий непосредственный обмен мыслями между королем и его подданными, был бы чудовищным и унижительным как для престола, так и для нации. Впрочем, нет даже необходимости, чтобы прошение было подписано, для того, чтобы была достигнута его цель. Для этого достаточно, чтобы все промышленники прочли его и публично заявили, что они согласны с высказанными в нем мыслями и убеждены в том, что единственный способ, каким король мог бы обеспечить спокойствие во Франции и содействовать полному расцвету национального благосостояния, состоит в образовании особой комиссии из наиболее влиятельных промышленников для составления проекта бюджета. Это единомыслие промышленников в политических взглядах вызовет столь сильное движение в обществе и столь энергичное и определенное выражение национальных пожеланий, что все усилия министров и придворных отвлечь внимание Его Величества от этих взглядов оказались бы совершенно безуспешными.

Что касается страха перед королевскими прокурорами, который вы хотите нам внушить, то мы вам скажем, что имеем веские основания полагать, что они совсем не так враждебны нашим идеям, ибо на них лежит печать чистейшего роялизма, более определенного, чем роялизм крайних, которые на самом деле являются сторонниками аристократической системы по праву рождения.

В о п р о с. Перейдем к рассмотрению английских дел. Скажите нам, каким способом могут англичане установить у себя промышленный режим?

О т в е т. Для того, чтобы англичане установили у себя чистый промышленный режим, не прибегая к насильственным средствам, необходимо, чтобы их парламент издал закон об уничтожении субституций и другой закон о мобилизации земельной собственности.

В о п р о с. На наш взгляд невозможно, чтобы английский парламент согласился на издание этих двух законов, ибо этот парламент, как вы сами установили, подчинен влиянию пэрства. Лорды господствуют над королевской властью, с одной стороны, и над палатой общин, с другой стороны. А так как эти законы противоречат их феодальным интересам, которые для них важнее и дороже, чем их промышленные интересы, то они по необходимости не допустят их принятия.

Одним словом, нам кажется, что проведение их невозможно путем легальных и мирных средств, так как лорды имеют полную возможность не допустить их принятия и только они имеют достаточный авторитет для их проведения.

Из сказанного мы заключаем, что Англия может перейти к чистому промышленному режиму только путем восстания.

О т в е т. Нет сомнения, что французы могут установить у себя промышленный режим гораздо легче, чем англичане, ибо для установления его во Франции достаточно простого королевского ордонанса; но мы не заключаем отсюда, что для установления его в Англии совершенно необходимо восстание.

Английское дворянство—самое образованное из дворянств Европы; оно лучше всего понимает важность промышленности; нет ни одного лорда, который не был бы более или менее заинтересован денежно в промышленных предприятиях. Прибавьте к этому, что у английского народа есть национальное самолюбие, не позволяющее ему отставать ни от какого другого народа, и вы согласитесь с нами, что очень скоро после того, как Франция подаст пример установления промышленного строя, все англичане, почти без исключения, будут совместно трудиться над его установлением у себя.

В о п р о с. Резюмируя и дополняя взгляды, изложенные вами в настоящем разговоре, мы находим следующее:

1) человеческий род всегда стремился к политическому установлению промышленного строя;

2) каждый народ следовал по особому пути и пользовался особыми приемами для достижения этой цели;

3) французский и английский народы ближе всего к этой цели. На первый взгляд английский народ еще гораздо ближе к ней, чем французский, но это — иллюзия: на самом деле французский народ гораздо менее удален от нее;

4) во Франции для установления промышленного строя было бы достаточно простого королевского ордонанса, поручающего наиболее влиятельным промышленникам составление проекта бюджета, и этот ордонанс был бы наверное издан, если бы промышленный класс, насчитывающий во Франции свыше двадцати пяти миллионов человек, всеподданнейше попросил короля принять во внимание, что эта мера обеспечивает спокойствие трона и благосостояние нации;

5) когда французский народ установит у себя промышленный строй, английский народ не замедлит последовать его примеру;

6) когда промышленный строй будет установлен в Англии и во Франции, тогда прекратятся все бедствия, которые был обречен испытать человеческий род в период его перехода от правительственного строя к промышленному; так как силы всех правительств на земле уступают промышленной силе Франции и Англии, то кризис будет окончен, потому что не будет больше борьбы, и все народы на земле, пользуясь покровительством объединившихся Франции и Англии, будут один за другим, по мере развития их цивилизации, переходить к промышленному строю.

Так как вы убеждены в справедливости этих шести утверждений, то самое лучшее, что вы можете сделать, — это употребить все ваши силы и средства на то, чтобы убедить французских промышленников представить королю прошение, проект которого вы сочинили. Этот шаг, благодаря ряду дальнейших событий, из него вытекающих, будет иметь результатом самое крупное улучшение участи человеческого рода, какое только возможно.

О т в е т. Да, конечно, первая и главная цель наших трудов — убедить всех промышленников Франции, т. е. больше, чем двадцать пять милл. человек, т. е. громадное большинство народа, чтобы они с общего согласия и посредством подписанного ими всеми прошения просили короля поручить наиболее влиятельным промышленникам составление бюджета.

Ибо мы убеждены, что эта мера прекратила бы режим пустословия и адвокатской болтовни, под которым мы теперь живем, режим убудочный, следовавший за военным режимом, и разорительный, так как он уже довел бюджет до громадной суммы в один миллиард.

Ибо мы убеждены, далее, что эта мера передаст высшее управление государственным достоянием в руки людей, действительно творящих

благосостояние нации, благодаря чему участь французского народа улучшится со всей возможной быстротой.

После того, как мы убедились в этом, перед нами встал второй вопрос: какие средства являются наилучшими для того, чтобы убедить промышленников обратиться к Его Величеству с этой просьбой?

Мы признали, что для этого надо употребить два главных средства: с одной стороны, мы должны доказать промышленникам, что эта мера предоставит им все социальные преимущества, на которые они могут притязать; что эта мера не повлечет за собой никаких неудобств, так как они способнее всякого другого класса хорошо управлять государственным достоянием; с другой стороны, мы должны насколько возможно облегчить промышленникам задачу представления этой просьбы от достаточного количества, чтобы привлечь внимание Его Величества.

Одновременно мы признали, что должны употреблять попеременно оба эти средства до тех пор, пока наши труды не увенчаются успехом.

После того, как мы изложили проект прошения королю, мы, согласно принятому методу, просим вас вернуться к обсуждению интересующего нас вопроса. Мы рассмотрим еще раз, действительно ли желательно для блага большинства нации, чтобы промышленный класс стал первым классом, и чтобы наиболее влиятельным промышленникам было поручено королем составление проекта бюджета.

Мы рассмотрим еще раз, действительно ли должна Франция предпочесть промышленную систему социальной организации Англии. При этом во всех наших рассуждениях мы постараемся соблюдать величайшее уважение к королевской власти, законности и хартии.

После этого вторичного обсуждения, мы рассмотрим еще раз, что должны сделать промышленники, чтобы иметь возможность представить просьбу королю в количестве, достаточном для привлечения внимания Его Величества. Мы докажем, что если бы промышленники Парижа все подписали прошение, проект которого мы представили, то этой меры, столь легко выполнимой, было бы достаточно для достижения цели.

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Лицам, стоящим во главе промышленных фирм. Господа, мы предлагаем вам всем возможно скорее приобрести наше сочинение и познакомить с ним ваших подчиненных, так как произведение это может быть полезным только в том случае, если оно будет самым широким образом распространено в промышленном классе.

Мы обращаем ваше внимание, господа, на то, что плоды ваших трудов будут оставаться добычей, которую рвут друг у друга и пожи-

рают все существующие политические партии, пока вы сами не образуете политической партии для защиты себя от алчности ничего не производящих потребителей.

Мы обращаем, далее, ваше внимание на то, что сочинение книги, провозглашающей принципы и взгляды промышленной партии, есть единственное средство, при помощи которого вы могли бы сплотиться в прочную политическую партию.

Благодаря изданию «К о н с е р в а т о р а», образовалась партия крайних правых, торжествующая теперь настолько, что может вынудить у министерства почти все желательные ей уступки; но она не очень страшна, потому что имеет за собою только дворянскую челядь, между тем как дворяне, идущие во главе этой партии, не обладают никакими положительными способностями.

«М и н е р в а» послужила средством для образования современной либеральной партии, к счастью, теперь совершенно разбитой, ибо, если бы ей удалось осуществить свои планы, то она снова ввергла бы Францию в революцию; однако, некоторое время она играла весьма крупную роль.

Господа, мы выступаем с бесконечно большей уверенностью, чем в свое время «К о н с е р в а т о р» и «М и н е р в а», потому что мы даем систему; потому что это—единственная политическая система, которая может восстановить спокойствие во Франции; потому что только эта система может способствовать скорейшему расцвету народного хозяйства и спокойствию короля; потому что, наконец, это—единственная система, которая через несколько лет после своего принятия удесятерит потребление путем распространения зажиточности среди трудящегося класса.

Господа, резюмируя это обращение, мы приглашаем вас соединить свои усилия с усилиями политических писателей; объединив ваши практические способности с их теоретическими, вы сумеете обезопасить продукты вашего труда от алчности непроизводительных потребителей.

Нижеследующий проект объединения между вами и политическими писателями является плодом сорокапяти-летних размышлений над этим вопросом. Он заслуживает вашего полного внимания и в такой же мере внимания публицистов, а также ученых и художников всех специальностей.

Благодаря этому объединению, руководство государственными делами будет находиться в руках специалистов в промышленности и науках, между тем как сейчас ими управляют только любители; в самом деле, префекты и министры—только любители в деле управления, потому что расплачивается за их ошибочные расчеты и плохие комбинации всегда, в конце концов, народ. Не подлежит сомнению, что промышленники—единственные специалисты в деле управления, потому что только они выучиваются ему на свой собственный счет.

Всеобщее об'единение промышленных и научных способностей (целью этого об'единения является установление промышленного режима).

Промышленники и политические писатели образуют два отдельных комитета. Комитет промышленников распоряжается средствами общества. Труды, проектируемые политическими писателями к печати, передаются на обсуждение в этот комитет и могут быть напечатаны только с его согласия.

Промышленники, стоящие во главе общества, могут принимать в него всех промышленников, которых они сочтут подходящими для этого, и допускать их сразу в свой комитет.

Научные труды, имеющие предметом установление промышленной системы, будут подвергаться первому обсуждению в комитете политических писателей. Этот комитет будет судить эти произведения в первой инстанции, т.-е. он или отвергнет их или представит в комитет промышленников для получения разрешения и средств на их напечатание.

Все ученые, художники и литераторы Франции и иностранных государств приглашаются обществом сообщать ему те из своих трудов, которые посвящены вопросу об установлении промышленной системы. Всякий автор, труды которого допущены комитетом публицистов и одобрены комитетом промышленников, тем самым становится полноправным членом комитета политических писателей.

Четвертая тетрадь.

(Июнь 1824)

П Р Е Д И С Л О В И Е.

Эта четвертая тетрадь будет разделена на две части и представит ту особенность, что обе части из которых она будет состоять, будут иметь совершенно различный характер, хотя в той и другой будут излагаться одни и те же мысли.

В первой части мы будем обращаться только к одному разуму: мы изложим систему социальной организации, соответствующую состоянию просвещения и успехам цивилизации; мы выясним следующую истину, которая должна лечь в основу всей современной политики: забота об интересах всего общества, как в материальной, так и в моральной области, должна быть вверена людям, способным принести наиболее общую и наиболее положительную пользу.

Во второй части мы попытаемся вызвать к действию великодушные страсти людей, обладающих наиболее положительными способностями. Мы употребим все наши усилия, чтобы направить их деятельность к цели наиболее важной из всех с точки зрения общественной пользы, — к цели перехода в их руки высшего руководства обществом; мы попытаемся, другими словами, вызвать в наиболее способных людях

страстный интерес к их частным выгодам, потому что этот способ нам представляется наилучшим для достижения результатов, выгодных для общего блага. Ибо частные интересы наиболее способных людей могут лучше всего служить общим интересам.

Мы считаем своим долгом приложить к этой программе беглый обзор взглядов, которые будут изложены в этой тетради, и тех оснований, которые побудили нас излагать эти взгляды двумя различными способами:

Рабство тяготевшее столько веков над промышленным классом, т. е. над громадным большинством нации, целиком уничтожено пока только во Франции. Последние остатки его исчезли только после революции и благодаря революции. Следовательно, только с этой эпохи и только во Франции явилась возможность трудиться над созданием социальной организации, имеющей прямой целью улучшения участи большинства. Ибо до полного уничтожения рабства политика могла употреблять только косвенные средства для достижения этой великой цели.

В о п р о с. Хотя в этом предисловии вы излагаете ваши взгляды только вкратце, все же нужно, чтобы вы хотя бы вкратце, подтвердили реальность тех фактов, которые служат основой ваших мнений.

Докажите нам, что только во Франции и именно благодаря революции совершенно уничтожены остатки рабства. В противоположность вам многие полагают, что рабство было уничтожено во Франции задолго до революции; и еще большее число людей воображает, что Соединенные Штаты Америки осуществили у себя это крупное улучшение до того, как французский народ начал свою революцию.

О т в е т. В 1789 году, когда вспыхнула революция, во Франк-Конте и в некоторых других местах французской территории еще существовали несвободные мертвой руки. Следовательно, одна часть народа еще находилась в состоянии глубокого рабства; и весь народ в целом в эту эпоху еще не освободился от рабства до конца, ибо старая феодальная аксиома «нет земли без сеньера» еще имела силу и была окончательно уничтожена в знаменитую ночь 4 августа; громадное большинство народа еще было, согласно милому выражению дворянства, *taillable et corvéable à merci*.

Что касается Соединенных Штатов Америки, то в Виргинии и в других Южных Штатах еще держится рабство негров, а в Северных Штатах существует многочисленный класс людей, так называемых *обязанных*, которые в течение срока своей обязательной работы находятся в настоящем рабстве; лица, которые купили их у капитанов, привезших их из Европы, имеют право продавать их на этот срок.

В о п р о с. Если вы желаете дать читателю в этом предисловии ясное представление о взглядах, излагаемых вами в тетради, то вы должны разъяснить еще несколько пунктов, напр. следующий:

Вы утверждаете, что уничтожение некоторых слабых следов рабства, еще существовавших в 1789 году, должно было вызвать ради-

кальную перемену в общественном строе. Ваш взгляд на этот вопрос очень нуждается в мотивировке, ибо вековой опыт указывает, что улучшение общественного строя происходило лишь постепенно, последовательно и весьма медленно. Мы видели, как постепенно смягчалось рабство по мере успехов просвещения; мы видели, как организация общества совершенствовалась по мере смягчения рабства. В 1789 году существовали еще некоторые слабые следы рабства; революция их уничтожила; это несомненно, должно повлечь за собой усовершенствование общественной организации. Но мы не видим оснований, почему эта перемена должна быть радикальной, мы совершенно не понимаем, почему политика эпохи, предшествовавшей этому событию, окажется столь резко отграниченной от политики той эпохи, которая последует за ним.

О т в е т. Если мы будем наблюдать, каким образом развиваются в моральном и физическом отношении отдельные личности с момента своего рождения до полной зрелости, то мы заметим, что их развитие совершается двумя различными способами, которые, однако, ведут к одной общей цели: к наибольшему совершенству моральных и физических сил, какое им доступно по их организации.

С момента рождения и до полной зрелости в них происходит моральное и физическое совершенствование, постепенное и непрерывное, но очень медленное.

На-ряду с этим они переживают несколько кризисов, вызывающих очень быстрый рост всего их существа.

Семилетний возраст бывает ознаменован кризисом прорезания зубов, в результате которого внезапно вырастают душевные способности и память.

К четырнадцати годам в человеке воспаляются страсти, влекущие его к освобождению от родительской опеки и к образованию связей по своему выбору, при чем одновременно он приобретает способность производить себе подобных.

К двадцати одному году человек, достигший полного развития своих моральных и физических сил, приобретает свойственный ему индивидуальный характер. Его способности согласуются и направляются к цели, наиболее притягательной для его индивидуальной организации.

Если мы обратимся затем к законам и обычаям, которыми общество руководствуется в своем отношении к детям с момента их рождения до двадцати одного года, то мы увидим, что законодатели признали существование и значение трех упомянутых нами кризисов и установили права подрастающего поколения в соответствии со своим представлением об умственном развитии человека в семь лет, в четырнадцать лет и в двадцать один год.

Действительно, они объявили детей до семилетнего возраста неспособными совершать преступления, т.-е. неспособными самостоятельно управлять своими действиями и, следовательно, совершать проступки, за которые они были бы ответственны и могли бы подлежать суду

по божеским или человеческим законам; поэтому установленные ими законы, поскольку они касаются детей, недостигших семилетнего возраста, требуют лишь общего надзора со стороны общества за поведением их естественных покровителей и в случае отсутствия таковых замены их особыми опекунами.

Детей до четырнадцати лет законодатели подвергают только исправительным наказаниям, какие бы тяжелые преступления они ни совершили; они признают их совершеннолетними только в случае потери родителей.

Они приурочили совершеннолетие к двадцати одному году, так как в этом возрасте люди обыкновенно приобретают достаточное умственное развитие и достаточно обширную способность предвидения для того, чтобы высшие интересы общества не требовали больше их подчинения особому надзору.

Если от сделанных наблюдений мы перейдем к рассмотрению обычаев, установившихся в деле общественного воспитания и обучения, то мы заметим, что они в точности соответствуют, законодательным нормам, только что упомянутым нами.

Общественное обучение детей начинается не раньше семи лет. От семи до четырнадцати лет воспитание играет более важную роль, чем обучение в самом деле, в пансионах и коллежах надзиратели, которые наблюдают за поведением детей, имеют в течение этого промежутка времени больше влияния на них, чем преподаватели, которые их обучают.

От четырнадцати до двадцати одного года преподаватели имеют гораздо больше влияния на учеников, чем надзиратели.

К двадцати одному году молодые люди, продолжающие учиться в Collège de France или других государственных учебных заведениях, совершенно освобождаются от какого бы то ни было надзора.

Если, наконец, мы посмотрим на степень умственного развития, которой достиг в настоящее время французский народ, ставший благодаря своей революции во главе цивилизованного человечества, то мы увидим что он перенес свой третий кризис, и что его настоящий социальный возраст соответствует двадцати одному году у отдельного человека; увидим также, что он объявил себя совершеннолетним в ночь на четвертое августа, уничтожив все учреждения, унаследованные от рабского состояния, которое было первоначальным состоянием промышленного класса, т. е. основного ядра нации.

Если теперь мы захотим сделать заключение, то мы должны будем соединять вместе различные наблюдения, сейчас нами сделанные, подумать над ними. И тогда мы придем к следующему выводу.

Так как, благодаря успехам своего умственного развития, французский народ достиг совершеннолетия как нация, то следствием этого должно явиться изменение его социальной организации.

Философ который, следуя начертанному нами пути, поднимается до наивысшей точки зрения, какая может быть достигнута на путях цивилизации, откроет самое отдаленное прошлое.

с одной стороны, и самое далекое будущее—с другой. В глубине этой картины он увидит образование рабства, которое для своего времени было человеколюбивым учреждением, так как оно спасло жизнь миллиардам людей, так как мы ему обязаны громадной численностью, которой достигло современное человечество, так как оно благоприятствовало успехам просвещения, дав возможность господствующим классам заниматься усовершенствованием своих умственных способностей. Это было бы невозможно без существования рабства, ибо их время и силы были бы заняты трудами, необходимыми для удовлетворения их насущных потребностей. С чувством живейшего удовлетворения он увидит, далее, продолжая свой обзор хода цивилизации до настоящего момента, смягчение рабства, успехи просвещения, постепенное улучшение участи человеческого рода и, наконец, у французского народа, составляющего сейчас авангард человечества, полное уничтожение рабства и возможность получить социальную организацию, непосредственно направленную на благо большинства.

Обратившись, наконец, к будущему, он увидит, как с первыми же шагами на дальнейшем пути цивилизации образуются три большие кафедры, имеющие задачей обучение основным элементам социальной науки, а именно:

Кафедра или, вернее, довольно многочисленные во Франции кафедры для наставления промышленников всякого рода и всяких степеней влияния в том поведении, которого они должны держаться в политике и промышленности в своих личных интересах и в интересах наиболее полного удовлетворения нужд своего класса,—а также для развития в промышленниках сильного чувства собственного достоинства путем разъяснения той истины, что их класс наиболее способен к управлению, и что поэтому в руках наиболее влиятельных промышленников должно находиться высшее руководство государственным достоянием.

Кафедра морали для обучения тому, каким образом каждый человек, каково бы ни было его социальное положение, может сочетать свой личный интерес с общим благом; профессора с этой кафедры будут разъяснять своим слушателям, что человек добровольно подвергает себя величайшим нравственным бедствиям, когда ищет своего личного благополучия в направлении, вредном для общества, и что, наоборот, он достигает высшего наслаждения, когда стремится к улучшению своего личного положения в направлении, полезном для большинства.

Кафедра положительных наук для обучения общим приемам, как изменять наиболее выгодным для человека образом явления природы, подверженные его влиянию, а также для обучения тому, каким образом каждый человек может сочетать свой личный интерес с общим интересом и как выгодно для каждого уметь правильно сочетать эти интересы.

Философ, который с этой точки зрения будет попеременно обращать свой взор то на прошлое, то на будущее, будет с каждым разом находить все

более глубокие различия между социальным бытием наших предшественников и наших преемников; он увидит, что у наших предшественников степень социального влияния людей определялась в первую голову рождением, милостью и искусством управлять; обращаясь к будущему, он увидит, что социальное влияние достигается наибольшими способностями, проявляющимися в области морали, научного знания или промышленности.

Рассматривая народные массы в прошлом, он увидит, что они сражаются между собою вооруженной рукой; обращаясь к будущему, он увидит, что они соперничают между собою на трех великих поприщах морали, науки и промышленности.

До сих пор люди шествовали по пути цивилизации, обернувшись спиной к будущему; они обычно обращали свой взор на прошлое, а на будущее кидали только очень редкие и поверхностные взгляды. Теперь, когда рабство уничтожено, человек должен обратить внимание на будущее.

До уничтожения рабства преобладающей деятельностью по необходимости было управление; теперь оно все более и более должно стать деятельностью второстепенной.

Вот в немногих словах наиболее ясное выражение тех общих идей, которые мы будем развивать, обсуждать и точно формулировать в этой тетради.

Нам остается теперь объяснить более подробно, чем мы могли это сделать в начале настоящего предисловия, чем именно будут различаться способы изложения этих идей в первой и второй части предлагаемой тетради.

Программа первой части.

Мы повторяем вкратце обзор прогресса цивилизации от Сократа до наших дней.

Резюмируя этот обзор, мы устанавливаем, — и мы доказываем это, — что принятие плана социальной организации, намеченного в этом предисловии, является естественным продолжением и необходимым следствием всей прошлой истории нашей цивилизации за двадцать четыре века.

Мы рассматриваем затем, как должно действовать, чтобы провести в жизнь новую социальную организацию, и ясно намечаем тот путь, следуя которому, можно осуществить эту радикальную перемену так, чтобы ни на мгновение не нарушить общего спокойствия, более того — чтобы правительство и общество не испытали по этому поводу ни малейшего волнения.

Наконец, мы доказываем следующую важную истину, вытекающую из предложенного нами способа перехода: установление новой социальной организации не нарушает ни одного из пунктов хартии и не только не вредит королевской власти, но даже придает ей

больше блеска, влияния, дает более удовлетворительное положение нашим королям, ибо ограждает их от многочисленных опасностей, всегда им угрожавших, и от бедствий, постигших их благодаря тем несовершенствам, которыми страдала конструкция королевской власти до сегодняшнего дня.

Программа второй части этой тетради.

Мы обращаемся сначала к людям, наиболее одаренным самыми общими и самыми положительными способностями, со следующими словами:

Господа промышленники, моралисты и ученые! С тех пор как нация объявила себя совершеннолетней, уничтожив сполна все остатки рабства, забота о ее моральных и физических интересах должна находиться в руках наиболее способных людей, т. е. она должна находиться в ваших руках, правительственная же функция должна отойти на второй план в социальной организации. Между тем положение вещей остается почти без перемен; число государственных чиновников громадно, народу они стоят огромных сумм; часть этих чиновников обязана своими доходными местами лишь тому уважению, которое правительство все еще продолжает оказывать знатному происхождению; другая часть обязана своими выгодами благоприятному мнению правительства об их правительственных способностях. В чем, господа, могла бы быть причина того, что движение общества к более счастливому будущему так замедлено? Это замедление вызывается, очевидно, вами, вашей политической апатией. Проснитесь же. Пока вы не проявите готовности воспользоваться теми новыми правами и исполнять те новые обязанности, которые вытекают для вас из того факта, что нация стала совершеннолетней,—до тех пор мы не получим тех выгод, которые может нам доставить теперешнее состояние просвещения и цивилизации.

Вам, господа наиболее влиятельные промышленники, надлежит сказать, каким образом вы думаете управлять государственным имуществом, когда эта обязанность будет возложена на вас, и доказать царю мира, т. е. общественному мнению, что вы будете управлять им с гораздо большей выгодой для большинства нации, чем оно управлялось до сих пор.

Вы, господа моралисты, должны доказать, что основной принцип божественной морали: не делай другому того, чего ты не желаешь, чтобы делали тебе, может найти совершенно новое и бесконечно более точное приложение после того, как прогресс просвещения дал возможность уничтожить целиком остатки рабства.

Вы, господа ученые, должны дать ясные понятия о том, каким образом частные интересы могут сочетаться с общими, и начертать такой план государственного обучения, при котором положительные знания распространились бы возможно скорее среди всех классов общества и среди людей всех рангов.

Обращаясь, таким образом, отдельно к представителям каждой из этих трех великих положительных способностей, мы ясно покажем:

промышленникам, — согласно каким основным принципам они должны управлять государственным достоянием;

ученым, — каким образом они должны содействовать правильному сочетанию частных интересов с общими;

моралистам, — какие следствия они должны извлечь при современных условиях из принципа божественной морали: не делай другому то, чего ты не желаешь, чтобы делали тебе, — принципа, который должен управлять жизнью общества в большей степени, чем это было до сих пор, ибо до того момента, когда успехи просвещения сделали возможным полное уничтожение рабства, этот принцип мог применяться только весьма приблизительным образом в отношениях между управляющими и управляемыми — между теми, кто издаёт законы, и теми, кто им повинуются, не участвуя в их составлении.

П Е Р В А Я Ч А С Т Ь.

Вопрос. Не хотите ли вы продолжать исследование, начатое нами во второй тетради? Не хотите ли вы продолжать завязавшуюся беседу до тех пор, пока мы не выясним вполне наши понятия и не придем к определенному взгляду по следующему важному вопросу:

Должны ли французы подражать англичанам в политике? Должны ли они установить у себя общественный строй, принятый в Великобритании, или же они должны скорее следовать вашим советам, установить у себя промышленный режим во всей его чистоте и, в качестве первой политической меры, добиваться того, чтобы король поручил составление проекта бюджета наиболее влиятельным промышленникам и объявил промышленный класс первым классом в своей стране?

Ответ. Мы закончим после обсуждения упомянутого вами вопроса. Сегодняшняя наша беседа будет посвящена изложению цели нашего общего предприятия и рассмотрению основных принципов нашей системы.

Наше предприятие ставит себе целью убедить Его Величество, что высшее управление государственными делами в области финансов должно быть поручено наиболее влиятельным промышленникам, во всех же других областях, не имеющих отношения к финансам или администрации, — наиболее способным ученым.

Но для того, чтобы достигнуть этой цели, необходимо сделать следующие три вещи:

1) изложить ясно промышленникам, какими средствами они могут добиться того, чтобы король соизволил поручить наиболее влиятельным из них составление проекта бюджета;

2) познакомить ученых с теми способами, которыми они могут добиться, чтобы король возложил на наиболее способных из них заботу о государственном воспитании и о других моральных интересах общества;

3) указать, наконец, промышленникам и ученым те основания, на которых они должны объединиться для достижения этой двойной цели, т. е. 1) того, чтобы наиболее влиятельным промышленникам было поручено составление проекта бюджета, и 2) чтобы на наиболее способных ученых была возложена забота о государственном воспитании и о других моральных интересах общества.

В наших первых двух выпусках мы давали советы промышленникам:

1) относительно пути, по которому они должны следовать для достижения вышеозначенной цели;

2) относительно способа объединения их сил и политических способностей с силами и способностями ученых.

В этом четвертом выпуске мы будем обращаться непосредственно к ученым.

В о п р о с. Вы должны были обратиться к ученым в первую очередь; это было бы более естественно и более методично.

О т в е т. Ученые оказывают очень крупные услуги промышленному классу, но получают от него еще более крупные; они получают от него свое существование; промышленный класс удовлетворяет их насущные потребности и их физические влечения всякого рода; он доставляет им все орудия, необходимые им для выполнения их работ.

Промышленный класс есть основной класс, питающий все общество, класс, без которого не может существовать никакой другой; поэтому он имеет право заявить ученым, а тем более всем другим непромышленным элементам: мы согласны давать вам пищу, жилище и одежду и вообще удовлетворять ваши физические потребности только на таких-то условиях.

Ваше замечание произвело на нас впечатление прямо противоположное тому, которого вы ожидали: оно склонило нас к мысли не обращаться вовсе к ученым или, вернее, обратиться к ним только, как к второстепенному классу.

В о п р о с. Хотя вы и не согласились с нашим замечанием, все же оно оказало вам не малую услугу тем, что сообщило больше устойчивости вашему взгляду и внесло большую ясность в самые основы вашей политической системы.

Скажите же нам, каковы те условия, на которых, с вашей точки зрения, промышленники должны согласиться давать ученым, пищу и удовлетворять все их физические потребности.

О т в е т. Сейчас мы вам объясним, как должны организоваться ученые и какое направление они должны дать своим трудам, чтобы использовать наиболее выгодным для промышленников образом свое существование, которое они получают от них.

Наиболее способные ученые должны разделиться на два класса, т. е. образовать две отдельные академии: одна должна поставить своей главной целью составление наилучшего кодекса интересов, а другая — усовершенствование кодекса чувств, основные принципы которого были установлены знаменитым Платоном, а затем развиты и применены отцами Церкви. Людовик XIV основал одну из этих академий — академию физических и математических наук, которая уже много сделала для усовершенствования научных методов; достаточно было бы небольших добавлений, чтобы дать этой академии возможность выработать кодекс интересов. ¹⁾

Другая академия, имеющая своей задачей усовершенствование кодекса чувств, существует с некоторых пор в зачаточном виде под именем отделения моральных и политических наук. Учреждение этой академии было бы также полезно, как и академии наук; при настоящих обстоятельствах оно было бы даже более полезно, так как за последние двадцать веков — с тех пор, как арабы стали заниматься опытными и математическими науками, — изучение морали все больше отходило на задний план, так что теперь эта отрасль ниших знаний является весьма отсталой по сравнению с разными отделами физики и математике. ²⁾

Академия моральных наук должна состоять из наиболее замечательных моралистов, теологов, правоведов, ³⁾ поэтов, художников, скульпторов и музыкантов.

Присутствие музыкантов, художников, и скульпторов в академии, назначенной для усовершенствования чувств, является не более странным, чем присутствие теперь, в академии физических и математических наук — оптиков, часовых дел мастеров и фабрикантов инструментов. Составители теорий не должны быть отделяемы от людей, отличавшихся в области важнейших практических приложений теории. Позже мы будем иметь случай доказывать, что в академию наук должно быть призвано гораздо большее количество практических механиков.

В о п р о с. Кем будет назначаться состав членов академии чувств?

¹⁾ Наиболее важным добавлением к академии наук было бы образование секции политической экономии.

²⁾ Общество чувствует такую потребность в учреждении академии морали, что стремится удовлетворить ее своими собственными силами, поскольку правительство не заботится об удовлетворении его законных желаний в этом отношении. Это чувство побудило основать свободное общество христианской морали во Франции, библейское общество в Англии и множество других филантропических обществ у всех европейских народов.

³⁾ В академии наук должно быть также отделение правоведения; ибо общество нуждается в подчинении твердым правилам как деловых отношений между его членами, так и их взаимных чувств. Для создания соответствующих правил требуются способности и специальное образование; поэтому выполнить всю относящуюся сюда работу сумеют лучше всего правоведа, получившие такое специальное образование.

О т в е т. Первое назначение членов должно исходить от короля, а в дальнейшем кандидатуры новых членов должны предлагаться академией чувств на усмотрение Его Величества, как это практикуется теперь в академии наук.

В о п р о с. Вам кажется благим и полезным делом основание этих двух академий, независимых одна от другой и имеющих одинаковое политическое влияние. Конечно, общество одинаково нуждается в том, чтобы полный порядок господствовал и в его чувствах и в его понятиях, чтобы и те, и другие были подчинены хорошим общим правилам, т. е. хорошим законам. Но эти две академии будут соперничать между собой, и по самому существу дела академия, занятая усовершенствованием кодекса чувств, будет стремиться к подчинению кодекса интересов своему кодексу и наоборот; кто будет поддерживать равновесие между обеими академиями? Не придется ли для этой цели основать высшее научное учреждение?

О т в е т. Разумеется, основание королевской или высшей научной Коллегии совершенно необходимо. Функции этой Коллегии будут состоять в координировании деятельности академии чувств и академии рассуждений. Эта Коллегия соединит в одно целое принципы и правила, выработанные обеими академиями. Она сначала установит, а затем усовершенствует общую доктрину, которая будет положена в основание государственного обучения всех классов общества, от самых бедных пролетариев и до самых богатых граждан. ¹⁾ Она составит также свод общих правил, наиболее выгодных для большинства.

Королевская Научная Коллегия будет, конечно, наиболее влиятельным из всех общественных учреждений, так как в ее руках будет высшее руководство общей деятельностью общества: поэтому основание этой коллегии должно, казалось бы, предшествовать образованию всех других учреждений. Но по самому существу вещей образование академии чувств и академии рассуждений необходимо будет предшествовать образованию высшей Научной Коллегии. Ибо только люди наиболее утонченные в своих чувствах и наиболее логичные в своих суждениях в состоянии правильно рассудить, кто из ученых соединяет в себе обе эти способности в высшей степени; а отсюда следует, что члены высшей Коллегии могут быть выбраны только членами академии чувств и академии рассуждений, собравшимся для этой цели на объединенное заседание.

Ученые, выбранные академией чувств и академией рассуждений в члены высшей Научной Коллегии, привлекут к себе наиболее способных правоведов и поручат им придать характер обязательного постановле-

¹⁾ Богатые будут всегда иметь то преимущество перед бедными, что смогут посвятить больше времени своему образованию; поэтому они изучат общую доктрину более глубоко. Но образование наиболее бедных классов все же будет достаточно велико для того, чтобы богатые, не могли использовать им во вред превосходство своих познаний.

ния выработанной ими общей доктрине. Они привлекают также практических политиков, способных дать им полезные советы, и выберут их из всех отраслей государственного управления, чтобы быть в курсе всех вопросов и получать сведения всякого рода; таким образом, они возьмут их из департамента внутренних дел, иностранных дел, военного, морского, финансов, полиции и т. д.

Когда промышленники сначала добьются того, чтобы король поручил наиболее влиятельным из них составление проекта бюджета; когда они затем добьются, чтобы он издал приказ об учреждении трех научных коллегий, о которых мы только что говорили,—тогда общество будет организовано так, как это соответствует современному состоянию просвещения и цивилизации; оно будет организовано наилучшим, какой только возможен для человечества, способом для удовлетворения всех своих моральных и физических потребностей; ибо эти четыре установления образуют самую основу социального строя, наиболее благоприятного для производства и для сочетания всего того, что только может быть самого полезного для людей в моральном и физическом отношениях.

Наконец, когда этот общественный строй будет установлен во Франции, тогда не замедлит осуществиться знаменитое предсказание отцов Церкви: одно социальное учение станет общим для всего человеческого рода; мы увидим, как все народы, один за другим, примут принципы, провозглашенные и проведенные в жизнь французами.

Изложенные только что мысли покажутся сначала странными и не будут приняты тотчас; но ясные умы не замедлят признать, что наш проект организации общества выведен непосредственно из хода развития человеческого ума, и что его принятие является необходимым следствием всей прошлой политической истории европейского общества.

До сих пор священный союз, правительства Франции, Англии и Америки, политические партии, образовавшиеся с начала революции, и публицисты, выступавшие за это время,—все они обсуждали вопросы лишь второстепенной важности; они серьезно занимались только событиями дня; никто из них не встал на точку зрения достаточно высокую, чтобы с нее можно было обозреть все положение в целом. Чтобы выйти из лабиринта, в котором очутились все, кто по профессии или по склонности занимается высшей политикой, необходимо прежде всего решить три вопроса—и притом так, чтобы это решение было доступно всякому человеку с элементарным образованием.

Эти три вопроса следующие:

1) Каким способом можно окончательно преодолеть современный кризис? Какие принципы организации общества подходят к современному состоянию просвещения и цивилизации?

2) Что является истинной, т. е. наиболее общей причиной того кризиса, который вот уже больше пятидесяти лет волнует европейцев как живущих в Европе, так и переселившихся в Америку?

3) Какие из мер, принятых после войны за независимость английских колоний Северной Америки, способствовали преодолению кризиса, который волнует европейцев больше полувека?

Какие из этих мер, напротив, только затягивали кризис?

В о п р о с. Держитесь фактов и отбросьте всякую критику; единственно, что нас интересует и что мы желаем знать, это—удалось ли вам сделать то, над чем напрасно трудились священный союз, правительства Франции и Англии, политические партии, образовавшиеся с начала революции, и публицисты, выступавшие в печати за это время? Мы еще поговорим с вами по поводу тех трех вопросов, которые вы только что поставили. Но наш первый вопрос будет не о том, какие учреждения должны служить основанием для новой организации общества, так как вы уже изложили нам ваши взгляды на этот предмет; прежде всего мы попросим вас резюмировать все сказанное, чтобы иметь возможность обозреть сразу всю вашу систему в целом.

О т в е т. Мы сейчас ответим на ваш первый вопрос; наш ответ заслуживает вашего полного внимания, ибо он является резюмирующим по наиболее важному вопросу, какой только вы можете задать нам.

«Королевская власть, переходящая по наследству в порядке первородства, есть основное учреждение всех крупных политических обществ современности.

«Высшая Научная Коллегия, составленная указанным выше способом, образует инициативный совет его величества.

«Проекты, решаемые в инициативном совете, посылаются на рассмотрение академии чувств и академии рассуждений.

«Эти проекты, после их рассмотрения в академиях рассуждений и чувств, посылаются с замечаниями этих академий в высший административный совет.

«Высший административный совет состоит из наиболее влиятельных промышленников. Он состоит из промышленников, во-первых, потому, что промышленники оказались из всех французов наиболее способными к управлению; а затем потому, что они являются естественными представителями промышленного класса, составляющего громадное большинство нации.

«Этот совет составляет каждый год проект бюджета и контролирует, правильно ли расходовали министры суммы, предоставленные им бюджетом прошлого года.

«Этот совет ассигнует из своего бюджета соответствующие суммы на выполнение тех проектов, которые были представлены на его рассмотрение и были им одобрены.

«Разработанный таким образом проект бюджета посылается в совет министров, который по приказу короля представляет его палатам и следит за выполнением его во всех деталях».

В о п р о с. Это резюме очень ясно; всякий, кто потрудится прочесть его, легко поймет вашу систему. Но недостаточно, чтобы ваша

система была понята, требуется еще, чтобы она была одобрена и принята. А для этого вы должны доказать то, что вы заявили несколькими строками выше,—вы должны показать, что эта система прямо вытекает из всего хода развития человеческого ума, и что ее принятие является необходимым следствием предшествующих событий европейской истории.

О т в е т. Школа Сократа поняла несколько очень важных истин. Она поняла, что человек обладает двумя совершенно различными способностями, хотя и тесно связанными между собою, а именно: с одной стороны, способностью испытывать, вырабатывать и соединять в одно целое чувства, а с другой—способностью мыслить, вырабатывать и соединять в одно целое идеи. Она поняла, что для развития этих двух способностей требуются различные деятельности, которые должны быть предметом изучения двух отдельных школ. И, наконец, она поняла, что развитие чувств должно на первых порах совершаться быстрее, чем развитие идей, почему она и занялась, главным образом, установлением принципов морали.

Сократ заметил, что принципы морали должны быть даны людям со ссылкой на божественный авторитет; он заметил, что вера во многих богов весьма благоприятствует развитию страстей всякого рода, но мешает подчинению всех страстей единой страсти к общему благу; вследствие этого Сократ провозгласил единство Бога.

Школа Сократа признала далее, что правильное и непрерывное развитие философии будет возможно лишь тогда, когда школа чувств и школа суждений сделают крупные успехи и доставят философии достаточно обильные материалы для многочисленных сравнений и комбинаций; она признала в то же время, что лишь тогда можно будет создать организацию общества, непосредственно выгодную для большинства, когда распространяемое обеими школами просвещение проникнет в самые низшие классы общества настолько широко, что полное уничтожение рабства будет самым простым и легким делом.

Мы начинаем историю европейского общества не раньше, чем с Сократа, потому что только с этого времени прогресс цивилизации совершается беспрерывно, потому что Сократ первый устремил человеческий ум к такой цели, что в результате деятельности, начатой этим философом, с необходимостью должна была установиться организация общества, которая непосредственно выгодна для промышленного класса, наиболее полезного и составляющего громадное большинство нации.

В о п р о с. Сократ умер двадцать четыре века тому назад, и история успехов человеческого разума от появления этого великого человека до сих пор представляет достаточно обширное поле для наблюдений, могущих подкрепить ваши суждения. Не пугайтесь же упреков в недостаточности этого ряда наблюдений, покажите наиболее выпуклые черты этой эпохи, и если вам затем удастся ясно, просто и естественно вывести основные положения новой организации общества, которую вы

нам сейчас изложили, то все благомыслящие люди, — в какое бы положение они ни были поставлены случайностью рождения, — с готовностью примут ваши взгляды, т. е. вашу систему.

О т в е т. Историю цивилизации от Сократа до наших дней мы делим на две равные части; каждая из них обнимает двенадцать веков. Первая продолжается от Сократа до того времени, когда арабы, переведя сочинения Аристотеля и восстановив их авторитет, посвятили себя изучению физических и математических наук. Вторая эпоха заключает в себе наиболее важные в истории цивилизации события от Гарун-аль-Рашида и Аль-Мамуна до наших дней.

В о п р о с. Изложите нам первую часть этой истории, т. е. напомним нам наиболее заслуживающие внимание моменты в развитии цивилизации от смерти Сократа до царствования Аль-Мамуна и Карла Великого.

О т в е т. Прежде чем приступить к делу, мы должны сделать несколько замечаний, имеющих целью познакомить вас с особенным характером каждой из этих двух эпох истории цивилизации после Сократа. Эти предварительные замечания чрезвычайно облегчат понимание одного великого факта, о котором мы сейчас будем говорить, факта, имеющего столь же важное значение в политике, как всемирное тяготение в астрономии, факта, который до сих пор еще не был прямо отмечен, но который впоследствии будет служить основанием для всех политических комбинаций так же, как всемирное тяготение служит опорой для всех астрономических вычислений.

Деятельность школы Сократа совершенно прекратилась в смысле обще-философских работ в момент смерти ее основателя; и — замечательная вещь — с тех пор никогда не появлялась истинная философия, не существовало ни одной истинной философской школы; я хочу сказать, что ни один человек, ни одна школа не посвящали себя изучению в одно и то же время моральной и физической стороны человека, уделяя одинаковое внимание той и другой. Наоборот, через несколько лет после смерти Сократа его школа распалась в научном отношении на две отдельные школы, из которых одна занималась преимущественно моральной стороной человека, а другая интересовалась главным образом его физической стороной. Первая трудилась над усовершенствованием чувств, вторая посвятила себя физическим наблюдениям, объединению и систематизации физических фактов. Платон стал во главе первой школы, получившей название академии. Аристотель был основателем второй, которая собиралась в портике, и ученики которой приняли название перипатетиков.

Великий исторический факт, который мы хотим отметить, прежде чем приступить к очерку успехов цивилизации от Сократа до наших дней, состоит в том, что в течение первых двенадцати веков успехам цивилизации больше всего содействовали платоник и, а в продолжение последних двенадцати веков в истории открытий человеческого разума наиболее важную роль играли аристотелики; результатом этого было то, что в течение первой половины великого философского периода, очерк которого мы сейчас дадим, ученые были преимуще-

ственно спиритуалистами, а в течение второй половины этого периода — материалистами. Отсюда мы заключаем, что способности человеческого разума одинаково сильны в области спиритуализма и материализма¹⁾, что в обоих этих направлениях остается сделать одинаково важные открытия, что развитие этих двух способностей одинаково содействует успехам цивилизации, и что истинная философия состоит в том, чтобы науки о моральной стороне человека и науки о физической стороне человека в одинаковой мере способствовали созданию правильной организации общества.

В о п р о с. Перестаньте занимать нас предварительными рассуждениями, перейдите прямо к делу. Дайте нам очерк успехов человеческого разума в области морали в течение первых двенадцати веков после смерти Сократа и докажите нам, что в продолжение первой половины этого великого философского периода школа чувств, или платоническая школа, больше содействовала прогрессу цивилизации, чем школа перипатетическая, занимавшаяся преимущественно изучением законов, управляющих физическим миром.

¹⁾ Словом спиритуализм мы обозначаем изучение моральной стороны человека, а также стремление моралистов подчинить физическую сторону человека его моральной стороне; ничего другого мы не имеем в виду.

Словом материализм мы обозначаем изучение физической стороны человека, а также стремление физиков отодвинуть моральную сторону человека на второй план; ничего другого мы не имеем в виду.

Мы сочли необходимой эту оговорку, чтобы отклонить от себя всякое подозрение в том, что мы были намерены с похвалой отозваться о метафизике, обозначив ее словом спиритуализм. Наше мнение на этот счет таково, что эта отрасль наших знаний имела всегда лишь временную ценность, что в настоящее время она является незаконным, ложным и нелепым направлением, потому что она стремится идеям гадательным и даже совершенно смутным дать перевес над самыми положительными идеями, и что, следовательно, положительная философия должна бороться с метафизикой и насколько возможно дискредитировать ее.

Платон и даже Аристотель примешали много метафизических рассуждений к своим положительным и полезным трудам; но их можно извинить, принимая во внимание скудное количество положительных знаний в то время. Теперь физики очистили свои труды и совершенно освободили их от метафизических размышлений, что дает им большое преимущество над моралистами, идеи которых, вообще говоря, все еще тонут в хламе пустых умствований.

Моралисты, конечно, имеют право на одинаковое положение с физиками; в настоящих условиях они даже могут играть более важную роль в виду того, что изучение морали находилось в пренебрежении в течение двадцати веков, так что сейчас в этой области легче делать открытия, чем в физике; но все это так лишь при том условии, если свои наблюдения над действиями общих или особенных чувств на общество и на отдельные личности они будут излагать очень ясно и без всякой метафизики.

Во второй части этой тетради мы постараемся указать моралистам, каким образом они должны излагать свои идеи, чтобы занять подобающее им место в общем сословии ученых.

О т в е т. В деле изучения морали и чувств Платон сделал крупнейший шаг вперед сравнительно со своим учителем, он расширил основание сократовской доктрины. Сократ провозгласил единство Бога; Платон заметил, что для облегчения работы моралистов, а также для большего удобства изложения их учений единство Божества необходимо разделить; и он провозгласил бытие Троицы.

После смерти Платона школа чувств, во главе которой он стоял, разделилась на несколько школ, которые все бросаются в борьбу с многобожием и создают кодекс морали, основанный на вере в единого Бога, разделенного на несколько лиц или, вернее, рассматриваемого под разными атрибутами.

Когда римляне завоевали Грецию, платоникки бежали в Александрию. В Александрии они соединились с тамошними евреями и создали христианскую школу.

В христианстве, над созданием которого платоникки и евреи трудились вместе, еврейский культ и теории платоников были смешаны в одно целое, и это целое получило название христианства.

Экзальтация чувств была доведена до высшей степени основателями христианской школы; рвение и любовь к общему благу господствовали среди них в большей степени, чем в каком бы то ни было другом сообществе, о котором упоминает история. В школе установилось разделение труда; одни занимались делением всех человеческих действий на добрые или злые, полезные или вредные для их виновников и для общества, угодные или негодные Богу. Труды других заключались в пропаганде христианской морали и связанного с нею культа. Посвятившие себя первому роду деятельности углублялись в пустыни Фиваиды, чтобы вдали от всякой суеты совершенствовать христианскую мораль и разрабатывать статутарную или законодательную часть этой морали. Большинство первоучителей христианства посвятили себя распространению христианской религии, этой удивительной религии, доказавшей свое превосходство над всеми остальными и даже свое абсолютное превосходство, так как народы, принявшие христианство, суть единственные, участь которых беспрерывно улучшалась, единственные, у которых рабство постепенно смягчалось все больше и, наконец, было уничтожено совершенно ¹⁾.

¹⁾ Это произведение осталось неоконченным.

Рассуждения литературные, философские и промышленные

(1825).

Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас.

Некоторые философские рассуждения, могущие принести пользу XIX веку.

Первое рассуждение.

О философии.

Все говорят о философии, каждый произносит свой приговор над философскими трудами, и однако лишь очень немногие ясно понимают отношения, существующие между философскими трудами, с одной стороны, и прочей умственной деятельностью—с другой. Лишь очень немногие имеют отчетливое представление о пути, пройденном философией, и о формах, в которых происходило ее развитие.

Философия есть наука об общих понятиях. Основная задача философов заключается в том, чтобы постигнуть наилучшую для данной эпохи систему общественного устройства, чтобы побудить управляемых и правящих принять ее, чтобы усовершенствовать эту систему, поскольку она способна к совершенствованию, чтобы низвергнуть ее, когда она достигнет высшей степени своего совершенства,—низвергнуть и построить из нее новую при помощи материалов, собранных учеными-специалистами в каждой отдельной области.

Средневековые философы (принадлежавшие все к духовенству, потому что оно было тогда единственным классом, владевшим каким-либо образованием) создали и ввели в жизнь теологическую и феодальную систему, предварительно низвергнув до самого основания те социальные системы, которые были созданы и практически осуществлены греческими и римскими философами.

О превосходстве средневековых философов над античными свидетельствует превосходство трудов первых над трудами греческих и римских философов, т. е. превосходство теологической и феодальной системы общественного устройства над всеми политическими системами, существовавшими у античных народов.

Второе рассуждение.

О состоянии цивилизации у античных народов и о ее развитии у народов средневековых.

Превосходство теологической и феодальной системы общественного устройства над теми формами политического строя, которые были приняты античными народами, очевидно, и, однако, этот факт все еще не обратил на себя внимания лучших умов, ни один философ не заявил еще об этом прямо и открыто. В школе и теперь еще господствуют философские и политические идеи, вышедшие из античной древности; профессора философии не иначе, как с величайшим восторгом и священным благоговением, говорят о законодателях Миносе, Ликурге и Солоне, но они ни единым словом не обмолвятся ни о Карле Великом, ни об Альфреде, ни о Григории VII. Политические системы лакедемонян, афинян и римлян являются для них предметом восхищения, а система общественного устройства, сложившаяся в средние века и политически объединившая все огромное население Европы, кажется им жалкой, не заслуживающей ни малейшего внимания.

Объясним в немногих словах причину этого заблуждения. Вся работа человеческого ума в конечном счете сводится к сравнениям: сказать, напр., что какая-либо вещь хороша или плоха, значит сказать, что она лучше или хуже другой, с которой ее сравнивают. Когда философы нового времени увидели, что теологическая и феодальная система достигла высшей степени своего совершенства, что она неспособна к дальнейшему развитию соответственно прогрессу цивилизации и, следовательно, неминуемо должна быть ниспровергнута, они взялись за критику ее. И вот, чтобы доказать, что она плоха, они нуждались в предмете сравнения. Они не были в состоянии конструировать высшую систему, потому что такая система могла быть осознана лишь после опровержения той, которая тогда существовала. Они решили сравнить ее с предшествующей ей системой греков и римлян и, чтобы достичь своей цели, сопоставили то, что в системе античных народов было лучшего, с тем, что в теологической и феодальной системе было худшего.

Теперь же, когда можно представить себе систему общественного устройства высшую, чем теологическая и феодальная, можно без труда установить превосходство этой последней над системой античных народов. Это и предстоит нам сделать.

Чтобы дать возможность ясно и легко судить о том, что мы говорим по этому поводу в нашем последующем изложении, мы вначале формулируем основные требования, которым должна удовлетворять система общественного устройства; раз это будет сделано, нам останется только сравнить формы политического строя античных народов с тем строем, который водворился у европейцев в эпоху средних веков.

Это сравнение мы проведем только между политической системой греков и римлян и средневековой системой общественного устройства на том основании, что школа без всякого колебания приписывает этим двум народам превосходство во всех отношениях и, в частности, в политике над всеми современными им народами.

И вот, мы утверждаем и не думаем, что кто-нибудь станет это оспаривать:

«Лучшее общественное устройство—это то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, возможно счастливее, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей.

«Это такое общественное устройство, при котором достойнейшие люди, внутренняя ценность которых наиболее велика, располагают максимумом возможности достичь высшего положения, независимо от того, куда их поместила случайность их рождения.

«Это затем такое общественное устройство, которое объединяет в одном обществе наиболее многочисленное население и предоставляет в его распоряжение максимум средств для сопротивления иноземцам.

«Это, наконец, такое общественное устройство, которое приводит в результате покровительствуемых им трудов к наиболее важным открытиям и к наибольшему прогрессу цивилизации и наук».

Сравним теперь в этих четырех различных отношениях греко-римское общество со средневековым.

Первое сравнение. У греков и римлян раб принадлежал непосредственно своему господину, имевшему по отношению к рабу право жизни и смерти.

Не было ни одного закона, ни одного учреждения, ни одного принципа общественной морали, ни одного религиозного правила, которые защищали бы раба и стремились бы ограничить произвол его господина.

При теологической и феодальной системе раб был прикреплен к земле и уже только косвенно принадлежал собственнику земли, на которой он родился. Закон о выкупе преступлений признавал ценность за жизнью раба, за каждым его членом, за всеми частями его тела: его глаза, его уши имели известную цену, так что господин, убивший или изувечивший одного из своих рабов, был обязан вознаградить его детей в определенном тарифом размере.

Общепринятая мораль, равно как и религия, защищали раба против злоупотреблений хозяйского самовластия. Христианская мораль предписывала всем людям видеть друг в друге братьев; она приказывала каждому вести себя по отношению к своему ближнему так, как он хотел бы, чтобы ближний вел себя по отношению к нему самому, а христианская религия учила, что все люди без исключения равны перед Богом.

У греков и римлян господа были всегда вооружены и ежедневно собирались на общественной площади; почти все они жили за оградой

укрепленных городов, между тем как огромное большинство рабов было рассеяно по поместьям, где они исполняли земледельческие работы. Отсюда следовало, что хозяев вовсе не сдерживала боязнь восстаний, которые были почти совершенно невозможны. Напротив, при теологическом и феодальном строе в городах жили, главным образом, ремесленники, хозяева же жили в поместьях и, будучи окружены рабами, были разобщены друг с другом, следовательно, до известной степени связаны боязнью мести со стороны рабов, мести, осуществление которой было возможно и которая иногда действительно осуществлялась, когда рабы приходили в отчаяние от слишком жестокого обращения.

Молодые лакедемоняне часто охотились на илотов, и варварские удовольствия, которые они доставляли себе таким образом, всегда проходили для них безнаказанно. Подобного рода эксцессов никогда не бывало при теологическом и феодальном строе.

Итак, участь людей, составляющих подавляющее большинство общества, была в гораздо меньшей степени несчастна при теологическом и феодальном строе, чем при системе общественного устройства греков и римлян.

Второе сравнение. У греков и римлян общественными делами управляли обыкновенно и почти исключительно патриции: они занимали наиболее важные должности как в области духовной, так и в области светской власти. Сенаторы были патрициями, верховные жрецы, арусики и авгуры были также из патрициев. Должности по общественному управлению, занятые плебеями, имели подчиненный, низший характер и не давали им возможности участвовать в руководящей деятельности власти; в их распоряжении были лишь некоторые средства сопротивления неограниченной власти, врученной патрициям. Плебеи достигали первостепенных ролей только посредством восстаний, да и то значение, которого они таким путем добивались, никогда не могло упрочиться.

В частной жизни плебеи находились почти на положении домашней челяди патрициев: по обычаям того времени, они являлись клиентами наиболее влиятельных патрициев и, в качестве таковых, сопровождали их на улицах и наполняли передние их домов.

Наиболее значительные преимущества, которыми пользовались плебеи в сравнении с рабами, заключались в том, что они сами избирали себе патрона, под защиту которого они становились, что закон защищал их от всякого плохого физического обращения, и что им было сравнительно легко соединяться, чтобы поднимать крупные восстания.

Словом, всякий, кто без предубеждений рассмотрит основные начала общественного устройства греков и римлян, должен будет признать, что все они клонились к выгоде патрициев, составлявших наследственную аристократию; он должен будет признать, что власть, руководящая общими интересами общества, постоянно находилась в руках патрициев, и что эта наследственность политической власти была

еще закреплена законодательством, предоставлявшим отцам право жизни и смерти по отношению к их детям. Это положение вещей препятствовало молодым людям отдаваться служению благородным идеям, стремящимся к установлению равенства, так как оно ставило их в полную зависимость от стариков, которые в гораздо меньшей степени, чем молодые люди, доступны благородным и возвышенным влечениям.

Наконец, если внимательно рассмотреть обстоятельства, препятствовавшие достойным людям, не принадлежавшим к патрициям, достигнуть высшего положения в обществе, то нужно будет признать, как общее правило, что общественное устройство греков и римлян осуждало на неизвестность людей, по своему рождению принадлежавших к наиболее многочисленному классу нации, какова бы ни была по сравнению с патрициями их истинная ценность.

В основании теологической и феодальной системы лежали принципы, резко отличающиеся и в некоторых отношениях даже совершенно противоположные тем принципам, на которых была основана политическая система греков и римлян.

У греков и римлян духовная власть была подчинена светской в качестве ее покорной помощницы.

У европейцев средних веков преобладало влияние духовной власти; духовная власть имела общий характер, светские же власти имели только местное значение.

У греков и римлян духовная власть находилась в руках одних патрициев.

У европейцев средних веков в течение всего времени, пока была в силе теологическая и феодальная система, духовной властью руководили обыкновенно плебеи.

Словом, у греков и римлян интересы общественные были доверены патрициям, между тем как во главе европейского общества в качестве его руководителей в продолжение всего средневековья стояли плебеи.

Ведь духовенству, состоявшему преимущественно из плебеев и постоянно ими руководимому, — даже в тех немногочисленных случаях, когда папы были избраны из числа патрициев, — обязано человечество прогрессом цивилизации от Гильдебранда до XVI века. А этот прогресс был неизмерим: он поднял человеческий ум на такую высоту, которой он не достигал даже в самую блестящую эпоху истории греко-римского общества.

Ведь именно католическое духовенство произвело распахки, которые имели место в Галлии, Германии и на всем севере Европы, именно оно направляло и лично выполнило первые работы этого рода.

Это духовенство сделало европейцев способными к интеллектуальному прогрессу, заботливо поддерживая в течение всех средних веков во всех частях Европы школы, где учили читать и писать.

Это духовенство сохранило все памятники науки, литературы и искусства, созданные греками и римлянами и пережившие грабежи варваров.

Это духовенство наложило узду на воинственный пыл главарей светской власти, установив божий мир.

Это оно начало облегчать сношения, побуждая к постройке мостов и дорог, отпуская грехи тем, кто посвящал себя такого рода деятельности.

Это оно ввело в законодательство нормы, защищающие частные интересы в гражданском и уголовном процессах.

Оно одно, наконец, занималось науками и другими отраслями умственной деятельности, начиная от Гильдебранда и до Лютера.

На похвалы, расточаемые нами общественному строю, отдавшему высшее руководство общественными интересами в руки духовенства, нам возразят, быть может, что и у египтян духовная власть имела преобладание над светской и что она также находилась в руках плебеев того времени.

На это мы ответим, что счастливая особенность теологической и феодальной системы заключалась в том, что духовенство было политической связью, соединявшею все европейские народы, и что духовная власть была заключена в границы, из которых она никак не могла выйти, не вызывая крупнейших затруднений для общества. Духовенство руководило общими интересами всех европейских народов, но оно не управляло непосредственно ни одним из них, между тем как египетские жрецы совершенно поглотили светскую власть и привели все население Египта к подчинению монашескому режиму и к полной моральной апатии.

Из этого второго сравнения, которое, на наш взгляд, не нуждается в дальнейшем развитии, мы сделаем тот вывод, что достойные люди, к какому бы классу они ни принадлежали по своему рождению, имели у средневековых европейцев гораздо больше возможности подняться на высшую ступень, чем у греков и римлян.

Третье сравнение. Римский народ был несравненно многочисленнее любого из греческих народов, и все-таки он никогда не насчитывал 500.000 граждан в одном поколении.

Национальная территория римлян была гораздо обширнее территории любого народа Греции, но она никогда не достигала размеров Нормандии.

Римляне называли варварским все, что не было римским, и говорили: «для варваров рабство или смерть». Тот же антигуманный принцип был еще ранее усвоен греками, видевшими в иностранцах врагов и считавшими их и все им принадлежащее хорошей добычей, если только ее можно было захватить.

Греки и римляне, поставив себя в положение врагов человечества, должны были в конце-концов быть им завоеваны и уничтожены, как

политические общества. Ибо, несмотря на превосходство в военных способностях и в интеллектуальном развитии, они были слабее остальной части человечества, которую они объединили против себя, объявив всех иноземцев своими врагами; их гибель была тем вернее, чем больше они неизбежно ослабляли себя по мере увеличения своих завоеваний.

Вследствие этого коренного недостатка общественного устройства греков и римлян их политическое общество было, наконец, совершенно уничтожено.

Противоположное положение дел было у европейцев средних веков с того времени, как они приняли теологическую и феодальную систему общественного устройства: их политическое общество оказалось состоящим из 60 с лишним миллионов человек, и вся центральная и западная Европа принадлежала им, как достояние их общества.

Затем это общество непрерывно увеличивалось, как в отношении размеров его территории, так и в смысле увеличения числа его членов.

Оно подверглось сначала яростному нападению сарацинов и саксов, но саксы были обращены в христианство и присоединились к средневековому обществу; что же касается сарацинов, то оно изгнало их силой из Франции и оттеснило на юг Испании; оно перенесло затем войну в их собственную страну и заставило их, таким образом, отказаться от всякой новой попытки завоеваний в Европе.

Таким же образом это общество сначала отразило, а затем обратило в христианство и присоединило к себе народы севера, долго тревожившие набегами его морское побережье.

Наконец, через несколько столетий, это общество достигло такой степени превосходства над всей остальной частью человечества, что ему нечего было бояться иноземцев.

Провозглашенному христианской религией принципу: «все люди должны считать себя братьями», обязаны европейцы средних веков тем преимуществом, которым они пользовались, — видеть, как непрерывно растет значение их политического общества, как оно становится многочисленнее любого из существовавших раньше, как оно достигает, наконец, такой степени прочности, что, начиная с XV века, перестает опасаться какого-либо нападения со стороны иноземцев.

Итак, в результате этого третьего сравнения становится очевидным, что основанное в средние века теологическое и феодальное общество имело лучшее политическое устройство, чем то, которое было принято греками и римлянами, так как это общество было гораздо многочисленнее и имело в своем распоряжении больше средств сопротивления против иноземцев, чем все предшествовавшие общества; так как оно получило, наконец, безусловное преобладание над всей остальной частью человечества.

Четвертое сравнение. Языки, письмо и число изобрели античные народы. Они же создали первые орудия, при помощи которых человечество могло начать исполнение больших работ.

Античные народы положили начало искусствам; они подняли их на такую высоту, какой они никогда не достигали.

В области прямого изобретения, в области изображения, действующего непосредственно на чувства, античные народы остались нашими учителями.

Необходимо признать, что работы античных народов в этой области не были превзойдены никем из их преемников.

Но что касается глубоких наблюдений, обширных вычислений, отвлеченных идей, что касается познания законов, управляющих явлениями природы, — здесь античные народы не вышли из периода детства. Физические и математические науки были им почти совсем неизвестны, а идеи общей морали, разработанные ими, имели для них только теоретическую ценность, они вовсе не представляли себе возможности применить их к политике.

Мысль, что солнце больше Пелопоннеса, казалась грекам безумной и бессмысленной выдумкой.

Что касается политики, то они считали все народы враждебными, непримиримыми врагами. Они много трудились над тем, чтобы открыть для каждого из них средства достичь господства над всеми прочими, но они не делали никаких усилий, чтобы дать им понять, насколько в их интересах было соединиться и сочетать свои силы для воздействия на природу и для изменения ее таким способом, который наиболее благоприятствует увеличению их благосостояния.

Военное сословие, казалось им, должно всегда преобладать; промышленный труд они считали унижительным, и поэтому весьма многочисленный класс рабов был, по их мнению, необходимым условием политического существования.

Они могли изобрести лишь такое общественное устройство, при котором руководящая власть принадлежит по праву рождения аристократии. Общество было у них разделено на три больших класса: господ, имевшие рабов, господа, их не имевшие, и рабы. Господа, не имевшие рабов, находились по необходимости в зависимости от тех, которые их имели, так как работы, посредством которых они могли бы добыть себе пропитание, считались унижительными, и они не могли ими заниматься; к тому же политическая деятельность, приводившая их часто на общественные площади, все равно отвлекала бы их от производительной работы.

Духовную власть они могли представить себе только в виде помощницы светской власти. Они и не предчувствовали, что общая мораль была той наукой, которая должна была регулировать деятельность общества и что лучшим средством ускорить прогресс цивилизации являлось создание учреждения, стоящего над всеми военными и светскими властями, каковы бы они ни были, — учреждения, на обязанности которого лежали бы заботы о преподавании и сохранении общей морали.

Европейцы средних веков стали на более высокую точку зрения, чем античные народы, и они двинулись вперед.

Они были того мнения, что система искусств достаточно развита их предшественниками в сравнении с состоянием цивилизации. Они не стали заниматься их дальнейшим совершенствованием: все свои силы и все свое внимание они посвятили системе морали и политики ¹⁾.

Античные народы завершили свою деятельность созданием христианской религии, содержащей в себе принципы наиболее чистой общей морали, но они не сделали никакого политического применения из того высокого учения, которое они создали. Средневековые европейцы положили в основу своей общественной организации принципы христианской религии, которую они принизили и которой они дали форму католицизма или папской религии, чтобы приспособить ее к тому невежественному состоянию, в котором находилась Европа после длинного ряда нашествий варваров, вышедших из северных стран.

Если рассмотреть с философской точки зрения ход развития цивилизации в продолжение средних веков, то необходимо признать, что деятельность человеческого ума в течение этого большого промежутка времени последовательно носила на себе три весьма ярко отличающихся друг от друга отпечатка.

В продолжение IX, X, XI и XII веков, а также первой половины XIII века, отличавшиеся интеллектуальными дарованиями европейцы занимались исключительно усовершенствованием системы общественного устройства: им предстояло разрешить весьма трудную задачу.

Они должны были смягчить участь рабов и подготовить полную отмену рабства.

Они должны были поставить философов-моралистов выше военных, мирных людей выше любителей войны и предоставить бедным господам, т.-е. тем, которые не имели рабов, почетные средства существования и возможность подняться на такую общественную ступень, которая соответствовала бы проявляемым ими способностями и оказываемым обществу услугам.

Затем они должны были обеспечить на неопределенное время существование нового общества, побудив его принять такие принципы общей политики, которые не вызывали бы против него вражды остальной части человечества и обладали бы такими свойствами, что общество легко могло бы вступить в союз с народами, которые иначе были бы его ожесточенными врагами.

¹⁾ Многие века отделяют общественную систему греков и римлян от той системы, основателями которой были Карл Великий и Григорий VII; эти века следует рассматривать, как переходную эпоху: вследствие слабости человеческого интеллекта, полное разрушение системы должно предшествовать теоретической разработке и практическому проведению в жизнь той системы, которая призвана ее заменить.

Варвары оказали неизмеримую услугу человечеству, совершенно разрушив общественное устройство, установленное греками и римлянами.

Они должны были, наконец, предоставить человеческому интеллекту средства для развития и для выполнения работ, направленных на изучение законов, управляющих явлениями природы; в то же время они должны были содействовать усилиям индустриалов, стремящихся преобразовать материю таким образом, чтобы возможно более приспособить ее к нуждам и потребностям общества.

Эта задача была великолепно разрешена Карлом Великим, Альфредом, Григорием VII и многими другими деятелями, гениальность которых будет несомненно признана всеми, кто рассмотрит результаты их деятельности.

Основанием теологической и феодальной системы служили принципы, провозглашенные греческими мыслителями и иудейскими философами, собравшимися в Александрии, где они создали христианскую философию. Но какую огромную работу пришлось совершить средневековым философам, чтобы применить эти принципы к общественному устройству, соответствующему тем условиям, в которых они находились!

Христианская религия была по своей сущности демократической и она неизбежно привела бы общество к анархии, если бы захотели применить ее во всей ее чистоте к политической системе. Средневековые философы поставили на ее место католическую религию, которая была по своей сущности монархической и удовлетворяла поэтому условиям, необходимым для создания нового общественного устройства.

Чтобы произвести столь большое изменение основных идей, нужно было предварительно превратить великий принцип непогрешимости Церкви, под которым первоначально принималась непогрешимость большинства верующих, в непогрешимость духовенства, а эту последнюю затем — в непогрешимость пап.

Необходимо было также превратить воодушевлявшее раннее духовенство бескорыстие в чувство совершенно противоположное, в любовь к богатству, чтобы внушить духовенству стремление к отстаиванию его материальных интересов, — единственное средство, которое можно было употребить, чтобы создать из духовенства истинно-политический институт.

Наконец, чтобы произвести замену христианской религии, слишком чистой для политики и поэтому непримиримой в политической области, религией католическою, необходимо было изобрести ложные декреталии и совершить множество других изобретений; все они достойны внимания, потому что благодаря им приобретало прочность европейское общество, — общество, ставшее славой и надеждой человечества.

Словом, в глазах философов является теперь неоспоримой истиной, что материальная власть, иначе говоря, богатства, принадлежавшие в течение средних веков духовенству и, в частности, папам, были в их руках необходимым орудием подчинения военного управления управлению научному, а сильных страстей — интеллектуальным способностям европейцев, вплоть до эпохи, когда появился Людовик IX.

Деятельностью, в основе которой лежали принципы высшей морали, этот философ дал новое направление трудам европейского общества; этот человек, удивительное для той эпохи явление, кажется, составил план энциклопедии.

В продолжение IX, X, XI и XII веков, а также первой половины XIII века европейцы занимались, как мы выше показали, почти исключительно устройством и упрочением их политического общества, и только около середины XIII века, в результате тех политических трудов, которыми они почти исключительно занимались в течение пяти предшествующих столетий, они, наконец, опередили остальную часть человечества, прониклись сознанием своего превосходства и почувствовали, что им нечего больше бояться иноземцев.

Не опасаясь больше иноземцев, европейцы могли располагать большей частью тех интеллектуальных сил, которые они до сих пор затрачивали в области внешней политики и они тотчас решили дать этим силам такое употребление, чтобы они самым положительным образом содействовали увеличению их благосостояния.

Для достижения этой цели класс плебеев посвятил свои силы одновременно двоякого рода деятельности: одна часть плебеев стала изучать законы, управляющие явлениями природы, а другая начала развивать различные отрасли промышленности. Плеbei-миряне отдали свои силы промышленности, между тем как плеbei, входившие в состав духовенства, обратились к изучению физических и математических наук. Роджер Бэкон был величайшим физиком этой эпохи и Роджер Бэкон был монахом.

Необычайно важно отметить тот факт, что именно духовенство начало заниматься физическими и математическими науками, что почти исключительно оно одно их развивало вплоть до XV века. Этот факт доказывает, что существование духовенства было в высшей степени полезно для общества до XV столетия, — вывод, находящийся в прямом противоречии с ложными философскими взглядами, еще теперь господствующими в науке. Совершенно очевидно, что именно духовенству мы обязаны прогрессом цивилизации до XV века, а наши писатели обвиняют еще духовенство в том, что оно было величайшим препятствием развитию просвещения.

Перейдем теперь к обзору третьего периода теологической и феодальной системы. Этот период обнимает XV и XVI века.

Великие открытия никогда не происходят случайно, они всегда являются следствием трудов, подготовивших человеческий ум к тому, чтобы их задумать или заметить.

Изобретение компаса, произошедшее задолго до XV века, с одной стороны, и успехи, достигнутые мореплаванием в течение XIII и XIV веков, с другой, доставили европейцам XV века средства к открытию Америки. Открытие Америки имело самое благотворное философское влия-

ние на систему идей, так как оно дало людям возможность реально познать размеры планеты, на которой они живут, и рассеяло представление, согласно которому вся вселенная была создана для человека. Это представление, делавшее человека высокомерным и малоспособным к деятельности, направленной на улучшение его положения и увеличение его реального благосостояния, оказалось явной нелепостью, когда выяснились размеры нашей планеты в сравнении с величиною других небесных тел.

Сделанные в течение XIII и XIV веков астрономические наблюдения, а также успехи математики в течение этого подготовительного периода дали канонику Копернику возможность открыть истинное строение солнечной системы.

Сделанные в течение XIV века первые попытки гравирования, имевшие целью быстро увеличить число копий с рукописей, привели людей XV века к изобретению книгопечатания посредством подвижных литер.

То, что мы выше сказали по поводу сделанных в течение XV века открытий, есть не более, как частное соображение по этому вопросу. Рассмотрим это удивительное столетие с более общей и более высокой точки зрения.

Европейцы XV века отличились не только своею деятельностью в области физических и математических наук, в области искусств и ремесл, они в то же время с увлечением работали в наиболее важных и наиболее обширных областях, доступных человеческому уму, они были энциклопедистами, первыми энциклопедистами, когда-либо существовавшими. Они воссоздали искусства, они возродили высокую мораль христианской александрийской школы. С одной стороны, они освободили эту мораль от того принижения, которому подверг ее католицизм, а также от всех тех суеверий, которыми ее отяготил; с другой стороны, они развили дальше это учение, изгнав из него все представления, противоречившие открытиям, сделанным в области естественных наук со времени его создания. Таким образом, люди XV века отличились своей деятельностью одновременно и в области эстетических и религиозных наук, и в области физических и математических наук, и в области искусств, и в области ремесл. Итак, они были, как мы уже сказали, энциклопедистами, ибо нет ни одного вида полезной деятельности, который не входил бы составной частью в одно из вышеуказанных четырех делений.

Что особенно замечательно, так это то, что истинные вожди народа, т. е. люди руководящие его повседневными занятиями, стали во главе этого движения, что они покровительствовали этому общему порыву человечества, направляли и регулировали его. Все Медичи были купцами и фабрикантами; они же играли самую блестящую и важную роль в XV веке.

Таким образом, в XV веке власть над миром перешла, наконец, в руки здравого рассудка, в руки здравого смысла. ¹⁾

XV век был наиболее достопримечательной эпохой в истории развития человеческого ума; все предшествующие труды должны быть рассматриваемы только как предварительная и подготовительная деятельность. Может показаться, что в эту эпоху все когда-либо жившие великие люди вышли из своих могил и соединились в одно целое, что бы обдумать, как направить все интеллектуальные способности к одной цели— к увеличению благосостояния человечества. Только в эту эпоху люди овладели всеми интеллектуальными средствами, необходимыми для сочетания их сил и способностей на всех поприщах мирного труда.

С тех пор можно уже было предвидеть осуществление того великого нравственного, поэтического и научного переворота, который должен переместить земной рай и перенести его из прошлого в будущее.

Этот интеллектуальный переворот несомненно самый важный из всех, какие только могут быть совершены: он самым непосредственным образом улучшит положение общества, развивая его нравственность: он уничтожит ложное и подавляющее бодрость представление, что добро предшествовало злу; он создаст истинное, утешительное и весьма возбуждающее силы представление, что труды которым мы отдаем свою жизнь, увеличат благосостояние наших детей,—представление по своему существу религиозное, так как оно обещает небесный рай в виде конечного воздаяния за все труды, способствующие улучшению положения человечества в течение всего его земного существования.

Этот вопрос рассуждения мы резюмируем так: теологическая и феодальная система, сложившаяся в средние века, подвинула развитие цивилизации гораздо дальше, чем политическая и религиозная система греков и римлян; она дала в конечном результате труды XV века, поставившие современные народы неизмеримо выше античных.

¹⁾ Мы употребляем выражение «здравый рассудок», «здравый смысл» в их прямом значении. Под «здравым рассудком», «здравым смыслом» мы понимаем рассудок, взгляды наибольшего числа, абсолютного большинства. Наша цель—отметить, что только в эту эпоху голос народа мог и должен был рассматриваться, как голос Бога.

Большинство общества всегда состояло и всегда будет состоять из рабочих, занимающихся ручным трудом; стало-быть, предприниматели промышленных работ оказываются, в силу природы вещей, руководителями и представителями взглядов большинства.

В XV веке, впервые со времени существования мира, голос народа, провозглашенный Медичи, проявил свой воистину божественный характер, ибо тогда впервые народ через посредство своих вождей ясно оказал свое покровительство наукам, искусствам, философии и всему мирному труду, способному увеличить физическое и моральное благосостояние человечества.

Начиная с XV века, философы должны были заниматься, главным образом, разрушением теологической и феодальной системы, так как сделанные в это время открытия доставили необходимые данные для создания гораздо высшей, чем средневековая, системы общественного устройства.

Так как к настоящему времени труды по разрушению уже достаточно подвинулись вперед и на пути создания новых принципов стоят лишь незначительные препятствия в виде предрассудков, то философы должны соединить свои силы, чтобы создать общественную систему, соответствующую современному состоянию знаний и цивилизации.

Третье рассуждение.

О развитии цивилизации с XV века.

Разрушение политического общества, играющего главную роль в мире, и преобразование политического общества на основе новых учреждений являются самым важным и самым трудным делом,—делом, требующим несравненно больше времени, чем любая другая деятельность нашего интеллекта.

Не следует поэтому удивляться тому, что понадобились многие века для полного разрушения политической системы, созданной греками и римлянами и для подготовки того общественного устройства, которое ввели у себя средневековые народы.

Еще менее следует удивляться тому, что, начиная с XV века и до нашего времени, европейские философы занимались исключительно тем, что, с одной стороны, разрушали теологическую и феодальную систему, а с другой—подготавливали организацию научной и промышленной системы; нас не удивит и тот факт, что они еще не выработали ясных взглядов относительно учреждений, которые должны служить основанием нового общественного устройства.

Разрушение теологической и феодальной системы началось с критики того института, который имел безусловно преобладающее значение в системе.

Вера в святость папы подверглась прямому нападению со стороны Лютера ¹⁾ и косвенному—со стороны Коперника.

¹⁾ Лютер оказал европейцам очень крупную услугу, напав на власть пап, которую он уничтожил на всем севере и влияние которой он значительно подорвал у тех народов, которые продолжали исповедовать католическую религию, несмотря на то, что власть пап перестала уже соответствовать приобретенным знаниям и нуждам общества. Но не следует скрывать от себя, что взгляды Лютера имели ценность только постольку, поскольку в них была критика. Если же рассмотреть их по существу, и при том не сравнивая их с католической религией, то нужно будет признать, что они совсем неправильны и ни в какой мере не могут служить руководством для человеческого ума.

Мораль и религия, созданные Лютером, ничуть не соответствуют современным потребностям общества. Этот реформатор хотел восстано-

Лютер упрекал религию пап в том, что она принизила христианскую мораль. Он проповедовал, что превращение непогрешимости, первоначально приписывавшейся мнению совокупности верующих, в непогрешимость папы принесло большой вред обществу. Он доказывал, что римская курия злоупотребляла неограниченной властью, которую она присвоила себе в духовной и в светской областях.

Коперник доказал, что вселенная не могла быть создана для человека, так как он играет в ней весьма второстепенную роль: планета, на которой он живет, принадлежит к числу наименьших из тех планет, которые известны, и при том она вовсе не находится в центре мира, как то думали античные народы, а вращается вокруг солнца, которое, в свою очередь, вращается вокруг других, гораздо больших небесных систем.

Труды, начало которым было положено Лютером и Коперником, стояли в центре внимания школы и всего общества, вплоть до отмены Нантского эдикта.

К этому времени папство окончательно потеряло свое преобладающее влияние на светскую власть, так как северные государства создали независимые от папы органы духовной власти, а южные государства принудили его отказаться от притязаний на политическое и религиозное всемогущество,—притязаний, которые он в качестве наместника Бога на земле заявлял до этого времени. Начиная с этой эпохи, философы видят в критике духовной власти только свою побочную и второстепенную задачу.

Совершенно опровергнув с теологической и научной точек зрения принципы, служившие основанием духовной власти в теологической и феодальной системе, критики направили свои главные силы на критику светской власти.

Вольтер, Дидро, д'Аламбер и все знаменитые писатели XVIII века, как во Франции, так и в остальной части Европы, доказали, что короли оказали большую услугу народам, подавив крупных вассалов, вырвав из рук знати всю действительную политическую власть, которая находилась в ее распоряжении, и овладев всеми частями сувере-

вить христианскую религию в том виде, какой она имела при своем возникновении, но эта мысль несостоятельна.

Первоначальной целью христианской религии было уничтожение рабства. Достигнув этой цели, религия должна поставить перед собою новую, дальше и впереди первой, а именно создание общественного устройства, обеспечивающего непрерывный труд всем пролетариям, позитивное образование всем членам общества и развлечения, которые могли бы развивать их интеллект.

Религия Лютера несостоятельна еще в другом отношении: этот реформатор исключил из своего культа действие искусств, а это ошибочно, так как теология—сестра искусств.

Этот вопрос мы рассмотрим ближе в другом рассуждении.

нитета, рассеянного среди баронов. Эти писатели доказали, что наследственная аристократия должна быть упразднена, так как она не нужна больше для поддержания общественного порядка.

Другие важные труды занимали все общество, начиная с XV века и до нашего времени. Эти труды были двоякого рода: одними занимались ученые, другими — промышленники. Рассмотрим сначала деятельность промышленников.

Промышленники вступили в союз с королевской властью против дворянства, и, благодаря оказанной ими поддержке, короли получили возможность овладеть политической властью, находившейся в руках дворян.

В обмен за услуги, оказанные королевской власти, промышленники получили ее покровительство, пользуясь которым они окончательно вышли из того рабства, в котором находились.

Затем промышленники организовались и, опираясь на свою организацию, превратились, наконец, в крупную социальную силу, силу мирную, но более внушительную, чем сила военная, во главе которой и до сих пор остались дворяне. Сила промышленников такова, что короли, не опасаясь затруднений, могут поручить им управление светской властью и тем избавить общество от дворянства, являющегося для него теперь только бременем.

Организация промышленников совершилась посредством учреждения банка: банк связывает между собою все отрасли промышленности и дает то или иное политическое применение ее капиталу.

Люди науки и искусства, со своей стороны, вступили в союз с королями: они доставили королям средство свергнуть иго пап, борясь с помощью ученых доказательств и чар искусства¹⁾ против суеверных представлений народа, на которых папы основали свое всемогущество.

¹⁾ До XV века внимание народов привлекали всегда религиозные идеи; они не забывали их и тогда, когда отдавались веселью. Крестные ходы были большими общественными увеселениями. В театрах ставились мистерии. Музыка состояла, главным образом, из церковных песнопений. Самыми лучшими подарками считались священные реликвии. Такого рода развлечения предоставляли, очевидно, папам большие политические преимущества в сравнении с королями.

Получив свободу, художники взяли на себя заботу об общественных развлечениях.

Изображение великих исторических событий, картины нравов заняли в театрах место мистерий. Изящные декорации, изображающие красивые пейзажи, веселые балеты заменили крестные ходы. Церковное пение перестало быть единственным видом музыки; музыканты нашли средства вызывать своими звуками различные чувства. Об'единившись с поэтами, они направили общие усилия на освобождение людей от власти мистифизма. Наконец, священные реликвии перестали считаться лучшими подарками; шедевры живописи и скульптуры начали казаться самыми ценными вещами, какими только может владеть человек.

Этот новый род развлечений, несомненно, дал королям большое политическое преимущество в сравнении с папами.

В обмен за оказанные королям услуги, ученые и художники получили их покровительство, заключавшееся в том, что короли взяли на себя труд организовать их в академии наук и искусств. Эти академии они сделали независимыми от духовенства; это было, конечно, необходимо, так как в противном случае богословы мешали бы их развитию, противопоставляя непогрешимость пап их рассуждениям и их стараниям привлечь общественное внимание к наиболее полезным для общества занятиям.

Мы не считаем нужным в данный момент вести это рассуждение дальше. Мы хотели только констатировать здесь факт, имеющий при данных обстоятельствах очень большое значение, а именно, что королевская власть была тем учреждением, которое служило точкой опоры новаторам как в духовной, так и в светской области.

Четвертое рассуждение.

О попытках преобразования общества с 1789 года.

Начиная с XV века и вплоть до 1793 года, европейцы весьма горячо трудились над разрушением теологической и феодальной системы, но они никак не могли возвыситься до того, чтобы открыть систему, которая должна была занять место уничтожаемой ¹⁾.

И только в 1793 году было положено начало трудам, направленным на преобразование общества.

Начиная с этого времени, общество было подвергнуто четырем экспериментам, которые мы и рассмотрим один за другим.

¹⁾ Нам могли бы возразить, что англичане преобразовали свое общество со времени XV века. На это мы отвечаем:

1) Английское общественное устройство вовсе не отличается коренным образом от организации, установившейся в Европе в средние века; оно есть не что иное, как та же, хотя и измененная, теологическая и феодальная система.

2) Европейцы континента восхищаются английской конституцией только потому, что они мало с ней знакомы; в самом деле, подвергнув ее анализу, придется признать, что в этой системе правительство представляется врагом народа,—врагом, против которого народ должен как можно лучше обороняться. В результате мы видим непрерывную борьбу между анархией и деспотизмом, а она, конечно, вовсе не является спокойным и устойчивым порядком вещей.

3) Наконец, мы просим обратить внимание на то, что английское общественное устройство может существовать только у изолированного народа, к обществу же, состоящему из многих народов, его применить нельзя, потому что это общественное устройство имеет своим основанием национальный эгоизм.

Первый эксперимент, произведенный над французским обществом, заключался в попытке привить ему нравы и учреждения греков и римлян ¹⁾.

Эта в корне несостоятельная идея принадлежала наиболее фанатичным революционерам. Для успеха такого рода попытки прежде всего следовало бы: 1) обратить вновь в рабство девятнадцать двадцатых населения; 2) вырвать с корнем из всех сердец те высокие принципы общей морали, которые с трудом внедрила в них христианская религия; 3) довести европейские народы до столь малой численности, чтобы каждый из них мог ежедневно собираться на общественной площади и там совещаться по поводу своих общих интересов.

Этот первый эксперимент был до такой степени нелеп, что попытка одеть человека пожилого возраста в детскую одежду не показалась бы более смешной. Этот эксперимент имел в известном смысле ретроградный характер и, следовательно, был ошибочен.

Второй эксперимент был произведен Бонапартом, пытавшимся воскресить век Карла Великого. Этот эксперимент не был так нелеп, как первый, так как его ретроградность не шла столь далеко назад.

Но то, что у Карла Великого носило печать гения высшего порядка, было у его подражателя Бонапарта не чем иным, как философским вздором, поддерживаемым большим талантом и сильной волей.

Попытка Бонапарта сначала имела блестящий успех и увлекла французский народ, оьяненный его военными победами; в особенности она встретила полное одобрение у раболовной и жадной части этого народа: ведь люди, соглашавшиеся стать пассивным орудием в руках завоевателя, были осыпаны добычей. Но учреждения, основанные этим генералом, — способнейшим из революционеров и наиболее склонным к плагиату законодателем, — имели на деле для Франции, как и для всей Европы, ценность только с точки зрения разрушения; они ни в каком случае не могли упрочиться по двум причинам.

Прежде всего, социальная система, созданная Бонапартом, была основана на материальном порабощении Европы Францией. Такое положение не могло соответствовать интересам Европы и поэтому обречено было на непродолжительное существование, так как французы слабее остальной части населения Европы.

Второй причиной, относящейся к внутреннему положению Франции, был коренной порок этого строя, состоявший в том, что он поставил во главе народа новую знать. При жизни первого поколения это поло-

¹⁾ Обзор попыток преобразования общества мы начинаем с 1793 года. Мы не говорим здесь о конституции 1791 года, потому что она в действительности имела ценность лишь постольку, поскольку она разрушала. Она уничтожала королевскую власть, являющуюся фундаментальным и необходимым институтом современных обществ, и не создавала взамен ее никакого иного основного установления. Учредительное Собрание было в действительности революционнее всех последующих: слова бессильны изменять положение вещей.

жение вещей лишь слегка оскорбляло получившее господство чувство равенства, но, начиная со второго поколения, это чувство необходимо должно было возмутиться.

Таким образом, система общественного устройства, созданная Бонапартом, в известном смысле ретроградная, не могла упрочиться ни в Европе, ни во Франции.

Третий эксперимент, которым занимаются и теперь еще, заключается в перенесении на континент английской конституции.

Эта попытка бесспорно предпочтительнее первых двух, так как то попятное движение, которое она стремится осуществить, гораздо слабее. Но она все же ошибочна.

Она ошибочна, прежде всего, потому, что ставит себе целью навязать народам континента такую форму общественного устройства, которая была создана и введена в жизнь больше столетия тому назад, когда континентальный разум еще не получил свободного полета в области политики. С того времени, однако, все отрасли наших знаний—и, в особенности, практическое применение моральных и политических наук—сделали столь огромные успехи, что мы располагаем средствами для создания общественной системы, которая представляет несравненные преимущества перед системой, созданной англичанами больше столетия тому назад.

Эта попытка ошибочна еще в том отношении, что английский политический строй имел своей целью и результатом подчинение королевской власти аристократии, но это, очевидно, противоречит ходу развития цивилизации. У греков и римлян в общественном организме безраздельно господствовала наследственная аристократия, королевская же власть, как правовой институт, зародилась лишь в средние века. Институт королевской власти с самого своего появления был институтом народным, короли всегда стремились ограничить власть наследственной аристократии; их назначение, несомненно, заключается в том, чтобы уничтожить этот вид аристократии, и поэтому задача священного союза—провозгласить и осуществить уничтожение английского политического строя.

Эта попытка ошибочна, наконец, в том—третьем—отношении, что английское политическое устройство создано островным народом и притом лишь для себя. Ведь островитяне не в состоянии подняться на такую высоту мысли, чтобы обнять одним взглядом интересы народов континента вместе с населением примыкающих к нему островов.

Словом, перенесенная на континент английская конституция не может дать нам средства для достижения поставленной великой цели—преобразования европейского общества.

Однако, несмотря на сказанное, мы считаем перенесение английских политических идей на континент полезным для народов континента как в прошлом, так еще и в настоящем постольку, поскольку они облегчают переход от феодального строя к промышленному.

Рассмотрев основы политического строя Англии, мы придем к выводу, что английская конституция есть нечто среднее между феодальным и промышленным строем.

Лорды являются крупными землевладельцами; их земельная собственность закреплена за их семьями посредством наследственного права; высшая национальная власть находится в их руках, ибо они — крупные земельные собственники, т. е. самые крупные капиталисты. Вот в каком отношении английский политический строй является еще феодальным.

Но все лорды являются крупными денежными участниками промышленных предприятий и оказываются, таким образом, лично заинтересованными в процветании промышленности. Помимо этого, английской аристократии пришлось бы вступить в явную борьбу с массой населения, если бы она не старалась всеми силами способствовать промышленному развитию. Вот в каком отношении английский политический строй является промышленным.

Если рассмотреть затем, каким должен быть промышленный строй в полном смысле слова, — а к нему несомненно человечество стремится, — то нужно признать, что при этом строе заведывание общественным благосостоянием должно лежать на обязанности руководителей промышленных предприятий, так как класс руководителей бесспорно обладает промышленными способностями в большей степени, чем класс простых вкладчиков.

Перейдем к рассмотрению четвертого эксперимента. Он существенно отличается от первых трех: вместо того, чтобы способствовать регрессу цивилизации, он двигает ее самым положительным образом вперед.

Речь будет, очевидно, идти о священном союзе. Немногих слов будет достаточно, чтобы доказать, что союз великих держав, образовавшийся с целью упрочить за собою высшую власть над Европой, дал уже Европе величайшее социальное благо; точно также немногих слов будет достаточно, чтобы доказать далее, что этот союз является естественным результатом предшествующего развития цивилизации, и что он представляет собою наилучшее средство для перехода от феодального строя к промышленному.

Священному союзу обязаны мы бесспорно всеобщим миром, царящим в Европе; равным образом не подлежит сомнению, что священный союз непосредственно заинтересован в поддержании этого мирного положения возможно более долгое время. А ведь мир представляет собою самое великое из всех социальных благ, потому что он один в состоянии самым скорым и верным путем привести к открытию наилучшего строя аграрных, промышленных, торговых и политических отношений. Итак, существование священного союза полезно европейцам.

Королевская власть с самого своего возникновения неизменно защищала интересы народа против феодальной аристократии и против того самовластия, которое духовенство пыталось установить при помощи

слепой веры; следовательно, королевская власть должна пользоваться любовью народов европейского континента. Исторический опыт доказал, что это действительно так, ибо даже тот народ, который стал очагом революции, усердно старался восстановить у себя королевскую власть, сначала учредив новую династию, а затем быстро вернувшись под власть своей прежней королевской фамилии. Итак, самые общие интересы и желания европейского общества призывали королей соединиться для высшего руководства общественными интересами Европы.

Чтобы сделать возможным мирный переход от феодального строя к промышленной системе, необходимо было создание высшей власти. Священный союз вполне удовлетворяет этому условию: он первенствует над всеми духовными и светскими властями.

Благодаря священному союзу, мораль евангелия стала господствующей в Европе, мораль же, созданная различными религиозными сектами, имеет только местный характер: она подчинена наиболее человеколюбивой и веротерпимой морали, когда-либо существовавшей. Вследствие этого философы могут свободно и смело работать над усовершенствованием общественного организма.

Наконец, благодаря образованию священного союза европейское общество может преобразоваться мирным путем, и оно, несомненно, будет преобразовано, лишь только получит ясное выражение общественного мнения относительно тех учреждений, которые соответствуют современному состоянию цивилизации. Ибо священный союз, господствующий над всеми существующими учреждениями и обладающей исключительным правом создавать новые, будет всегда находиться под властью общественного мнения: оно царит над миром, и никто из смертных, как бы могуществен он ни был, не в силах вырвать скипетр из его рук.

Пятое рассуждение.

О необходимости издания новой энциклопедии для подготовки социального преобразования.

В нашем первом рассуждении мы говорили:

«Философия есть наука об общих понятиях. Основная задача философов заключается в том, чтобы постигнуть наилучшую для данной эпохи систему общественного устройства, чтобы побудить управляемых и правящих принять ее, чтобы усовершенствовать эту систему, поскольку она способна к совершенствованию, чтобы низвергнуть ее, когда она достигнет высшей степени своего совершенства, — низвергнуть и построить из нее новую при помощи материалов, собранных учеными-специалистами в каждой отдельной области».

Мы попытаемся применить это положение к тем условиям, в каких находится европейское общество; мы попытаемся установить поря-

док тех работ, которыми должны в настоящее время заниматься философы.

Начиная с XV века, когда теологическая и феодальная система оказалась неспособной к дальнейшему развитию, когда она оказала уже обществу все услуги, какие общество могло получить от нее, философы трудились над ее опровержением, они стремились уничтожить ее в столь же полной мере, как это произошло раньше с системой греков и римлян.

Философы нанали на эту систему сначала с ее теологической стороны; они опровергли ее затем с ее феодальной стороны и, наконец, подвергли ее критике одновременно со всех сторон — с духовной и светской.

Чтобы ее окончательно ниспровергнуть, чтобы ее совершенно уничтожить, чтобы изгнать ее навсегда из системы идей, они объединились в общество, и все члены этого общества работали над общим произведением, над энциклопедией, в которой были подвергнуты анализу все идеи, в которой было доказано, что влияние теологических и феодальных принципов на каждую из этих идей вредно для общества.

Издание энциклопедии следует считать важнейшей причиной революции, этого ужасного, но благотворного по своим результатам кризиса, давшего обществу возможность организовать в целях общественного благосостояния гораздо лучше, чем то могло быть при господстве теологического и феодального строя.

Философы XVIII века хорошо выполнили свою задачу; они вполне достигли своей цели, так как общественное мнение не поддерживает больше ни одного из прежних учреждений, за исключением одной королевской власти, — это было блестяще доказано бесплодностью усилий Бонапарта обновить институт знати.

В настоящее время очередь за философами XIX века — начать выполнение своей задачи, резко отличающейся от работы, выполненной философами XVIII века.

Философы XIX века должны соединиться, чтобы всесторонне и полно доказать, что при современном состоянии знаний и цивилизации одни лишь промышленные и научные принципы могут служить основанием общественной организации, или — правильнее — чтобы доказать, что при современном состоянии знаний и цивилизации общество может быть организовано таким образом, чтобы непосредственно стремиться к улучшению своего морального и физического благосостояния.

Философы XVIII века создали энциклопедию, чтобы опровергнуть теологическую и феодальную систему. Философы XIX века — в свою очередь — должны создать энциклопедию, чтобы установить промышленную и научную систему.

В этой энциклопедии все идеи должны быть подвергнуты анализу, который докажет, что общее благосостояние будет необходимым

результатом того влияния, которое окажут на них научные и промышленные принципы, если последние заменят влиявшие до сих пор на общество феодальные и теологические принципы.

Все труды, которые союзом философов будут собраны в европейской энциклопедии, должны подвергнуться конкурсу.

Император Александр понял, что великий вопрос об общественном устройстве Европы нуждается в пересмотре после недавно испытанного сильного политического потрясения. Несколько лет тому назад на польском сейме он весьма откровенно высказал свой взгляд на этот вопрос; вот приблизительно та речь, которую держали там его министры:

«Развитие знаний и цивилизации, несомненно, вызвало необходимость больших изменений, но изменения, в которых нуждается общество, должны совершиться мирным образом: проекты изменений, которые будут предложены, ни в каком случае не должны быть такого характера, чтобы вызвать новое восстание; новаторы отнюдь не должны опираться в своих рассуждениях на штыки. Правительство рассмотрит новые предложения по поводу общественного устройства, если они будут ему сделаны в подходящей форме, но оно жестоко накажет тех новаторов, которые попытаются вызвать новые восстания».

Мы отвечаем на призыв, обращенный императором Александром к философам, и преднодносим ему, а также другим державам и всем монархам Европы наш проект энциклопедии.

Об общественной организации.

(1825).

(Отрывки из неизданного сочинения).

Первый отрывок.

Сравнение между интеллектуальным развитием отдельного человека и общества.

Если мы будем наблюдать за моральным и физическим развитием отдельных представителей человеческого рода, начиная с рождения до периода зрелости, то мы должны будем признать, что это развитие идет двумя различными путями, ведущими однако к общей цели: наибольшему совершенству моральных и физических сил, к какому только способна человеческая организация.

Начиная с рождения до эпохи зрелости, индивидуум морально и физически совершенствуется, последовательно и непрерывно, но очень медленно.

Он переживает также несколько кризисов, которые отмечают моменты общего и очень быстрого развития.

Семилетний возраст характеризуется кризисом прорезывания зубов, в результате которого чувства и память испытывают быстрый рост.

Около четырнадцати лет в индивидууме воспламеняются страсти, влекущие его к освобождению от родителей и к образованию связей по собственному выбору; в то же время он приобретает способность производить себе подобных.

К двадцати одному году завершается развитие человека в моральном и физическом отношениях: он получает свойственный ему индивидуальный характер, его способности согласуются друг с другом и направляются к одной общей цели, соответствующей специальным особенностям его организации.

Если затем рассмотреть законы и обычаи, установленные обществом для регулирования положения в нем детей от их рождения до двадцати одного года, то мы увидим, что законодатели признали существование тех трех кризисов, о которых мы говорили, и знали об их последствиях; они наделили подрастающее поколение правами соответственно с тем представлением, какое они составили себе о степени умственного развития в семь лет, в четырнадцать лет и в двадцать один год.

В самом деле, они объявили детей до семи лет неспособными совершать преступления, т. е. неспособными самостоятельно руководить своим поведением и, следовательно, совершать поступки, за которые они подлежали бы ответственности и суду по божеским или человеческим законам. Вследствие этого законодательство было построено так, что по-

становления, относящиеся к детям до семи лет, имеют своей единственной целью установить общий надзор самого общества за поведением их естественных опекунов и определить средства назначения опекунов в случае их отсутствия.

По отношению к детям до четырнадцати лет законодатели применяют только исправительные наказания, какие бы тяжелые преступления они ни совершили; они признаются свободными от опеки только в том случае, если они потеряли своих родителей.

В возрасте двадцати одного года человек признается совершеннолетним; это тот возраст, когда человек вообще приобретает достаточное умственное развитие и достаточную способность предвидения, когда интересы общества не требуют больше его подчинения особому надзору.

Если после этих наблюдений мы обратимся к рассмотрению правил, общепринятых в области общественного воспитания и обучения, то мы придем к выводу, что они соответствуют весьма точно законодательным распоряжениям, о которых мы говорили выше.

Общественное обучение детей начинается не раньше семилетнего возраста.

В возрасте от семи до четырнадцати лет воспитание играет более важную роль, чем обучение; в течение этого периода лица, надзирающие за поведением детей в пансионах и колледжах, имеют на них более сильное влияние, чем учителя, их обучающие.

От четырнадцати лет до двадцати одного года влияние учителей на учеников гораздо сильнее, чем влияние надзирателей.

К двадцати одному году те, кто продолжает учиться в Collège de France или в других учебных заведениях, совершенно свободны от всякого рода надзора.

Если теперь посмотреть, какой степени умственного развития достиг сейчас французский народ (оказавшийся благодаря революции во главе цивилизованного человечества), то нужно будет признать, что он перенес свой третий кризис, и что его социальный возраст соответствует двадцати одному году у индивидуума.

Придется также признать, что он провозгласил свое совершеннолетие в ночь на 4 августа, уничтожив все учреждения, связанные своим происхождением с рабством, этим первоначальным состоянием основного тела, нации — промышленного класса.

Если из всего сказанного вы захотите вывести какое-либо заключение, то сопоставьте разного рода наблюдения, указанные нами, подумайте над ними, и вы по необходимости придете к следующему: Так как французский народ благодаря своему умственному развитию достиг своего совершеннолетия, как нация, то и в его социальной организации должны произойти коренные перемены. Следуя по предначертанному нами направлению и достигнув наиболее возвышенной точки зрения, какая возможна на пути цивилизации, философ увидит как далекое прошлое, так и отдаленное будущее; он заметит в глубине этой картины

образование рабства, учреждения, в эпоху своего возникновения благотворного для человечества: оно спасло жизнь миллиардам людей, ему мы обязаны громадным размером, которого достиг человеческий род; оно благоприятствовало успехам просвещения, доставляя господствующему классу возможность заниматься развитием своих умственных способностей, чего бы он не мог сделать без установления рабства, так как его время и его силы были бы заняты трудами, необходимыми для удовлетворения первых потребностей. Следуя далее взором за этой частью пути вплоть до того пункта, на котором он находится, философ заметит с живейшим удовлетворением смягчение рабства, успехи просвещения, последовательное улучшение участи человеческого рода; наконец, у французской нации, образующей сейчас авангард человечества, он увидит полное уничтожение рабства, он подметит способность воспринять социальную организацию, имеющую непосредственной целью благо большинства нации. Стоя на этой точке зрения и бросая взгляд поочередно то на прошедшее, то на будущее, философ будет постигать все яснее и яснее глубокое отличие между общественным бытием наших предков и наших потомков; он увидит, что у наших предков на высшую ступень общественной лестницы выдвигались благодаря рождению, благосклонности власти или способности управлять; обращаясь к будущему, он увидит, что наибольшее значение в обществе люди будут получать благодаря своим нравственным, умственным и промышленным способностям.

Если философ бросит взгляд на жизнь народов в прошлом, он увидит в большинстве случаев, что они борются между собой силой оружия; обращаясь к будущему, он увидит, что они соперничают между собою на трех главных поприщах: нравственности, звания и промышленности.

До сих пор люди шествовали по пути цивилизации, обратясь вспять к будущему: их взор был обычно обращен на прошлое, а на будущее они бросали редкие и поверхностные взгляды. Теперь, с отменой рабства, человек должен обратить свое главное внимание на будущее. До уничтожения рабства функция управления имела господствующее значение; теперь она должна стать и будет становиться все более и более функцией подчиненной.

Второй отрывок.

Доказательство способности французских пролетариев хорошо управлять собственностью.

Мы хотим здесь доказать, что наиболее многочисленный класс, т. е. народ, состоит теперь из людей, не нуждающихся более в особой оценке, из людей, умственные способности которых достаточно развиты, а предусмотрительность достаточно изощрена, чтобы можно было без всяких неудобств установить систему социальной организации, допускающую их в качестве равноправных членов общества.

Можно считать, что народ делится на два класса: на класс людей, занятых сельскохозяйственными работами, и на класс людей, нанимаемых фабрикантами и торговцами.

Рассмотрим сперва земледельцев. После продажи национальных имуществ несколько тысяч пролетариев перешли вдруг в разряд земельных собственников; они воспользовались теми безграничными льготами, которые были предоставлены всем, кто был достаточно смел, чтобы объявить себя приобретателем этих имуществ перед лицом всей европейской аристократии. И вот, способ управления своим имуществом этой массы пролетариев, превратившихся вдруг в собственников, доказал и подтвердил тот крупный политический факт, что последний класс нации состоит теперь из людей, достаточно развитых в умственном отношении, из людей, имеющих достаточную способность предвидения, чтобы закон мог снять с них, без всяких неудобств для государственного спокойствия, ту опеку, под которой они находились до сих пор. С этого момента нацию надо рассматривать, как состоящую всецело из людей, способных управлять имуществами; поэтому закон должен установить такую политическую систему, в которой управление общими интересами будет поручено людям, отличающимся наиболее положительными и наиболее полезными обществу способностями; правительство должно выступать в качестве управляющей силы только по отношению к таким людям, поведение которых угрожает возмутить общественный порядок.

Мы приведем факт, которому мы были личными свидетелями, — факт, доказывающий, насколько способность управлять имуществами распространена теперь среди людей, вследствие случайности рождения очутившихся в классе пролетариев. Маленькая провинция Като-Камбрези принадлежала целиком архиепископу Камбре и другим церковным учреждениям; обитатели этой провинции были до такой степени полными пролетариями в отношении недвижимых имуществ, что там не было ни одного человека, которого нельзя было бы прогнать из его жилища.

И что же случилось, когда земли этой провинции были назначены в продажу? Все обитатели ее соединились по взаимному согласию в ассоциацию и скупили земли своих коммун с публичных торгов. Они их разделили затем таким образом, что вся масса населения, достаточно внушительная, вдруг перешла из разряда пролетариев в класс земельных собственников. И это неожиданное изменение не вызвало ни малейшего расстройтва в обработке земли; новые собственники оказались более способными, чем старые, потому что, начиная со следующего года, земля стала приносить более обильный урожай, чем когда-либо раньше.

Из того, что произошло после продажи национальных имений, из местного факта, приведенного нами в подкрепление общего изложения, вытекает с очевидностью, что французская нация (принимая во внимание современный уровень ее умственного развития) может быть управляема гораздо лучше и гораздо дешевле, чем она управляется сейчас. Она не придет в устойчивое социальное положение до тех пор, пока

власть правящая не отступит перед властью людей, обладающих в высшей степени наиболее положительными и наиболее полезными обществу способностями.

Перейдем теперь к рассмотрению доказательств способности рабочих, занятых трудом в фабричных и торговых предприятиях. В начале революции большая часть владельцев торговых и промышленных предприятий потеряла свое благосостояние, благодаря грабежам, имевшим место при восстаниях. Те же, кто уцелел от грабежей, были разорены законом о максимуме, а благосостояние тех, кто счастливо избежал обоих этих бедствий промышленности или спас от них наличные деньги, было разрушено реквизициями и сожжением английских товаров.

Что произошло бы после этих бедствий, имеющих достаточно общий характер, если бы большое количество рабочих, занятых у разоренных промышленников и торговцев, не оказалось в достаточной степени способным заместить предпринимателей, нравственно раздавленных своими несчастиями? Французская промышленность и торговля потеряли бы на долгое время большую долю своего значения, и Франция выплачивала бы теперь иностранцам гораздо более значительную промышленную дань, чем та, которую она вносила до революции; одним словом, французское производство уменьшилось бы.

В действительности, наоборот, производство продуктов всякого рода бесконечно выросло после и даже во время самих бедствий; в действительности люди, до того занятые во всех торговых и фабричных заведениях в качестве простых рабочих, стали предпринимателями и руководителями работ, при чем они оказались более интеллигентными и деятельными, чем их предшественники. Так что сейчас Франция гораздо более процветает, больше производит и имеет большее значение в земледелии, промышленности и торговле, чем до революции, хотя большая часть активных руководителей всеми этими предприятиями вышла из народа.

Может ли существовать более веское и более полное доказательство того, что класс народа, т. е. громадное большинство нации, достиг достаточно высокого умственного развития, вследствие чего во Франции, без всяких неудобств для государственного спокойствия, а наоборот, с громадными преимуществами для всех классов общества, может быть установлен общественный строй, имеющий своей непосредственной целью всеобщее благо.

Третий отрывок.

Так как пролетарии достигли таких же успехов в цивилизации, как и собственники, то закон должен признать их полноправными членами общества.

Механизм социальной организации был в силу необходимости весьма сложен, пока составляющие его большинство люди находились в таком состоянии невежества и недальновидности, что они даже не были способны управлять своими собственными делами. При такого рода неполном интеллектуальном развитии, они находились еще под властью грубых страстей, толкавших их на путь мятежей и, следовательно, всякого рода неурядиц.

Это положение, которое неизбежно должно было предшествовать лучшей общественной организации, вынуждало меньшинство организоваться на военный лад, присвоить исключительно себе власть законодательную и построить систему законов таким образом, чтобы укрепить за собою все виды власти.

Все это делалось с целью держать большинство под опекой и оказывать на народ сильное давление. Таким образом, главные силы общества затрачивались до настоящего времени на то, чтобы не дать обществу распасться, а труды, направленные на улучшение морального и физического благосостояния народов, могли и должны были играть лишь второстепенную роль.

В наше же время это положение вещей может и должно коренным образом измениться; основной и наиболее значительной целью деятельности общества должно стать улучшение нашего морального и физического благосостояния, ибо и небольшой затраты сил достаточно для поддержания общественного спокойствия; большинство полюбило труд (а это исключает всякое стремление к беспорядкам) и состоит в наше время из людей, недавно доказавших свою способность к управлению движимой и недвижимой собственностью.

Так как меньшинство не нуждается больше в насилии, чтобы держать класс пролетариев в подчинении, то оно должно стремиться провести следующие мероприятия: 1) меры, в результате которых сами пролетарии будут более непосредственно заинтересованы в общественном спокойствии; 2) меры, имеющие целью сделать возможно более легким переход недвижимой собственности; 3) меры, имеющие целью представить трудящимся высшую степень политического значения.

Эти мероприятия весьма просты, и их очень легко определить, если взять на себя труд судить о вещах на основании своих собственных знаний, если раз навсегда свергнуть тяготеющее над нашим умом иго политических принципов наших редков—принципов, хороших и полезных для своего времени, но непригодных при современных условиях.

Так как население в целом состоит в наше время из людей, которые (за небольшими исключениями, встречающимися почти в равной степени во всех классах) в состоянии хорошо управлять движимой и недвижимой собственностью, то мы можем и должны направить свои

силы непосредственно на улучшение морального и физического благосостояния социального организма.

Средство же, самым непосредственным образом содействующее моральному и физическому благоденствию большинства населения, состоит в том, чтобы отнести к важнейшим государственным расходам те затраты, которые необходимы для доставления работы всем здоровым людям в целях обеспечения их физического существования; сюда же следует отнести и расходы, имеющие целью возможно более быстрое распространение приобретенных позитивных знаний среди класса пролетариев, и, наконец, те расходы, благодаря которым индивидуумам этого класса смогут быть обеспечены увеселения и развлечения, способные развить их интеллект.

Присоедините сюда мероприятия, в результате которых управление общественным достоянием будет находиться в руках людей, наиболее способных к управлению и наиболее заинтересованных в том, чтобы хорошо управлять, иначе говоря, в руках наиболее значительных промышленников, — и, благодаря этим основным законоположениям, общество получит организацию, вполне удовлетворяющую здравомыслящих людей всех общественных классов.

Тогда не придется уже больше бояться мятежей и, следовательно, не нужны будут большие многочисленные постоянные армии для их подавления; тогда не нужно будет тратить огромных сумм на департамент полиции и в то же время не придется уж больше бояться международных столкновений, так как тридцать миллионов счастливых людей смогут отразить нападение всего об'единившегося против них человечества.

Добавим к этому, что ни государи, ни народы никогда не дойдут до такой нелепой затеи, чтобы напасть на народ, состоящий из тридцати миллионов людей, ни в чем не проявивших враждебности к своим соседям и об'единенных счастливым сочетанием своих интересов.

Добавим еще, что совершенно излишне держать в подозрении общество, подавляющее большинство которого заинтересовано в поддержании установившегося порядка вещей.

Те люди, которые вызвали революцию, те, которые ее направляли, и все те, которые с 1789 года и до нашего времени были вождами народа, совершили огромную политическую ошибку: все они старались усовершенствовать правительственную власть вместо того, чтобы низвести ее на подчиненное положение и конституировать в виде высшей власти власть административную.

Они должны были бы начать с формулирования вопроса, который очень просто и легко разрешить.

Они должны были бы задать себе вопрос: кто те люди, которые при данном состоянии нравов и знаний наиболее способны хорошо руководить национальными интересами?

И они неминуемо пришли бы к выводу, что, при современном направлении умов, люди науки, люди искусства и руководители промышленных работ и есть те люди, которые обладают самыми развитыми, самыми обширными и наиболее позитивно-полезными способностями. Они признали бы, что деятельность ученых, людей искусства и индустриалов, как в области изобретения, так и в области исполнения, наиболее способствует национальному преуспеянию.

А отсюда они заключили бы, что людям науки, искусства и индустрии и следует вручить административную власть, т. е. заботы о руководстве национальными интересами, функции же правительства следует свести к обязанности поддерживать общественное спокойствие.

Новаторы 89 года должны были бы сказать себе еще следующее.

Английские короли показали королевской власти хороший пример подчинения такому порядку, при котором каждое распоряжение короля должно быть для своей действительности одобрено и контрастировано министром. Благородному достоинству французских королей соответствовало бы проявление еще большего великодушия по отношению к своим народам—изъявление своего согласия на то, чтобы никакой проект, относящийся к общим интересам народа, не получал силы закона без одобрения тех людей, которые наиболее способны судить о нем, т. е. без одобрения наиболее талантливых людей науки и искусства и наиболее значительных индустриалов.

Общество часто сравнивали с пирамидой. Мы допускаем, что народ должен быть размещен в виде пирамиды; мы глубоко убеждены, что народная пирамида должна быть возглавляема королевской властью, но мы утверждаем, что слои, начиная от основания пирамиды и кончая ее вершиной, должны состоять из все более и более ценных материалов. Когда же мы рассматриваем современную пирамиду, нам кажется, что ее основание из гранита, что до известной высоты ее слои состоят из очень ценных материалов, но что ее верхняя часть, поддерживающая великолепный алмаз, есть не что иное, как позолоченный гипс.

Основанием современной народной пирамиды являются рабочие, занимающиеся ручным трудом; первыми слоями, воздвигнутыми на этом основании, являются руководители индустриальных работ, ученые, усовершенствующие процессы производства и расширяющие его область, и люди искусства, накладывающие печать хорошего вкуса на все продукты производства. Верхние же слои, которые, на наш взгляд, состоят из простого гипса, легко различимого, несмотря на покрывающую его позолоту, это—придворные, это—вообще вся знать, прежняя и новая, это—богатые туенядцы, это, наконец,—правители, начиная от первого министра и до последнего канцелярского служителя. Королевская власть есть тот великолепный алмаз, который венчает пирамиду.

Четвертый отрывок.

Об администрации и об управлении общественными делами.

Нам скажут:

«Центральным пунктом ваших политических взглядов, пунктом, из которого вы исходите во всех своих рассуждениях, является та мысль, что наилучшее средство для водворения в Европе спокойного и устойчивого порядка вещей, это — поставить власть административную выше власти правительственной. Исходя из этого, вы прежде всего должны позаботиться о том чтобы провести ясно выраженную демаркационную линию между административною и правительственною способностями; вы должны определенно указать, в чем состоит та и другая. После такого разграничения вы сможете ясно изложить основания, по которым административная способность должна быть поставлена выше правительственной».

Понятие высшей администрации общества обнимает собою составление, рассмотрение и приведение в исполнение полезных для массы проектов.

Под высшей административной способностью следует поэтому понимать способность тройкого вида: способность людей искусства, способность ученых и способность индустриалов, совокупное действие которых является достаточным и необходимым условием для удовлетворения моральных и физических нужд общества.

Когда будет приступлено к работе, непосредственной целью которой является установление системы общественного блага, то люди, посвятившие себя искусству, люди с богатым воображением пойдут впереди этого великого начинания. Они возвестят будущее человечества; они отнимут у прошлого золотой век, чтобы обогатить им будущее поколение; они воодушевят общество на умножение своего благосостояния, нарисовав перед ним прекрасную картину новых успехов, дав ему почувствовать, что вскоре все члены общества будут пользоваться теми наслаждениями, которые до этого времени были достоянием лишь одного весьма малочисленного класса; они воспоют благодетельные цивилизации и приведут в действие для достижения своей цели все средства изящных искусств, красноречие, поэзию, живопись, музыку, — словом, они разовьют поэтическую сторону новой системы.

Ученые, главное занятие которых заключается в наблюдении и рассуждении, докажут возможность большого увеличения благосостояния для всех классов общества, как для самого многочисленного класса пролетариев, так и для класса самых богатых людей. Они выяснят наиболее прямые и наиболее быстро приводящие к цели средства обеспечить непрерывность труда массы производителей; они разработают основные начала общественного образования, они установят законы ги-

гиены социального организма, и в их руках политика станет дополнением к науке о человеке.

Самые выдающиеся промышленники, сосредоточивая все свое внимание на производстве, обсудят, что может быть немедленно проведено в жизнь из тех проектов, которые задуманы и разработаны в общественных интересах совокупными трудами людей науки и искусства; они обдумают средства исполнения и руководство им вручат банкирам, идущим всегда во главе финансового движения.

Вот тот путь администрации, твердый, прямой и честный, по которому пойдут люди науки, искусства и индустрии, когда им будет поручено руководство общими интересами.

Сравним этот путь с тем, по которому идет современное правительство; посмотрим, к каким жалким комбинациям сведена развитием наук и цивилизации деятельность правительственной способности.

Заключенные в тесный круг обветшалых феодальных доктрин, хотя и проникнутые в общем лучшими стремлениями к общественному благу, правители делают тщетные усилия организовать спокойный и устойчивый порядок вещей.

Видя единственную возможность продлить свое существование в содержании многочисленных штабов во всех отраслях управления и в большом аппарате правительственного насилия, они вынуждены ограничиваться, в конце-концов, тем, что берут у народа как можно больше денег в виде ли налогов или посредством займов, стараясь в то же время не вызывать значительного недовольства. Вся их деятельность сводится, таким образом, к искусным расчетам установления и взимания налогов.

Они вынуждены обращать на расходы по управлению, в большей своей части бесполезные для общества, наиболее значительную часть народного достояния; на расходы же, действительно полезные для трудящихся, приходится, таким образом, весьма небольшая доля.

Они вынуждены сохранять за дворянами и придворными большое политическое значение и изощряются в доставлении им необходимых средств для поддержания той роскоши, которая считается их неотъемлемой принадлежностью.

Рассмотрим деятельность министра-президента, который лучше других понял значение индустрии и состояние общества; посмотрим, на что он употребляет правительственную власть.

Мы видели, как он воспользовался всем своим влиянием министра, чтобы ввести в палату депутатов большое число знатных и богатых бездельников и чтобы заботливо удалить из нее наиболее видных индустриалов и способнейших людей науки и искусства.

Он определил срок деятельности парламента в семь лет, не изменив требования сорокалетнего возраста для избрания в палату; таким образом, он значительно уменьшил энергию парламента, поставил его

в зависимость от министерства и подчинил в то же время влиянию высшей знати.

Он сосредоточил высшее руководство национальными интересами в руках дворян, епископов, военных, юристов и чиновников; все они несомненно достойны уважения, благодаря своему личному характеру или тем услугам, которые они или их предки могли оказать народу, но они прошли школу администрации исключительно за счет общества, которому всегда приходилось оплачивать их ошибки, а вовсе не за свой собственный счет, как то бывает всегда у промышленников.

Из уважения к министерскому достоинству он удерживает на посту министра внутренних дел выдающегося адвоката, весьма невежественного, однако, во всем, что касается индустрии, наук и искусств; этот человек, не имея ни малейшего понятия ни об их значении, ни о заслуженном ими уважении, доходит до того, что позволяет своим служащим грубо обращаться с людьми, которые своей деятельностью оказывают величайшую честь Франции.

Из почтения к устаревшим доктринам, этот же министр-президент считает себя обязанным предоставить большое влияние на общественное образование иезуитам, стремящимся внедрить в умы молодежи ту мысль, что посредственность должна господствовать и руководить способностями высшего порядка, и что неопределенные, смутные знания должны быть поставлены выше полезных и позитивных.

Наконец, желая покровительствовать индустрии, г. де-Виллель учредил высший коммерческий совет, но туда вошли преимущественно люди, никогда не работавшие практически ни в одной отрасли индустрии; приглашение же двух-трех удалившихся от дел промышленников объясняется, очевидно, одним лишь почтением к ним, как к людям.

Вот они—печальные останки правительственной способности: увлеченная потоком цивилизации, она тщетно пытается, цепляясь за прошлое, продолжать играть ту выдающуюся роль, которая была возложена на нее в миновавшие эпохи общественного развития.

Сравним теперь основные черты взаимоотношений администраторов и управляемых, с одной стороны, и правителей и подданных—с другой.

Основной принцип административной деятельности состоит в том, что ее руководители в интересах управляемых должны стремиться к возможно большему процветанию общественного капитала и к приобретению одобрения и поддержки большинства членов общества.

Чтобы приобрести поддержку большинства, иначе говоря, чтобы образовать большинство, одобряющее их управление, администраторы могут пользоваться только убеждением и выяснением того факта, что их деятельность самым плодотворным образом влияет на общество.

Администраторы знают, что экономия в расходах по управлению всегда желательна для общества и поэтому всеми силами стараются уменьшить эти расходы.

Расходы по управлению банком, например, весьма малы: совет директоров ничего ему не стоит; а расходы по управлению королевской казной огромны.

Взаимоотношения правителей и подданных совсем другого характера. Дворяне весьма искренно говорят и думают, что они рождены для власти, а чернь самим Провидением обречена на повиновение.

Главная потребность общества, по мнению знати, состоит в том, чтобы дворянство блистало во всем блеске, какой только могут доставить ему роскошь и власть; королевская власть, по их мнению, должна составлять одно неразрывное целое с дворянством. Они, конечно, признают за королем право поручать руководство общественными делами кому ему угодно, но в глубине души и совести они убеждены, что его долг—облекать своим доверием одних дворян.

Искусство править заключается, по их мнению, в таланте сохранять за правительственной деятельностью перевес над деятельностью административною; оно состоит в умении продлить существование теологического и феодального строя, несмотря на то, что его главные корни подрублены, несмотря на то, что критика и развитие знаний окончательно разрушили его основные принципы.

Словом, правители думают, что наилучшее средство для удержания подданных в подчинении состоит в увеличении числа государственных чиновников и в присвоении самым важным из них большой представительности, т. е. большого жалованья. Насилие и хитрость, наемное войско и полиция—вот главные средства, которыми они пользуются в своей деятельности; убеждение же и доказательство кажутся им только второстепенными средствами, в то время как администраторы пользуются исключительно ими.

Когда королю будет угодно поручить высшее руководство общественными делами индустриальной администрации, расходы по управлению тотчас необычайно уменьшатся, потому что люди науки и искусства, доказавшие своей деятельностью, что они в высшей степени способны к управлению, не нуждаются в расходах на пышность и в афишировании своей представительности, чтобы добиться уважения. Что же касается крупных промышленников, то они считали бы большой честью не получать никакого вознаграждения за свои труды, посвященные управлению общественным имуществом.

Четыре следующих положения представляются нам наилучшими доказательствами нашего взгляда, согласно которому при современном положении вещей административная деятельность может быть поставлена выше правительственной, причем это перемещение не только не создаст больших затруднений, но даже повлечет за собою большие выгоды. Итак, мы докажем прежде всего, что масса населения в достаточной степени проникнута цивилизацией, что она обладает достаточно глубоким пониманием своих истинных интересов, чтобы сохранять спо-

койствие под руководством хорошей администрации и чтобы оказать сопротивление всем попыткам честолюбцев нарушить общественный порядок.

Затем мы докажем, что люди искусства, науки и индустрии приобрели достаточно обширные способности, чтобы быть в состоянии правильно разрешать все относящиеся к общественному благу вопросы и соответственно руководить общими интересами.

После этого мы должны доказать, что большое число членов общества в достаточной степени привыкло к тому, что руководство их делами находится в руках административных властей, и потому вовсе не удивятся тому, что административный образ действий проникает в сферу руководства общественными делами.

И, наконец, мы должны доказать, что преобладание административной деятельности над правительственной ничуть не повредит международному положению Франции, что, напротив, это преобладание привлечет к ней союзников, с помощью которых она окажется сильнее всего феодального мира Европы.

Мы рассмотрим каждый из этих вопросов в отдельности:

1) В одной из предшествующих глав мы доказали, что французские пролетарии достоверными фактами засвидетельствовали свою достаточную образованность и достаточное развитие дальновидности для того, чтобы быть в состоянии управлять движимую и недвижимую собственностью. Но ведь очевидно, что люди, способные управлять собственностью, смогут хорошо вести себя под руководством хорошей администрации.

2) Большая часть людей искусства, науки и индустрии занимается в настоящее время вопросами общего блага: со времени революции они сделали совместно в этой области глубокие исследования, и эти исследования выработали в них способность к организации хорошей администрации общественных дел.

Вопросы общественного образования рассматривались и освещались многими литераторами и учеными.

Все вопросы, относящиеся к экономии, которую можно было бы ввести в общественные расходы, подверглись обсуждению промышленников, успехи которых в их частных предприятиях доказали их несомненную способность к управлению финансами.

3) Учреждение банков, страховых обществ, сберегательных касс, компаний для проведения каналов и образование множества других обществ, имеющих целью управления весьма значительными делами, привили французам привычку к административному способу ведения крупных предприятий. А отсюда следует, что этот образ действий может найти приложение к управлению общими интересами, причем это нововведение в высшем руководстве общественными делами не вызовет ни удивления, ни потрясения, не пойдет в разрез с новыми обычаями, уже приобретенными современным поколением.

4) Революция, великие моральные последствия которой начинают выявляться, вдохновила французоз в политическом отношении, и поэто-

му нечего удивляться тому, что в настоящее время они превосходят англичан в области широких замыслов. Но в равной степени верно и то, что англичане, предшествовавшие им в этой области деятельности человеческого ума и бывшие, в известной степени, создателями этой отрасли наших знаний, превзойдя до сего времени своей политической способностью все другие народы,—англичане, говорим мы, не замедлят последовать за французами и принять систему, в которой административная деятельность будет поставлена выше правительственной. А отсюда, в силу самой природы новой системы, возникнет искренний и не разрывный союз между обоими, самыми промышленными на земле народами; всем же в достаточной степени известно, что союз Франции и Англии представляет собою самую значительную в цивилизованном мире социальную силу.

Пятый отрывок.

Продолжение предыдущего.

Все согласны в том, что крупные изменения в общественном устройстве стали неизбежны. Иначе говоря, все думают, что только посредством радикальных изменений в способе управления общими делами можно достичь твердости политических принципов, что только таким путем можно прийти к полному завершению революции и привести, наконец, общество в спокойное и устойчивое положение.

Нам предстоит теперь точно определить, в чем же заключаются эти изменения, ставшие неизбежными при современном состоянии знаний и цивилизации: этот именно вопрос и был предметом нашего обсуждения.

В целях лучшего рассмотрения, мы разделили его на три части, считая его состоящим как бы из трех отдельных вопросов, каждый из которых требует, на наш взгляд, особого обсуждения.

Вот перечень этих трех вопросов:

Какова природа изменений, вызываемых развитием знаний?

Каким путем следует идти, чтобы произвести эти изменения?

Каким образом сочетать новые учреждения с сохраняемыми старыми, чтобы получить в результате общественное устройство, которое можно было бы привести немедленно в действие?

В предыдущей главе мы рассмотрели первый из этих вопросов и,— нам кажется,—с достаточной убедительностью доказали, что в целях удовлетворения нужд современного общества, в целях создания соответствующего современному состоянию знаний общественного устройства необходимо поставить административную власть выше правительственной.

Настоящую главу мы посвящаем обсуждению второго вопроса.

Нам предстоит определить средства, которые нужно употребить для того, чтобы поставить административную власть выше власти правительственной.

Должно ли это изменение совершиться резко и сразу или оно должно происходить медленно и посредством последовательных мероприятий?

Мы того мнения, что это изменение должно совершиться именно резко и сразу.

Мы основываем это наше мнение прежде всего на следующем важном положении, на положении единственном в своем роде.

Рассмотрим, каким образом совершилось единственное изменение общественной системы, о котором история сохранила для нас ясное и подробное воспоминание. Вспомним, медленно ли и посредством последовательных мероприятий перешли люди от политеизма к теизму, от греко-римского строя к средневековому общественному устройству Европы.

Мы должны будем признать, что первые христиане сразу и без перехода заменили веру во многих богов верой в единого Бога; они и не пытались вовсе постепенно уменьшать число почитаемых богов с тысяч до сотен, затем до десятков, чтобы притти, наконец, к идее единого Бога. Таким образом, мы в праве утверждать, что люди сразу перешли от политеизма к теизму.

Равным образом, власть консулов и проконсулов была сразу заменена властью вождей готских, вестготских, остготских, датских, английских, франкских, саксонских, германских и т. п.

Наконец, рабство сразу изменило свой характер, когда рабы перестали непосредственно зависеть от своих господ, чтобы быть прикрепленными к земле.

Мы подкрепим наше мнение еще одним положением, существенно отличающимся от того, на которое мы выше сослались.

Из первого естественно вытекает тот вывод, что изменения систем происходят сразу; второе же, о котором речь впереди, приведет нас к выводу, что полумеры, как бы энергичны они ни были, ни в каком случае не могут произвести изменения системы.

Можно ли представить себе нечто более энергичное, решительное и резкое, чем принятые в начале революции меры против священников и дворян? Их почти всех ограбили, избили или изгнали из страны; в то же время завладели их движимой и недвижимой собственностью, а равно и политической властью, которою они обладали до этого времени, и в результате руководство государственными интересами оказалось в руках одних разночинцев.

К чему же привели все эти жестокие меры?

Ни к каким радикальным изменениям они не привели: феодальная система не была в корне уничтожена, она вскоре возродилась из своих обломков и через несколько лет появилась снова в несколько измененном виде. Благодаря ее восстановлению была прекращена анархия, и — что весьма важно отметить — сами разночинцы реставрировали феодальную систему: это они создали новое дворянство, это они восстановили майорат, иначе говоря, систему субституций. В результате иностранцы,

получив возможность распоряжаться во Франции, нашли в ней снова распространяющийся на все области феодализм.

Мы постараемся дать весьма простое объяснение этому, с первого взгляда, необъяснимому явлению, которое до сего времени не было в достаточной степени исследовано.

Меры, принятые против дворян — избиение, изгнание и разорение, — были, при всей своей жестокости, лишь полумерами: они перенесли власть из одних рук в другие, не изменив природы власти.

Общество продолжало оставаться в подчинении у правительственной власти; в продолжение всей революции правительственная власть стояла выше власти административной.

Природе правительственной власти свойственно поддерживать или учреждать наследственные политические права, в то время как административной власти присуще проводить принципы возможно большего равенства по отношению к наследственным правам, класть в основание политических прав превосходство позитивных способностей.

Из того, что мы сказали выше в подкрепление нашего взгляда, мы делаем следующие выводы:

1) Единственное изменение общественной системы, о котором история сохранила для нас точное и подробное воспоминание, совершилось сразу и путем радикального изменения принципов.

2) Революция, при всем своем насильственном характере, не завершила требуемой развитием знаний перемены, так как она ничего не изменила в тех принципах, которые лежат в основе феодальной системы.

По поводу вышесказанного нам было сделано замечание, которое мы и воспроизводим здесь, находя, что оно могло бы появиться у некоторых из наших читателей.

«Если допустить, что радикальное изменение общественной системы может быть совершено только резко и сразу, то из этого еще не следует, что это изменение должно быть резко и неосторожно совершено».

На это замечание мы ответим следующее:

Единственное средство, которое можно было бы с успехом применить при современном состоянии знаний, в целях радикального изменения общественного устройства, состоит в том, чтобы создать новую политическую доктрину, превосходящую ту, которой придерживаются современные правительства.

Но создание новой доктрины есть действие, по своей природе быстрое и резкое, так как оно стремится сразу изменить интеллектуальные навыки, приобретенные общественным разумом.

Таким образом, изменение общественного устройства должно быть возведено так же резко и внезапно, как резко и внезапно оно должно совершиться.

Впрочем, каждый из нас без труда может уяснить себе, что должно в настоящее время происходить в области политики, ибо то, что должно

теперь происходить, есть следствие и результат того, что произошло раньше, в частности—есть продолжение того пути, по которому идет цивилизация начиная с XV столетия.

Чтобы уяснить себе это точным и плодотворным образом, нужно разделить наше исследование на пять частей и поставить себе последовательно следующие вопросы:

- 1) Каково было политическое положение до XV столетия?
- 2) К каким политическим результатам привел кризис, испытанный обществом в XV веке?
- 3) Каковы те политические изменения, которые произошли с XV века?
- 4) Каково современное политическое положение?
- 5) Какие меры нужно употребить для водворения спокойного и устойчивого положения вещей?

Мы попытаемся облегчить читателю это исследование, предложив его вниманию беглый обзор наших взглядов по каждому из вышенамеченных пунктов.

1) До XV столетия духовная власть находилась исключительно в руках духовенства. Это положение вещей вполне соответствовало нуждам общества, так как богословские идеи имели тогда преобладание; кроме того, духовенство было несравненно образованнее мирян даже в том небольшом кругу светских знаний, которым располагала средневековая Европа.

До XV столетия светская власть была сосредоточена в руках дворян. Эта система организации была полезна, так как дворяне того времени были самыми способными промышленниками. Это они руководили земледельческими работами, которые были тогда единственным промышленным занятием, имевшим большое значение.

Таким образом, до XV столетия существовало хорошее общественное устройство, так как духовная и светская власти находились в руках людей способнейших как в области наук, так и в области индустрии.

2) Вследствие кризиса, испытанного в XV столетии, человеческий разум получил большую свободу в области светских наук и индустриальной деятельности.

В научной области новаторами было миряне, а в индустрии—разночинцы.

3) В течение XV столетия богословие постепенно потеряло свое значение, так как миряне сильно подвинули вперед светские науки и нашли средства делать из них полезные для общества применения; они подняли общественную нравственность, привив людям большую любовь к труду.

Разночинцы развили торговую и промышленную деятельность, они стали предпринимателями и, следовательно, руководителями земледельческих работ; они изменили в корне свое социальное положение, под-

нявшись из крайне низкого состояния до степени руководителей народа, которым они стали руководить во всей его повседневной деятельности.

4) Современное политическое положение представляет собою зрелище опрокинутого вверх дном мира: те люди, которые руководят общественными делами, весьма нуждаются сами в руководстве; высшие способности находятся в классе управляемых, правящие же в силу своего состава являются весьма ограниченными людьми.

Люди, деятельность которых наиболее способствует развитию нравственности и увеличению благосостояния человечества, принадлежат к классу мирян; несмотря на это, духовная власть вверена духовенству, и священники руководят общественным воспитанием.

Руководители работ, обеспечивающих обществу удовлетворение всех его физических потребностей, принадлежат к классу разночинцев, а между тем высшая светская власть предоставлена дворянам.

5) Средство для водворения спокойного и устойчивого порядка вещей состоит, очевидно, в том, чтобы поручить руководство интеллектуальной деятельностью способнейшим в искусстве и позитивных науках людям, возложив на них вместе с тем и руководство общественным воспитанием.

Это средство заключается в том, чтобы передать светскую власть крупнейшим промышленникам и окончательно лишить дворян и богатых туземцев всякого политического значения.

Вот те выводы, к которым неизбежно придет всякий, кто надлежащим образом проследит развитие цивилизации от средних веков и до нашего времени.

Нам остается успокоить тревогу, которую испытывает весьма многочисленный класс почтенных, но мало энергичных людей всякий раз, когда предстоит привести в исполнение какую-либо меру общего характера.

Прежде всего мы им скажем: время полумер, без сомнения, прошло; нужно прямо идти к общественному благу; при современных условиях нужно прямо и бесстрашно смотреть в глаза истине: наступил момент кризиса.

Это—тот кризис, наступление которого было предсказано многими священными книгами, входящими в состав Ветхого завета.

Это—тот кризис, который в течение многих лет усердно готовят библейские общества.

Это—тот кризис, о наличии которого свидетельствует учреждение священного союза, основанного на наиболее общих моральных и религиозных принципах.

Это—тот кризис, которого ждут иудеи с тех пор, как, изгнанные из своей страны, они скитаются и подвергаются преследованиям, ни на миг не теряя надежды увидеть наступление того времени, когда все люди будут, как братья.

Этот кризис, наконец, имеет непосредственную тенденцию к установлению истинно универсальной религии и действительно мирной социальной организации всех народов.

Людям, благоразумие которых доходит до трусости, мы скажем еще следующее.

Движение, во главе которого идут знаменитейшие ученые и крупнейшие промышленники, не может вызвать никакой смуты, потому что ученые и индустриалы больше других членов общества заинтересованы в поддержании порядка; они же больше, чем другие, питают отвращение ко всяким актам насилия.

Ученые и индустриалы несомненно должны будут развить большую силу, чтобы произвести изменение системы, но сила, которую они применят, будет силой морали, силой общественного мнения.

Этим малодушным людям мы скажем: между двумя партиями весьма неравной силы не может быть никакой физической борьбы. Борьба между ними может происходить исключительно в плоскости морали. Более слабая партия имеет в своем распоряжении одно лишь средство—зывать к принципам справедливости или общественного блага; на все эти принципы и будут опираться новаторы в своей деятельности.

Это движение, нравственное и мирное во всех отношениях, получит в конце концов большую поддержку со стороны самой королевской власти, которая все более и более стремится избавиться от своих приближенных, чтобы тем теснее соединиться с народом.

Шестой отрывок.

Главные положения, завершающие систему социальной организации при настоящем состоянии цивилизации.

Системы, теории, мирозерцания способны к развитию лишь до известного предела, за которым лежащие в их основании принципы утрачивают способность к дальнейшим желательным изменениям; тогда остается один только выход—создать новую систему, новую теорию или новое мирозерцание,—чтобы удовлетворить ощущаемую потребность.

Систему общественного устройства, водворившуюся в средние века, невозможно подвергнуть изменениям, которые были бы необходимы, чтобы привести ее в соответствие с современным обществом. Есть одно только средство для установления в Европе спокойного и устойчивого порядка вещей: это—создать новую систему общественного устройства.

В средние века способность к управлению, иначе говоря, умение держать народы в подчинении, считалась и должна была считаться главной способностью. Состояние невежества, в котором пребывало подавляющее большинство народов в то время, требовало такого устройства общества.

При современном же состоянии знаний научные и индустриальные способности стали самыми полезными для общества. Таким образом, правительственная деятельность должна теперь иметь только подчиненный характер; она должна быть преимущественно направлена против бездельников, которые всегда будут склонны нарушать общественный порядок.

В средние века военное сословие должно было быть самым могущественным и самым уважаемым сословием, сословием, управляющим государством; народы должны были подчиняться военным правительствам. Но теперь, когда организация общества наиболее благоприятным для производства образом является потребностью и предметом желания народов, класс людей, посвятивших себя исключительно военным занятиям, должен быть весьма немногочислен; в нем теперь следует видеть класс подчиненный.

Согласно этим главным положениям мы и разработали систему общественного устройства, основные черты которой мы ниже изложим.

Позже мы докажем, что эта система в той же степени превосходит средневековую, в какой эта последняя превосходила общественную организацию греков и римлян.

О власти духовной или научной.

«Ученые должны разделиться на две группы и образовать две отдельные академии. Одна из этих академий должна, главным образом, заниматься составлением хорошего кодекса интересов, а другая—разработкой кодекса чувств.

«Людовик XIV основал одну из этих академий, академию физических и математических наук; эта академия оказала уже большое содействие развитию наблюдений и научных суждений.

«Присоединения к ней группы ученых-экономистов было бы достаточно, чтобы она была в состоянии создать хороший кодекс интересов.

«Другая академия—академия искусств—займется развитием нашего воображения и чувства.

«Присоединение группы моралистов и теологов к группе писателей, поэтов, художников, скульпторов и музыкантов даст этой академии возможность создать хороший кодекс чувств.

«При каждой из этих академий нужно создать группу юристов, так как общество нуждается в том, чтобы чувства его членов, как и их интересы были подчинены твердым правилам; это необходимо для того, чтобы определить отношения, которые должны установиться между людьми в этих двух плоскостях.

«Академия наук и академия искусств, образуя вместе одно собрание, изберут из своей среды членов философской академии, которая будет носить название Высшей Академии.

«Эта Высшая Академия должна будет сперва создать, а затем развивать дальше общую доктрину, которая будет положена в основание общественного образования.

«Философы, которые войдут в состав этой Академии, присоединят к себе наиболее выдающихся юристов и поручат им придать выработанной ими общей доктрине юридический характер».

О власти светской.

«Руководство светской властью должно быть поручено самым значительным землевладельцам, фабрикантам, купцам и банкирам. Они образуют Совет, который будет называться Советом индустриалов.

«Этот Совет будет иметь право кооптировать в свой состав тех служащих, которые наиболее отличатся в различных ведомствах, образующих в своей совокупности правительство.

«Этот Совет будет заниматься рассмотрением всех проектов, касающихся общественных нужд, которые будут ему переданы духовной властью; он остановит свой выбор на тех проектах, которые он сочтет нужным принять».

Приведение в действие нового общественного устройства

«Королевская власть, переходящая по наследству в порядке первородства, есть учреждение, лежащее в основании нового устройства.

«Высшая Академия образует Совет инициативы при его величестве.

«Проекты, утвержденные Советом инициативы, поступают на рассмотрение академии искусств и академии наук.

«После рассмотрения проектов в этих двух академиях, они поступают с их замечаниями в Совет индустриалов.

«Совет индустриалов составляет ежегодно проект бюджета и проверяет, надлежащим ли образом израсходовали министры те суммы, которые были ассигнованы на их ведомства предыдущим бюджетом.

«Разработанный таким образом проект бюджета поступает в Совет министров, который, согласно приказаниям короля, передает его палатам».

Этот проект сводится, как вы убедились, к простому добавлению промежуточных инстанций между властью короля и властью палат.

Мы присутствовали при в'езде его величества Карла X. Парижане приняли с истинной любовью короля и королевскую семью и в то же время проявили глубокое равнодушие ко всем великим мужам как из старой, так и из новой знати, которые составляли свиту.

Мы спросили себя, что произошло бы, если бы король при в'езде в свою столицу был окружен лучшими математиками, физиками,

химиками, физиологами и механиками своего королевства; знаменитыми поэтами, художниками, скульпторами, музыкантами, инженерами и архитекторами; самыми значительными земледельцами, фабрикантами, купцами и банкирами.

Мы глубоко убеждены, что восторг по отношению к королю, окруженному такой свитой, достиг бы своего апогея и оставил бы далеко за собою все, что происходило в этой области когда-либо раньше в истории общества.

Вид людей, прославляющих и обогащающих народ, с королем во главе больше всего может понравиться народу.

Теперь уже не победами хочет прославиться французский народ, не завоеваниями он хочет обогатиться—к первенству в науках и искусствах стремятся французы, мирной индустриальной деятельностью хотят они обогатить себя.

Пора иллюзий прошла безвозвратно; бесстрастно взвешивают теперь народы свои интересы, великоление власти мало их привлекает: с большею радостью они увидели бы вокруг своих королей тех людей, которые их обогащают, чем тех, которые им дорого стоят и которые своей властью приносят больше вреда, чем пользы, обществу и преуспеянию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Чем значительнее и сложнее какое-либо дело, тем больше оно требует предварительных и подготовительных работ. Организация политического общества, предоставляющего всем образующим его индивидуумам возможно большую сумму счастья, была самой важной и в то же время наиболее трудно разрешимой задачей, когда-либо стоявшей перед людьми. Не следует поэтому удивляться тому, что, несмотря на огромную работу наших предшественников, мы все еще находимся только у исходной точки, откуда идет прямой путь к созданию учреждений, целью которых будет увеличение благосостояния самого многочисленного общественного класса.

Для того, чтобы могло быть создано такое общественное устройство, основные учреждения которого в своей совокупности содействуют увеличению благосостояния пролетариев, необходима была наличность двух условий.

Во-первых, составляющие низший класс общества индивидуумы должны были достичь такой степени цивилизации, которая дала бы возможность видеть в них равноправных членов общества; а для этого они неизбежно должны были показать себя способными к управлению собственностью.

Кроме того, переворот в области собственности должен был призвать к владению ее большое число пролетариев. Управляя своею соб-

ственною весьма искусным образом, пролетарии должны были показать на опыте, что они обладают достаточными способностями, чтобы быть в новом общественном строе равноправными его членами.

Этот опыт был сделан во время революции; во втором и третьем отрывках мы доказали, что он увенчался полным успехом.

Второе условие, выполнение которого было необходимо, заключается в следующем. Было необходимо создать господствующую над высшими теориями систему, иначе говоря, было необходимо совокупное участие всех систем, объединяющих различные виды наших знаний, в образовании системы общественного блага—системы господствующей. Необходимо было, чтобы научная система, религиозная система, законодательная система, система искусств совокупными усилиями содействовали под руководством общей системы общественного блага созданию наиболее выгодной для огромного большинства организации, такой организации общества, которая была бы в высшей степени благоприятна для развития всех полезных способностей.

В этом отношении следовало сделать попытку. Желание испытать свои силы на этом поприще и побудило нас к нашему труду.

Новое христианство.

(1825).

Разговор консерватора с новатором.

Консерватор. Вы верите в Бога?

Новатор. Да. Я верю в Бога.

Консерватор. Верите ли вы в то, что христианская религия имеет божественное происхождение?

Новатор. Да, верю!

Консерватор. Если христианская религия—божественного происхождения, то она ни в какой мере не подлежит совершенствованию; тем не менее вы своими писаниями поощряете художников, промышленников и ученых к тому, чтобы совершенствовать эту религию; вы, следовательно, впадаете в противоречие с самим собой, так как ваша мысль и ваша вера приходят в столкновение.

Новатор. Указанное вами противоречие между моей мыслью и моей верой только кажущееся: ведь следует отличать то, что сказал сам Господь, от того, что его именем сказало духовенство.

То, что сказал Господь, действительно не подлежит совершенствованию, но то, что его именем сказало духовенство, составляет науку, способную к дальнейшему совершенствованию так же, как и все другие отрасли человеческого знания. Теория теологии в известные эпохи нуждается в обновлении совершенно так же, как теория физики, химии или физиологии.

Консерватор. Какую часть религии вы считаете божественной и какую вы рассматриваете как человеческую?

Новатор. Господь сказал: «Люди должны относиться друг к другу как братья». Этот высший принцип содержит в себе все, что есть божественного в христианской религии.

Консерватор. Как? Вы сводите к одному единственному принципу все то, что есть божественного в христианстве!

Новатор. Господь в силу необходимости все сводил к одному принципу; из того же принципа Он в силу необходимости все и выводил. Без этого Его воля по отношению к людям не имела бы характера системы. Было бы богохульством утверждать, что Всемогущий основывал свою религию на многих принципах.

Согласно же этому принципу, который Господь преподал людям в качестве правила их поведения, они должны организовать свое общество так, чтобы оно представляло наибольшие выгоды для наибольшего

количества людей; они должны поставить целью всех своих трудов и всех своих действий—в наикратчайшее время и наиболее полным образом улучшить моральное и физическое состояние наиболее многочисленного класса.

Я утверждаю, что именно в этом, и только в одном этом, и заключается божественная часть христианского учения.

Консерватор. Я допускаю, что Господь дал людям один принцип; я допускаю также, что Он заповедал им так устроить свое общество, чтобы обеспечить беднейшему классу наискорейшее и наиболее полное улучшение его морального и физического благосостояния; но я обращаю ваше внимание на то, что Господь оставил человеческому роду наставников. Прежде чем вознестись на небо, Иисус Христос поручил своим апостолам и их преемникам направлять поведение людей, указав им, какие применения они должны сделать из основного принципа божественной морали, и облегчив им возможность извлекать из него наиболее правильные выводы.

Признаете ли вы церковь божественным учреждением?

Новатор. Я убежден, что Господь сам основал христианскую церковь; я проникнут глубочайшим уважением и величайшим прекло-нением пред поведением отцов этой церкви.

Эти вожди первоначальной церкви открыто проповедывали всем народам единение; они призывали их к мирной совместной жизни; сильным мира сего они в положительной и весьма энергичной форме возвещали, что их первый долг состоит в применении всех средств для наискорейшего улучшения физического и морального состояния бедных.

Эти вожди первоначальной церкви создали наилучшую из всех когда-либо изданных книг,—первоначальный катехизис, в котором они подразделили деяния людей на два разряда: хорошие и дурные, т. е. такие, которые отвечают основному принципу божественной морали, и такие, которые противоречат ему.

Консерватор. Определите точнее вашу идею и скажите мне, считаете ли вы христианскую церковь непогрешимой?

Новатор. В том случае, когда во главе церкви стоят люди, наиболее способные направлять стремления общества к божественной цели, я полагаю, что церковь без всякого неудобства может считаться непогрешимой, и что общество поступает мудро, когда подчиняется ее руководству.

Я считаю отцов церкви непогрешимыми для того времени, когда они жили, но в настоящее время из всех существующих корпораций духовенство, кажется, впадает в наибольшие заблуждения, в заблуждения, приносящие наибольший вред обществу; его поведение находится в прямом противоречии с основным принципом божественной морали.

Консерватор. Итак, по вашему мнению, христианская религия находится в довольно-таки плачевном положении?

Новатор. Как раз наоборот! Никогда еще не существовало такого большого количества добрых христиан, но теперь они почти все принадлежат к советскому сословию. Христианская религия с XV века утратила свое единство действий. С этого времени христианского духовенства больше не существует. Всякое духовенство, которое пытается в настоящее время связать свои взгляды, свою мораль, свой культ и свои догматы с моральным принципом, полученным людьми от Бога, — еретично, ибо его взгляды, его мораль, его догматы и его культ в большей или меньшей степени противоречат божественной морали. Духовенство, наиболее могущественное, является в то же время и наиболее еретичным.

Консерватор. Что же станет с христианской религией, если, как вы полагаете, люди, призванные наставлять, впали в ересь?

Новатор. Христианство станет религией всеобщей и единой; жители Азии и Африки обратятся в христианство, представители европейского духовенства сделаются добрыми христианами, они откажутся от разных исповедуемых ими в настоящее время ересей. Выявится истинное христианское учение, т. е. учение наиболее общее, учение, которое может быть выведено из основного принципа божественной морали, и тогда немедленно прекратятся те различия, которые существуют в религиозных взглядах.

Первоначальное христианское учение дало обществу лишь частичную и весьма неполную организацию. Права кесаря остались независимыми от прав, предоставленных церкви. «Воздай—кесарево кесарю», — таково знаменитое положение, разделившее эти две власти. Светская власть продолжала основывать свое могущество на праве сильнейшего, между тем как церковь исповедывала тот взгляд, что общество должно признавать законосообразными лишь те установления, которые имеют целью улучшение существования наиболее беднейшего класса.

Новая христианская организация построит как светские, так и духовные учреждения на том принципе, что все люди должны относиться друг к другу как братья. — Она поставит всем этим учреждениям, какого бы рода они ни были, задачу повышать благосостояние наиболее беднейшего класса.

Консерватор. На каких фактах основываете Вы этот взгляд? Кто дает Вам право думать, что один и тот же моральный принцип сделается единственным регулятором всех человеческих обществ?

Новатор. Наиболее общая мораль, мораль божественная, должна стать единственной моралью. Это следует из ее природы и из ее происхождения.

Народ Божий, народ, получивший откровение еще до явления Христа, народ, наиболее рассеянный по всей поверхности земного шара, всегда чувствовал, что христианское учение, основы которому положены отцами церкви, было неполно; он всегда предвещал, что наступит великая эпоха, названная им мессинской, когда религиозное учение

предстанет во всей возможной всеобщности, что это учение будет управлять в равной мере действиями и светской и духовной властей, и что тогда у всех людей будет лишь одна религия, лишь одна организация.

Словом, я ясно постигаю новое христианское учение и намерен его формулировать. Я сделаю затем обзор всех духовных и светских установлений, существующих в Англии, Франции, Германии, северной и южной, Италии, Испании и России, в северной и южной Америке. Я сравню основные положения всех этих различных установлений с положениями, вытекающими непосредственно из основного принципа божественной морали, и я легко раз'ясню истину всем людям с чистым сердцем и добрыми намерениями. Истина же такова: если бы все эти установления были направлены на улучшение морального и физического благосостояния наибеднейшего класса, то они со всей возможной быстротой способствовали бы процветанью всех классов общества, всех народов.

Я—новатор, ибо я из основного принципа божественной морали делаю более прямые выводы, чем это делалось до настоящего времени. Вас же, преданных, подобно мне, общему благу, воодушевляет идея консерватизма: Вы ограничиваете свою задачу тем, что предохраняете людей от утраты принципа, который я желаю развивать дальше. Ну что ж! соединим наши усилия. Я буду развивать свои идеи, Вы же оспаривайте их, когда Вам покажется, что я уклоняюсь от пути пред-указанного людям Всемогущим.

С полной верой я принимаюсь за это великое дело. Лучший богослов—тот, который делает наиболее общие выводы из основного принципа божественной морали; лучший богослов есть истинный папа, наместник Бога на земле. Если выводы, которые я представлю, правильны, если учение, которое я намерен изложить, хорошо, — я буду говорить именем Бога.

Я приступаю к делу. Начну с разбора различных, существующих в настоящее время религий; я сравню их учения с тем учением, которое прямо вытекает из основного принципа божественной морали.

О р е л и г и я х.

Новое христианство составитя из частей, почти тождественных с теми, которые составляют в настоящее время системы различных еретических сообществ, существующих в Европе и Америке.

Новое христианство, подобно еретическим сообществам, будет иметь свою мораль, свой культ, свои догмы; оно будет иметь свое духовенство, а духовенство будет иметь своих вождей. Однако, несмотря на такое сходство организаций, новое христианство окажется очищенным от всех современных ересей, наиболее важной у новых христиан будет считаться доктрина морали, а культ и догмы будут рассматриваться ими лишь как второстепенные частности, имеющие

главной целью сосредоточить внимание правоверных всех классов на морали.

В новом христианстве вся мораль будет выводиться непосредственно из следующего принципа: люди должны относиться друг к другу как братья; и этот принцип, принадлежащий первоначальному христианству, подвергнется преобразению в том смысле, что он должен будет теперь стать целью всей религиозной деятельности.

Этот преобразенный принцип представится в следующем виде: религия должна направлять общество к великой цели наискорейшего улучшения участи наибеднейшего класса.

Основать новое христианство и стать во главе новой церкви должны люди, наиболее способные своей деятельностью содействовать увеличению благосостояния наибеднейшего класса. Обязанности духовенства сведутся к проповеди в духе нового христианского учения, к совершенствованию его будут направлены неослабные труды глав церкви.

Вот, в немногих словах, те характерные черты, которые должно в настоящих обстоятельствах развить истинное христианство. Мы сравним теперь это понимание религиозной системы с теми религиями, которые существуют в Европе и Америке; в результате сравнения мы легко получим доказательство того, что все исповедуемые в настоящее время религии, имеющие притязание быть христианскими, суть не что иное, как ереси, т.-е. что они не стремятся непосредственно к наискорейшему улучшению благосостояния наибеднейшего класса, к этой единственной цели христианства.

О католической религии.

Ассоциация католическая, апостолическая и римская наиболее многочисленна из всех европейских религиозных ассоциаций. Она обладает еще многими важными преимуществами сравнительно со всеми другими сектами, к которым принадлежит население двух континентов.

Она была непосредственным продолжением христианской общины, и это придает ей некоторую видимость ортодоксальности.

Ее духовенство наследовало большую часть тех ценностей, которые приобрело христианское духовенство благодаря многочисленным победам, одержанным им в течение пятнадцати веков в борьбе за аристократию таланта против аристократии рождения, в борьбе за преобладание в религиозной среде людей мирной жизни над военными.

Руководители католической церкви сохранили верховенство города, который уже более двадцати веков неизменно господствует в мире, опираясь сначала на силу оружия, а затем на всемогущество божественной морали; именно из Ватикана иезуиты распространяют и в настоящее время свою сеть; отсюда они властвуют над всем родом человеческим при помощи гнусной системы утонченной набожности и коварства.

Католическая, апостолическая и римская ассоциация все еще, несомненно, весьма могущественна, хотя она и одряхла значительно со времени папы Льва X, ее основателя. Но сила, которою эта ассоциация обладает, есть лишь сила материальная, и поддержать свое существование она в состоянии лишь при помощи коварства. Сила духовная, сила морали, сила христианская, сообщающая искренность и прямоту, у нее совершенно отсутствует. Одним словом, католическая, апостолическая и римская религия есть не что иное, как христианское лжеучение, как некоторая доля извращенного христианства.

Я утверждаю, что католики—еретики, и я это докажу; я докажу, что возрождение христианства уничтожит инквизицию и освободит общество от иезуитов, а также от их маккиавелевских доктрин.

Истинное христианство предписывает всем людям относиться друг к другу, как братья; Иисус Христос обещал вечную жизнь тем, которые больше всего будут споспешествовать улучшению жизни беднейшего класса как в моральном, так в физическом отношении.

Поэтому вожди церкви христианской должны быть избираемы из среды людей, наиболее способных руководить деятельностью, направленной к повышению благосостояния наиболее многочисленного класса; духовенство должно, следовательно, главным образом, заниматься наставлением верных на путь, которого они должны держаться, чтобы ускорить достижение счастья большинства населения.

Рассмотрим теперь, каким образом составлялся собор кардиналов после Льва X, основателя католической, апостолической и римской церкви; рассмотрим, каких познаний собор этот требует от тех, которым он жалует перейский сан; посмотрим, каковы те моральные и физические улучшения, которые испытал бедный класс в церковных государствах, обязанных служить примером всем другим правительствам; рассмотрим, наконец, в чем состоит учение, преподносимое католическим духовенством всем верующим данного исповедания.

Я обращаюсь к папе, называющему себя христианином, претендующему на непогрешимость, присваивающему себе титул наместника Христа, с требованием—ясно и без каких-либо таинственных речений ответить на следующие четыре обвинения в ереси, которые я предъявляю католической церкви.

Во-первых, я обвиняю папу и его церковь в ереси на следующем основании:

Учение, преподносимое католическим духовенством мирянам этого исповедания, порочно; оно вовсе не направляет их поведения на пути христианства.

Христианская религия ставит земною целью правоверных наискорейшее улучшение морального и физического существования бедного люда. Иисус Христос обещал вечную жизнь тем, кто с наибольшим рвением будет трудиться в деле улучшения благосостояния наиболее многочисленного класса.

Католическое духовенство, как и всякое другое духовенство, имеет по сему миссию возбуждать усердие всех членов общества к трудам на общую пользу.

Всякое духовенство должно, следовательно, употребить все свои интеллектуальные средства, все свои таланты на то, чтобы в проповедях своих и в своих частных общениях с людьми доказать мирянам своей веры, что с улучшением существования низшего класса необходимо связано повышение реального и положительного благосостояния и высших классов, ибо Господь смотрит на всех людей, и на богатых в том числе, как на своих детей.

Поэтому и в учении, которое духовенство несет детям, и в проповедях, с которыми оно обращается к верующим, и в молитвах, которые оно возносит к небу, так же как и во всех частях своего культа и своих догматов, оно должно сосредоточивать внимание своих слушателей на том значительном обстоятельстве, что огромное большинство населения могло бы пользоваться условиями моральной и физической жизни гораздо более удовлетворительными, чем те, которыми оно пользовалось до сих пор, и что богатые, увеличивая счастье бедных, тем самым улучшали бы и условия собственного своего существования.

Вот то поведение, которое истинное христианство предписывает духовенству; нам будет теперь легко выявить пороки того учения, которое несет католическое духовенство всем своим единоверцам.

Пересмотрите всю совокупность произведений, написанных с одобрения папы и его собора кардиналов о католической догме, исследуйте все молитвы, освященные главами церкви для произнесения верующими как мирянами, так и клириками,—вы не обнаружите в них нигде ясных указаний на цель христианской религии.—Идеи морали в этих писаниях заключаются лишь в весьма слабой степени и во всяком случае они не образуют основной сути учения; они кое-где рассеяны в огромном количестве томов, составленных в сущности из скучных повторений нескольких мистических измышлений, эти измышления ни в коем случае не могут служить руководством христианской морали; наоборот, они способствуют забвению ее возвышенных принципов.

Было бы несправедливо все огромное собрание освященных папой католических молитв обвинять в бессвязности; можно даже признать, что подбором этих молитв руководила одна последовательная идея; можно признать, что собор кардиналов направлял верующих к единой цели; но ясно, что эта цель не христианская цель, что это—цель еретическая, что эта цель состоит в том, чтобы убедить мирян, что они не в состоянии руководиться собственным своим разумом и что они должны довериться руководству духовенства, не возлагая на последнее обязанности обладать высшими способностями, чем те, которыми оно обладает.

Все части культа, так же как и все принципы католической догмы преследуют единую цель—поставить мирян в полнейшую зависимость от духовенства.

Таким образом, я обосновал свое первое обвинение в ереси, представленное мною папе и его церкви и состоящее в том, что они дают католикам дурные наставления.

Во-вторых, я обвиняю папу и кардиналов в еретичестве на следующем основании:

Я обвиняю их в том, что они совершенно не обладают теми познаниями, которые сделали бы их способными направлять верующих по пути к спасению.

Я обвиняю их в том, что они дают дурное воспитание семинаристам, что они от тех, кому жалуют иерейство, совершенно не требуют образования, необходимого им для того, чтобы стать действительными пастырями,—пастырями, способными правильно вести паству,—которая должна быть им вверена.

Богословие—вот единственная наука, которую преподают в семинариях; богословие—вот единственная наука, которую папы и кардиналы считают себя обязанными культивировать; богословие—вот единственная наука, знания которой вожди церкви требуют от тех, кто в качестве приходских священников, епископов, архиепископов и проч., предназначается руководить поведением правоверных.

И я спрашиваю, что же такое богословие? И нахожу, что это наука о подборе доказательств по вопросам догмы и культа.

Эта наука для всякого еретического духовенства является бесспорно самой важной из всех наук, так как она дает средства сосредоточить внимание верующих на пустяках и устранить из умственного горизонта христиан великую земную цель, которую они должны себе ставить, чтобы получить право на вечную жизнь, т. е. возможно более быстрое улучшение морального и физического благосостояния бедного класса.

Но богословие не может иметь большого значения для истинно христианского духовенства. Для христианского духовенства культ и догматы—лишь частности, играющие в религии чисто служебную роль; только мораль оно должно преподавать как истинное религиозное учение, а культом и догматами оно должно пользоваться не иначе, как средствами, часто подходящими для сосредоточения внимания всех христиан на морали.

Римское духовенство было ортодоксальным до восшествия на папский престол Льва X потому, что до этого времени оно превосходило мирян во всех науках, прогресс которых способствовал росту благосостояния беднейшего класса; с этих же пор оно стало еретическим, так как оно начало культивировать одно только богословие и дало превзойти себя

мирянам в искусствах, в точных науках, также как и в области промышленных способностей.

Таким образом, я доказал пред'явленное мною папе и кардиналам обвинение в ереси, основанное на дурном применении знаний и дурном воспитании, даваемом пми семинаристам.

В третьих, я обвиняю папу в еретическом поведении на следующем основании:

Я обвиняю его в том, что политика его правительства более противна моральным и физическим интересам неимущего класса его подданных — мирян, чем политика любого светского государя по отношению к его неимущим подданным.

Пусть обойдут всю Европу, и тогда должны будут признать, что население церковных областей больше других страдает от неправильного и антихристианского управления общественными интересами.

Значительные земельные богатства, составляющие часть домена св. Петра, приносившие когда-то обильные урожаи, превращены в чумные болота вследствие небрежного отношения папского правительства.

Значительная часть территории, не подвергаясь затоплению, остается без обработки, это должно быть приписано не неблагодарности почвы, а ничтожности тех выгод, которые доставляет в церковных областях труд земледельца: это занятие, не принося ни уважения, ни достаточного дохода, мало привлекает к себе людей; люди способные или обладающие капиталами, совсем не обращаются к нему. Папа оставил за собой монополию не только на все важнейшие продукты земледелия, но на все вообще предметы первой необходимости, и пользование этой монополией он жалуется тем из своих кардиналов, которые добились положения его фаворитов¹⁾.

Наконец, в церковных областях не существует никакой промышленной деятельности, хотя дешевизна рабочих рук могла там представить большие выгоды для организации мануфактур. Это происходит исключительно от недостатков управления.

¹⁾ В этом отношении, основном для существования общества, папское управление еще хуже, чем турецкое. Я укажу на один недавний случай: один булочник в Риме был присужден к высокой пене за продажу хлеба по незаконной цене. Мотивом присуждения послужило отнюдь не то, что продавец причинил убыток покупателю, отпустив ему количество менее того, которое он должен был получить; наказание имело совершенно противоположную причину: вина, повлекшая за собой наказание, состояла в нарушении интересов продавцов, в результате предоставления слишком большой выгоды покупателям.

Об'яснение этого неправоудного приговора весьма просто: почти все булочные в Риме принадлежат кардиналам, которые поэтому заинтересованы продавать хлеб как можно дороже и рассматривают, как преступление, все то, что уменьшает их доходы.

Все отрасли промышленности находятся в парализованном состоянии. Бедняки не имеют работы и умерли бы с голоду, если бы их не кормили церковные учреждения, т. е. правительство. Бедняки, кормящиеся благотворительностью, питаются плохо, и их жизнь в физическом отношении несчастна.

Но еще более несчастны они в моральном отношении, потому что живут они в праздности, матери всех пороков и всех грабежей, которыми кишит эта злополучная страна.

Таким образом, я доказал пред'явленное мною папе третье обвинение в ереси, основанное на его порочном и противохристианском образе управления его подданными—мирянами.

В четвертых, я обвиняю папу и всех те перешних кардиналов, я обвиняю также всех пап и всех кардиналов начиная с пятнадцатого столетия в ереси ещенаследующем основании.

Я обвиняю их прежде всего в том, что они дали согласие на образование двух институтов, диаметрально противоположных духу христианства, а именно: инквизиции и иезуитов; я обвиняю их далее в том, что они, начиная с этой эпохи, почти всегда оказывали свое покровительство этим двум институтам.

Дух христианства, это—кротость, доброта, любовь и больше всего честность; его оружие—убеждение и доказательства.

Дух инквизиции—деспотизм и алчность, его оружие—насилие и жестокость; дух корпорации иезуитов—эгоизм, а коварство—средство, при помощи которого они стремятся достигнуть своей цели, т. е. всеобщего господства как над людьми церковными, так и над мирянами.

Самая идея инквизиции имеет в корне порочный и противохристианский характер. Если бы даже инквизиторы отправляли гибнуть на своих ауто-да-фе только людей, виновных в противодействии моральному и физическому улучшению жизни бедных классов, даже в этом случае (что возвело бы на костры весь кардинальский собор) они действовали бы, как еретики, ибо Иисус совершенно не допускал исключения, когда запретил своей церкви употреблять насилие. Но подобная ересь инквизиторов была бы, конечно, простибельна по сравнению с ересью, которую они проявляли при исполнении своих ужасных функций.

Приговоры, вынесенные инквизицией, всегда мотивировались только мнимыми прегрешениями против догмы или против культа, прегрешениями, которые должны были бы рассматриваться лишь как легкие проступки, а не как преступления, заслуживающие смертной казни.

Эти приговоры всегда имели целью сделать католическое духовенство всемогущим. А это всемогущество достигалось ценою принесения бедного класса в жертву богатым и облеченным властью светским лю-

дям на условии, чтобы эти последние сами в свою очередь согласились подчиниться во всех отношениях господству церковников.

Что же касается Общества Иисуса, то знаменитый Паскаль так хорошо анализировал его дух, его образ действий и его цели, что я должен ограничиться отсылкой правоверных к чтению его «Lettres provinciales». Прибавлю только, что новое общество Иисуса заслуживает бесконечно большего презрения, чем старое, потому что оно стремится восстановить перевес культа и догмы над моралью, перевес, уничтоженный революцией, в то время как старые иезуиты напрягали свои усилия только лишь к тому, чтобы продлить существование подобного рода заблуждения, еще раньше введенного в церковь.

Старые иезуиты отстаивали тот порядок вещей, который уже существовал, новые же поднимают восстание против утверждающегося нового порядка вещей, более нравственного, чем старый.

Современные миссионеры, это—настоящие антихристы, ибо они проповедуют мораль, совершенно противоречащую евангельской морали. Апостолы были защитниками бедных, миссионеры же—защитники богатых и сильных против бедных, которые находят себе защитников только среди светских моралистов.

О протестантской религии.

Европейская мысль совершила огромный прогресс в пятнадцатом столетии; великие открытия, быстрые успехи были достигнуты во всех областях знаний, имеющих положительную полезность, и эти открытия, так же как эти успехи, были обязаны почти всецело трудам светских людей.

Открытие Америки обязано твердому духу Христофора Колумба; светские португальцы открыли новый путь в Индию, обогнув мыс Доброй Надежды; печатное дело было открыто и усовершенствовано светскими людьми; Данте, Ариосто и Тассо были светскими людьми; Рафаэль, Микель-Анджело и Леонардо да-Винчи точно также были светские люди; три великих закона, помощью которых Ньютон вычислил затем все небесные явления, были найдены Кеплером, человеком светским.

Медики, расширившие и оживившие европейскую торговлю, усовершенствовавшие земледелие и промышленность, были светские люди; они приобрели такое общественное значение, что их фамилия достигла ранга владетельных домов и в области светской власти стала играть, можно сказать, преобладающую роль.

Таким образом, миряне приобрели положительное превосходство над духовными людьми. В то же время науки, почитаемые светскими, перешли те пределы, которыми были ограничены выводы, извлеченные церковью из провозглашенных Иисусом принципов божественной морали. Папа и кардиналы не обладали уже более достаточной силой, чтобы управлять христианским духовенством, а это последнее не было уже более в состоянии руководить всей массой правоверных.

С другой стороны, римский двор потерял в это время значительную часть той поддержки, которую он до тех пор находил в классе плебеев против патрициев и в классе разночинцев против дворянства и феодальной власти.

Божественный основатель христианства убеждал апостолов непрерывно трудиться для поднятия низших классов общества и для уменьшения значения тех, кто был облечен правом властвования и законодательства.

До пятнадцатого столетия Церковь довольно точно шла по этому христианскому направлению. Почти все кардиналы и папы были взяты из класса плебеев и часто они выходили из семей, принадлежавших к самым низким профессиям.

Благодаря такой политике духовенство имело тенденцию неуклонно ослаблять вес и значение родовой аристократии, заменять ее аристократией талантов.

К концу пятнадцатого столетия кардинальский собор совершенно изменяет направление своей деятельности. Он отказывается от христианского направления, чтобы усвоить себе совершенно светскую политику: духовная власть перестает бороться с светской властью, она не сливается уже воедино с низшими классами общества, она не стремится уже к увеличению их значения, она не старается уже вытеснять аристократию рождения аристократией талантов; она вырабатывает такой план действий, который имеет целью сохранить значение и богатства, приобретенные работой воинствующей церкви, и наслаждаться ими, не беря на себя никаких забот и не выполняя никакой действительно общественно-полезной функции.

Чтобы достигнуть этой цели, кардинальский собор отдается под покровительство светской власти, с которой он до тех пор боролся. С королями он заключает такой нечестивый договор: Мы употребим все то влияние, какое мы сможем оказать на верующих, чтобы установить для вас самовластие; мы провозгласим вас государями Божией милостью, проповедуя догмат пассивного повиновения; мы учредим инквизицию, при помощи которой вы получите в свое распоряжение трибунал, не подчиненный никаким формальностям; мы учредим новый религиозный орден, которому присвоим наименование «Общества Иисуса». Это общество провозгласит догмат, прямо противоположный догмату христианства; оно возьмет на себя труд поставить перед Богом интересы богатых и сильных выше интересов бедных.

От вас же мы требуем, в обмен на услуги, которые мы окажем вам, в обмен на ту зави-

симось, в которую мы согласны поставить себя от вашей светской власти (происхождение которой нечестиво, ибо ее права были основаны в самом начале на праве сильнейшего), и как награду за наше предательство беднейшего класса, защиту интересов и расширение прав которого возложил на нас божественный Учредитель,— мы требуем от вас сохранения за нами той собственности, которая составляет плоды апостольских трудов воинствующей церкви, мы требуем от вас поддержки в пользовании почетными и денежными привилегиями, которыми наградили ее ваши предшественники.

Этот святотатственный договор, который был задуман священной коллегией в конце пятнадцатого столетия, был приведен в исполнение в главных своих статьях уже в начале шестнадцатого столетия.

В это-то время на папский престол взшел Лев X,—событие, весьма знаменательное в летописях религии, до сей поры совершенно недостаточно привлекавшее к себе внимание христианских философов.

Первые вожди церкви назначались всеми правоверными. Единственным основанием их назначения было то, что они считались наиболее радеющими о благе неимущих и наиболее способными открывать пути к физическому и моральному улучшению жизни наиболее многочисленного класса.

Когда вожди духовенства достигли верховной власти в Риме и превратили этот город в столицу христианского мира, когда они сосредоточили священническую власть в руках папы, то основание, определявшее выбор первосвященника, изменилось. При выборах стали обращать внимание главным образом на то, чтобы кандидат, которому собор кардиналов отдавал преимущество перед другими, обладал в наивысшей степени данными, необходимыми для сокрушения аристократии рождения в пользу аристократии талантов.

Но основания, определившие выбор Льва X, были совсем другие; они были даже противоположны тем основаниям, которые руководили прежними избирателями, с их более или менее христианскими стремлениями: в данном случае кардиналы действовали согласно с тем планом, который они приняли и который я изложил выше; они поставили себе единственную цель—сохранить за духовенством его богатства и увеличить его житейские утехы.

Лев X был сделан из того же теста, что и короли, и поэтому он совершенно не был пригоден изображать из себя папу: все его поведение, действительно, показало, что он гораздо больше дорожил своими правами по рождению, чем правами, вытекавшими из папского достоинства; он установил при своей особе по-

четную охрану, как при дворе светского владыки. Его сестра владела в Риме домом с княжеской обстановкой не в качестве близкой родственницы папы, а в качестве дочери влиятельнейшего в Италии светского государя.

Лев X оказывал покровительство поэтам, живописцам, архитекторам, скульпторам и ученым; он покровительствовал всем образованным грекам, находившим в то время убежище в Италии. Но покровительство он оказывал им в качестве светского князя и притом с единственной целью обеспечить себе радости жизни и придать своей короне светский блеск. Настоящий папа использовал бы ту высоту, на которой европейская мысль парила в это время во всех важнейших направлениях, чтобы сочетать стремления ученых, художников и руководителей больших промышленных предприятий с интересами духовенства и беднейшего класса, чтобы направить их против наследственных притязаний светской власти, происхождение которой, как я уже указывал выше, нечестиво, ибо ее начальные права были основаны на праве завоевания, т. е. на праве сильнейшего.

Первые индульгенции давались в награду за какие-либо полезные для общества работы, как, например, за постройку мостов, больших дорог и проч. Впоследствии, в ту эпоху, когда папская власть приобрела большие богатства и светский авторитет и начала деморализоваться, значение индульгенций изменилось: папы стали извращать первоначальное назначение сумм, получавшихся от продажи индульгенций, и употреблять их на осуществление своих собственных фантазий или на удовлетворение тщеславия духовенства; однако они всегда заботились о том, чтобы придать своим действиям видимость стремления к общественному благу. Лев X совершенно изменил этот образ действий; он снял маску и публично заявил, что доход, получаемый от продажи полных индульгенций, возложенной на доминиканцев в счет Святого Престола, будет употреблен на расходы по туалету его сестры.

Лев X стал эксплуатировать папский престол так, словно он представлял собой светскую власть по существу; он хотел обложить податями всех правоверных так, как он мог бы это сделать, если бы пользовался по отношению к ним правами светского князя.

В своих дипломатических сношениях с Карлом Пятым он выступал гораздо больше как князь дома Медичи, чем как папа. В результате папство не внушало более беспокойства императору. И Карл Пятый, не чувствуя уже сдержки со стороны церковной силы, единственно способной в то время ставить препятствия властолюбию светских князей, задумал проект учреждения для себя всемирной монархии, — проект, который был возобновлен Людовиком XIV и Бонапартом. Между тем из всех светских европейских князей, начиная с Карла Великого и до шестнадцатого столетия, ни один не пытался осуществлять подобный план.

Таково было положение единственной религии, существовавшей в Европе, когда Лютер поднял восстание против римского двора.

Деятельность этого реформатора естественно распадалась на две части: одну—критическую по отношению к папской религии и другую—имевшую своею целью создание новой религии, отличной от той, которою управлял римский двор.

Первая часть деятельности Лютера могла быть и действительно была законченной. Своей критикой римского двора Лютер оказал цивилизации огромную услугу; без него папизм всецело поработил бы человеческую мысль суеверным идеям, совершенно изгнав из ее кругозора мораль. И именно Лютеру мы обязаны распадением духовной власти, не находившейся уже в соответствии с состоянием общества. Но Лютер не мог бороться с ультрамонтанскими доктринами, не попытавшись сам реорганизовать христианскую религию, и вот в этой второй части своей реформаторской деятельности, в органической части своей задачи, Лютер оставил много недоделанного своим преемникам, протестантская религия в том виде, как ее изложил Лютер, представляет собой все еще только христианскую ересь. Несомненно Лютер был прав, утверждая, что римский двор уклонился в сторону от направления, указанного Иисусом апостолам; несомненно он был прав, заявляя, что установленные папой культ и догма совершенно не были способны сосредоточить внимание правоверных на христианской морали, что, наоборот, они были по своей природе таковы, что способствовали взгляду на нее, как на нечто второстепенное в религии. Но из этих двух непререкаемых истин Лютер не имел права заключить, что мораль должна быть проповедуема правоверным его времени совершенно в той же форме, в какой она была проповедана отцами церкви своим современникам. Тем менее он имел право делать из них тот вывод, что культ должен быть освобожден от всех тех чар, которыми его могут обставить искусства.

Догматическая часть Лютерово́й реформы была недостаточна; эта реформа была не полна, и ей самой необходимо в свою очередь подвергнуться реформации.

Во-первых, я обвиняю лютеран в ереси на следующем основании: Я обвиняю их в том, что они приняли слишком низкую мораль по сравнению с той моралью, какая может подходить для христиан при данном уровне цивилизации.

В виду того, что общественное мнение Европы настроено в пользу протестантизма и против католицизма, мне приходится, доказывая еретичность протестантизма, быть весьма строгим в аргументации, а это принуждает меня трактовать этот вопрос и весьма общей форме.

Иисус возложил на своих апостолов и их преемников миссию создать такую организацию рода человеческого, которая была бы наиболее способна улучшить участь бедных; вместе с тем он предписал своей

церкви, для достижения этой великой цели, пользоваться лишь мерами кротости, убеждения и доказательства.

Много времени и много различных трудов требовалось для приближения к этой цели; не следует поэтому удивляться, что она еще не вполне достигнута.

Какая часть этой задачи выпала на долю Лютера? Как он ее выполнил? Вот те два пункта, которые мне необходимо выяснить.

Для этого я намерен рассмотреть последовательно четыре важных вопроса:

1. Каково было состояние социальной организации, когда Иисус возложил на своих апостолов миссию дать роду человеческому новую организацию?

2. Каково было состояние социальной организации в то время, когда Лютер произвел свою реформу?

3. В чем заключалась та полная реформа, в которой нуждалась папская религия, чтобы принять направление, указанное Иисусом своим апостолам, в то время, когда Лютер поднял восстание против римского двора?

5. В чем состоит реформа Лютера?

Из анализа этих четырех главных вопросов и будет вытекать естественное заключение, что лютеране—еретики.

1. В ту эпоху, когда Иисус возложил на своих апостолов возвышенную миссию организовать род человеческий на благо беднейшего класса, цивилизация находилась еще в младенческом состоянии.

Общество разделялось на два крупных класса: класс господ и класс рабов. Класс господ состоял из двух каст: патрициев, творивших закон и занимавших все важнейшие должности, и плебеев, обязанных повиноваться закону, хотя они его не создавали, и занимавших вообще лишь подчиненные должности; самые крупные философы и не представляли себе, что социальная организация могла быть построена на других основах.

Совершенно еще не существовало системы морали, так как никто не открыл еще средства свести все принципы этой отрасли знания к одному единственному принципу.

Не существовало еще и религиозной системы, так как все распространенные вероисповедания допускали наличие множества богов, внушавших людям различные и даже противоречившие одни другим чувства.

Сердце человеческое не возвышалось еще до человеколюбивых чувств. Самым общим чувством, которое переживали наиболее благородные люди, было чувство патриотизма, и оно было крайне ограничено вследствие малого протяжения территории и незначительности народонаселения в государствах древности.

Одна только нация, нация римская, господствовала над другими и самовластно ими управляла.

Размеры нашей планеты совершенно не были известны, так что нельзя было принять никакого общего плана улучшений земельного достояния человеческого рода.

Одним словом, христианство, его мораль, его культ и его догма, его приверженцы и его вожди вначале были чем-то внешним для социальной организации так же, как и для обычаев и правов общества.

2. В ту эпоху, когда Лютер производил свою реформу, цивилизация значительно подвинулась вперед; со времени появления христианства общество совершенно изменило свой вид; общественная организация уже была построена на новых основаниях.

Рабство было почти целиком уничтожено; патриции уже не обладали исключительным правом издавать законы, они не занимали уже больше всех важнейших должностей; светская власть, нечестивая по своему существу, уже не господствовала больше над духовной властью, а эта последняя не находилась уже в руках патрициев.

Римский двор стал первым двором в Европе; со времени учреждения папства все папы и почти все кардиналы выходили из класса плебеев; аристократия талантов стала вытеснять аристократию богатств, так же, как и аристократию по праву рождения.

Общество обладало религиозной и моральной системами, связанными воедино, так как любовь к Богу и к ближнему сообщала характер единства основным чувствам верующих.

И именно христианство стало основой общественной организации. Оно заменило право сильнейшего, а право завоевания не считалось уже наиболее законным из всех прав.

Была уже открыта Америка, и человечество, зная всю площадь своих территориальных владений, было в состоянии создать общий план работ для использования наибольшей части нашей планеты.

Развились мирные способности и приобрели в то же время определенные черты; стали возрождаться искусства; опытные науки и промышленность начали быстро развиваться.

Чувство человеколюбия, эта истинная основа христианства, заняло во всех благоприятных сердцах место патриотизма; если все люди не поступали по отношению к себе подобным, как братья, то они все, по крайней мере, признавали, что должны смотреть друг на друга, как на детей одного отца.

3. Если бы реформа Лютера была полной, то он создал бы и провозгласил следующее учение: он обратился бы к папе и кардиналам с такими словами:

«Ваши предшественники достаточно усовершенствовали теорию христианства, достаточно распространили эту теорию, и европейцы достаточно уже пропитаны ею. Теперь вам следует заняться общим применением этого учения. Истинное христианство должно сделать людей счастливыми не только на небе, но и на земле. Не на отвлеченных идеях вы должны сосредоточить теперь внимание верующих; но применяя

надлежащим образом чувственные понятия, именно комбинируя их так, чтобы обеспечить роду человеческому наивысшую степень счастья, какой только он может достигнуть в продолжение своей земной жизни, вы добьетесь установления христианства, — этой общей, универсальной и единой религии.

«Вам не следует теперь ограничиваться проповедью верующим всех классов, что бедные суть возлюбленные дети Господа; вам нужно искренне и энергично употребить всю власть и все средства, приобретенные воинствующей церковью, чтобы быстро улучшить моральное и физическое состояние наиболее многочисленного класса. Предварительная и подготовительная работа христианства уже закончена, Вам предстоит выполнить задачу, гораздо более значительную, чем та, которую выполнили ваши предшественники. Задача эта состоит в установлении всеобщего и законченного христианства; она заключается в организации человечества согласно основному принципу божественной морали.

«Для исполнения этой задачи вы должны сделать этот принцип основой и целью всех общественных учреждений.

«Апостолы вынуждены были признать власть кесаря; они должны были сказать: «воздайте кесарю кесарево», потому что, не будучи в состоянии располагать достаточной силой для борьбы с ним, они должны были избегать опасности превратить его в врага.

«Но в настоящее время взаимоотношение духовной и светской власти совершенно изменилось, благодаря трудам воинствующей церкви. Вы должны заявить преемникам кесаря, что христианство не признает больше за ними права господствовать над людьми, — права, основанного на завоевании, т. е. на законе сильнейшего.

«Вы должны заявить всем царям, что единственное средство сделать их царствование законным состоит в том, чтобы рассматривать его как учреждение, имеющее своей целью воспрепятствовать богатым и сильным притеснять бедных; вы должны объявить им, что их единственный долг состоит в улучшении морального и физического состояния наиболее многочисленного класса, и что всякий расход, ассигнованный ими из государственного имущества, если только он не строго необходим, есть с их стороны преступление, делающее их врагами Господа.

«В вашем распоряжении находятся все необходимые средства, чтобы заставить светскую власть принять такое применение христианства, ибо ваша верховная власть признается всеми державами и вы можете располагать духовенством, разбросанным по всему пространству Европы. А духовенство будет всегда пользоваться преобладающим влиянием на светские учреждения всех народов, если оно действительно будет работать для улучшения благосостояния бедного класса, являющегося повсюду наиболее многочисленным.

«Я перехожу теперь к исследованию другого вопроса, и я выражаю вам, святейший отец, свое порицание по следующему поводу.

«Всякий раз, когда две христианские нации воюют между собою, то они обе виновны, ибо божественный основатель христианства предписал всем людям относиться друг к другу по-братски и запретил им пользоваться какими-либо другими средствами разрешения своих споров, кроме убеждения и доказательства.

«Вам следовало бы употребить всю свою папскую власть, все влияние духовенства разных наций на то, чтобы помешать войнам; но вы далеки от такого поведения, вы допускаете, чтобы духовенство обеих воюющих наций взывало каждое со своей стороны к богу воинств, являющемуся не чем иным, как божеством языческим; вы позволяете во время сражений с обеих сторон служить молебны: ваше поведение, как и поведение духовенства, поэтому совершенно нечестиво.

«Силу создает единение; общество, члены которого вступают в борьбу одни с другими, идет к разложению; спешите призвать духовенство к единству действий.

«Есть другое единство, установить которое гораздо важнее; я говорю о единстве цели для трудов христиан, для трудов всего рода человеческого. Эта цель чрезвычайно ясна, обща, положительна, реальна, ее вы должны указать людям, чтобы доставить христианству преобладание над магометанством, над религией Будды, Брамы, словом, над всеми религиями, так же, как и над всеми светскими учреждениями.

«Общая цель, которую вы должны поставить деятельности людей, это — улучшение морального и физического состояния наиболее многочисленного класса; вы должны создать такую форму социальной организации, которая была бы способна лучше направить этот строй деятельности и обеспечить его преобладание над всякой другой деятельностью, какой бы важной она ни могла казаться.

«Для быстрого улучшения участи беднейшего класса самым благоприятным было бы такое положение вещей, при котором было бы необходимо выполнить большое количество работ, требующих наибольшего развития человеческого разума. Вы можете создать это положение вещей. В настоящее время размеры нашей планеты уже известны, прикажите же людям науки, художникам и промышленникам представить к исполнению общий план работ, имеющих целью сделать земельные владения человеческого рода как можно более производительными и как можно более приятными для жизни во всех отношениях.

«Та огромная масса работ, которую вы тотчас же начнете, будет сильнее способствовать улучшению участи бедного класса, чем это могли бы сделать самые щедрые милостыни; благодаря такому образу действий богатые, нисколько не теряя от денежных пожертвований, будут богаче одновременно с бедными.

«До настоящего времени духовенство ставило перед верующими, в качестве назначения их жизни, лишь метафизическую цель: рай небесный. В результате клир оказался облеченным совершенно произвольною властью, которую он стал притом злоупотреблять самым нелепым,

самым бессмысленным образом. Так одни убеждали своих клиентов, что для достижения рая они должны истязать свою плоть ударами бича; другие, что верующие должны мучить себя, одевая власяницу; третьи, что им следует отказаться от пищи; четвертые, что нужно есть только рыбу и воздерживаться от мяса; пятые, что нужно ежедневно прочитывать неимоверное количество молитв, почти без исключения не имеющих никакого смысла и притом написанных на неизвестном для огромного большинства верующих языке; шестые, что нужно значительную часть дня проводить на коленях в церкви,—все это такие вещи, которые не могут ни в какой степени способствовать улучшению участи бедного класса.

Такой обзор действий духовенства был естествен и неизбежен во время младенческого состояния религии, но в настоящее время, когда наши понятия стали яснее и определеннее, продолжение подобных мистификаций было бы позорно для римского двора. Конечно, все христиане стремятся к вечной жизни; единственное средство достигнуть ее состоит в том, чтобы в течение этой жизни способствовать росту благосостояния человеческого рода.

«Святейший отец! В настоящий момент человечество переживает великий интеллектуальный кризис. Обнаруживаются три новых явления: возрождаются искусства, получает применение во всех отраслях наших знаний научный метод, а великие изменения в области промышленности улучшают положение бедных классов более прямым путем, чем любое из мероприятий, проведенных до сих пор как светской, так и духовной властью.

«Эти три явления суть явления мирного порядка; следовательно, в ваших интересах, в интересах духовенства—связать себя с ними. Посредством такой связи вы имеете возможность в короткое время и не встречая больших препятствий создать организацию человечества, наиболее благоприятную для повышения морального и физического состояния наиболее многочисленного класса. Благодаря такому образу действий, власть кесаря, нечестивая по своему происхождению и по своим притязаниям, окажется совершенно уничтоженной.

«Если же вы, напротив, отнесете искусства, науки и великие промышленные предприятия к делам нечестивым или, по крайней мере, к мало угодным Богу; если вы будете стремиться продлить свое господство над людьми теми же средствами, которые в средние века служили вашим предшественникам для приобретения его; если вы по-прежнему будете преподносить мистические идеи, как самые важные для счастья человечества,—художники, ученые и руководители промышленности объединятся с кесарем против вас. Они откроют глаза народным массам на бессмысленность ваших учений, на чудовищные злоупотребления вашей власти, и в вашем распоряжении не останется другого средства сохранить свое социальное существование, как стать орудием в руках светской власти. Кесарь же воспользуется вами, чтобы противодейство-

вать прогрессу цивилизации, заставив вас по-прежнему направлять внимание народа на мистические и суеверные идеи и всеми силами отвращать его от приобретения познаний в области искусств, опытных наук и промышленных комбинаций. Внушать уважение к светской власти, с которой вы до сих пор вели борьбу,— вот в чем будет состоять ваше главнейшее занятие, проповедывать пассивное повиновение королям, доказывать, что они никому не должны давать отчета в своих действиях, кроме лишь одного Бога, и что их подданные ни в каком случае не могут отказывать им в повиновении, не впадая в преступление— вот каким способом вы сохраните свои почести и свои богатства.

«Мне остается, святейший отец, сказать вам еще об одном весьма важном предмете.

«Единство папской церковной организации было по существу только единством управления; его было достаточно, чтобы связывать до сих пор различные разряды духовенства, потому что само духовенство и еще более миряне находились еще в состоянии неведения. В настоящее время это единство не может более создавать достаточной связи,— нужно, чтобы вы ясно установили единство материальной цели в деятельности духовенства,— нужно, чтобы папы давали публичный отчет в каждом своем действии,— нужно, чтобы они ясно показали, в каком отношении эти действия могут способствовать улучшению морального и физического состояния наиболее многочисленного класса.

«Папы не должны больше считаться с теми мотивами, которые они держат у себя на уме».

4. Лютер был человек весьма энергичный и одаренный большими критическими способностями, но действительно крупнейшие способности он проявил только в этой, критической, области. Так он с большой страстью и полнотой доказал, что римский двор сошел с христианского пути, что он, с одной стороны, стремится к самовластию, а с другой— старается соединиться с господствующими классами против бедных, и что правверные должны принудить его к реформе.

Но та часть его деятельности, которая касалась реорганизации христианства, была гораздо ниже того, что было здесь нужно. Он должен был принять необходимые меры к тому, чтобы поднять социальное значение христианской религии, вместо этого он содействовал возвращению ее к точке своего отправления; он снова поставил ее вне социальной организации. Поэтому он признал, что власть кесаря есть такая власть, от которой происходят все другие; за своим духовенством он сохранил лишь право обращаться с смиренной просьбой к светской власти; благодаря таким установлениям он обрек людей с миролюбивыми склонностями на постоянную зависимость от людей с неистовыми страстями и воинственными наклонностями.

Он втиснул таким образом христианскую мораль в те узкие пределы, которые были положены первым христианам тогдашним состоянием цивилизации.

Итак, я обосновал обвинение в ереси, которое я предъявляю протестантам на основании принятой ими морали, находящейся далеко позади современной нам цивилизации.

Во-вторых, я обвиняю протестантов в ереси на следующем основании:

Я обвиняю их в том, что они приняли плохой культ.

Чем больше общество совершенствуется в моральном и физическом отношении, тем более прогрессирует разделение труда в умственной и физической работе; таким образом, в обыденной жизни внимание людей направляется на все более специальные предметы по мере того, как развиваются искусства, науки и промышленность.

Отсюда следует, что общество, чем дольше оно прогрессирует, тем более чувствует потребность в том, чтобы совершенствовался и культ, ибо культ имеет целью привлекать внимание людей, регулярно собирающихся вместе в день отдыха, к интересам, общим всем членам общества, общим всему человечеству.

Реформатор Лютер, а после его смерти—руководителя реформированной церкви должны были искать средства к тому, чтобы сделать культ возможно более способным сосредоточить внимание верующих на их общих интересах.

Они должны были изыскать пути и средства, наиболее благоприятные для того, чтобы полностью развернуть перед верующими основной принцип христианской морали: все люди должны относиться друг к другу как братья. Они должны были приобщить их ум к этому принципу, приучить их применять его ко всем общественным отношениям, как бы специальными ни были области их повседневных занятий. Иначе им грозила опасность совершенно упустить из виду этот принцип в обыденной жизни.

А для того, чтобы толкать мысль людей к какой бы то ни было идее, чтобы твердо вести их в каком-либо направлении, существуют два хороших средства: следует возбуждать в них страх картиной ужасных бедствий, которые могут их постигнуть в случае поведения, несогласного с тем, какое им предписано,—или же соблазнять их теми радостями, которые с необходимостью будут вытекать из их стараний действовать в направлении, им указуемом.

Для того, чтобы вызвать в этих двух направлениях наиболее сильное и полезное действие, нужно комбинировать все средства, все возможности, какие могут предложить искусства.

Проповедник, естественно призванный пользоваться главнейшим из изящных искусств—красноречием, должен заставить свою аудиторию трепетать, рисуя то ужасное положение, в котором оказывается в этой жизни человек, заслуживший общественное презрение; он должен показать Божью руку, вознесенную над человеком, все чувства которого не подчинены человеколюбию.

Или же нужно вызвать в душе слушателей чувства более возвышенные и бодрые, внушая им представление о превосходстве радости, какую дает общественное уважение, над всеми другими радостями.

Усилия проповедников должны поддержать поэты; они должны доставлять культу поэтические сочинения, которые было бы удобно повторять хором так, чтобы все верующие становились как-бы проповедниками друг для друга.

Музыканты должны обогатить своими аккордами религиозную поэзию, придать ей музыкальный характер, проникающий в душу верующих.

Живописцы и скульпторы должны сосредоточивать внимание христиан в храмах на наиболее выдающихся христианских подвигах.

Архитекторы должны сооружать храмы так, чтобы проповедники, поэты и музыканты, живописцы и скульпторы могли по желанию зарождать в душе верующих или чувство страха или чувство радости и надежды.

Теперь ясно, на каких основах должен быть поставлен культ и какими средствами нужно пользоваться, чтобы сделать его полезным обществу.

Что же сделал в этом отношении Лютер? Он свел культ реформированной церкви к простому проповедничеству; все христианские чувства он, сколько мог, пропитал прозаическим духом; он удалил из храмов всякие живописные и скульптурные украшения; он упразднил музыку и отдавал предпочтение таким религиозным строениям, незначительные формы которых менее всего способны вдохновить сердце верующих идей общего блага.

Протестанты не преминут возразить мне так: если у католиков много поют, если их храмы украшены произведениями величайших мастеров живописи и скульптуры, то зато проповеди реформатских пасторов производят на слушателей с точки зрения общественного блага действие, гораздо более плодотворное, чем все речи католических проповедников; главная цель последних всегда состоит в том, чтобы заставить верующих папского исповедания давать как можно более денег на расходы по культу и на содержание духовенства; вследствие всего этого нельзя отрицать, что протестантский культ следует предпочесть католическому.

На это я отвечаю: цель моей работы не заключается вовсе в исследовании того, какая религия менее еретична—протестантская или католическая; я взялся доказать, что они обе еретичны, хотя и в разной степени, т. е. что ни та ни другая не является христианской. Я взялся показать, что с пятнадцатого столетия христианство было оставлено; я взялся омолодить и восстановить христианство. Я ставлю себе целью подвергнуть эту религию (в высшей степени проникнутую человеколюбием) очищению, которое освободит ее от всех суеверных и бесполезных верований и обычаев.

Новое христианство призвано доставить торжество принципам общей морали в той борьбе, которая происходит между этими принципами и стремлениями достигнуть частного блага за счет блага общего. Эта возрожденная религия призвана создать для всех народов состояние вечного мира, объединяя их против той нации, которая пожелала бы достигнуть своего частного блага за счет общего блага всего человечества, объединяя их против того правительства, которое приникнуто антихристианским духом до такой степени, чтобы обще-национальные интересы принести в жертву частным интересам правителей. Она призвана связать между собою людей науки, художников и промышленников и сделать их как общими руководителями человечества, так и защитниками специальных интересов каждого отдельного народа, входящего в состав человечества. Она призвана поставить искусства, опытные науки и промышленность во главе священных знаний, между тем как католики отнесли их к категории знаний светских. Она призвана, одним словом, предать анафеме богословие и провозгласить нечестивым всякое учение, стремящееся направлять людей к вечной жизни какими-либо другими средствами, кроме посильных трудов на улучшение участи себе подобных.

Я ясно высказался о том, чем должен быть культ, чтобы создать наиболее благоприятные условия для привлечения в дни отдыха внимания верующих к христианской морали.

Я ясно доказал, что протестантский культ лишен наиболее действительных вспомогательных средств для развития в душе верующих страстного стремления к общему благу. Я доказал, следовательно, что второе обвинение протестантизма в ереси имеет основание.

В третьих, я обвиняю протестантов в ереси на следующем основании:

Я обвиняю их в том, что они приняли плохую догму.

В то время, когда религия находилась еще в младенческом состоянии, когда народы были еще погружены в невежество, их любознательность лишь в весьма слабой степени толкала их к изучению явлений природы. С другой стороны, честолюбие человека не поднималось до такой высоты, чтобы пожелать господствовать над всей планетой и изменять ее наиболее выгодным для себя образом; у людей было тогда мало ясно осознанных потребностей; но их возбуждали сильнейшие страсти, имевшие своим основанием смутные желания, неопределенные влечения и, прежде всего, какое-то предчувствие огромного дела, которое они призваны выолнить в природе; торговля, которая впоследствии просветила мир, находилась еще только в зачаточном состоянии; каждый маленький народец был враждебно настроен по отношению ко всему остальному роду человеческому, и граждане не были связаны никакими моральными узами со всеми теми, кто не входил в состав их

общины. Благодаря этому человеколюбие могло в ту эпоху существовать лишь как чисто отвлеченное чувство.

В эту же эпоху все народы делились на два больших класса: класс господ и класс рабов; религия могла оказывать сильное влияние только на господ, потому что только они могли действовать свободно по своему усмотрению; мораль могла быть лишь наименее развитой частью религии, ибо не было взаимности обязанностей между двумя большими классами, на которые разделялось общество; гораздо большее значение сравнительно с моралью должны были иметь культ и догмат; религиозные обряды, а также рассуждения об их пользе и верования, на которых они были основаны, были теми отделами религии, которые должны были более всего привлекать как священнослужителей, так и всю массу правверных.

Одним словом, материальная сторона религии играла тем более важную роль, чем ближе мы к основанию этого института; духовная же сторона неизменно приобретала все большее значение по мере того, как развивался человеческий разум.

В настоящее время культ должен рассматриваться лишь как средство привлечения в дни отдыха внимания людей к филантропическим размышлениям и чувствам. Догматы должны приниматься лишь как собрание толкований, имеющих своей целью облегчить общее рассмотрение с точки зрения этих размышлений и этих чувств тех великих политических событий, которые могут произойти, или же облегчить применение морали в области существующих между верующими повседневных отношений.

Я разберу теперь, что думал о догме Лютер, что он об этом сказал и что он предписал на этот счет протестантам.

Лютер полагал, что христианство в момент своего возникновения представляло собой нечто совершенное, и что со времени своего основания оно все более и более ухудшалось. Этот реформатор сосредоточил все свое внимание на тех ошибках, которые совершило духовенство в продолжение средних веков; он совершенно не заметил ни того огромного движения вперед, которое сообщили цивилизации священнослужители, ни того великого общественного значения, которое они придали людям мирного труда, уменьшив могущество и значение светской власти, этой нечестивой власти, по самой природе своей стремящейся подчинить людей господству физической силы и управлять народами для своей выгоды. Лютер предписал протестантам изучать христианство по книгам, написанным в эпоху его основания, и особенно по Библии. Он заявил, что не признает никаких других догматов, кроме тех, которые изложены в священном писании.

Такое заявление Лютера было так же бессмысленно, как бессмысленно было бы утверждение математиков, физиков, химиков и всех других ученых, что разрабатываемые ими науки должны изучаться по первым произведениям, которые трактовали об их предметах.

Все сказанное сейчас мною нисколько не противоречит вере в божественность основателя христианства; Иисус мог говорить с людьми только на том языке, который был доступен их пониманию в эпоху, когда он к ним обращался; он дал в руки своим апостолам зародыш христианства и поручил своей церкви этот драгоценный зародыш; он возложил на нее заботы о том, чтобы уничтожить все политические права, происшедшие от права сильнейшего, и все те учреждения, которые служили препятствием к улучшению морального и физического существования беднейшего класса.

Достаточные данные для твердого и определенного суждения о причинах получаются посредством изучения и тщательнейшего анализа их последствий. Я последую по этому пути и разберу отдельно те главнейшие отрицательные последствия, которые вытекли из ошибки Лютера, сосредоточившего на Библии слишком уж специальное внимание протестантов: из этого разбора совершенно естественно будет вытекать заключение, что третье мое обвинение протестантской религии в ереси оказывается обоснованным.

Четыре весьма серьезных отрицательных явления произошли из слишком углубленного изучения Библии протестантами.

1. Такое изучение удалило с их горизонта идеи положительного и современного значения; оно привило им вкус к бесцельным изысканиям и внушило склонность к метафизике. И действительно, на севере Германии, являющемся очагом протестантизма, во всех произведениях наиболее известных философов и наиболее популярных романистов господствует какая-то неопределенность, смутность идей и чувств.

2. Такое изучение загрязняет воображение образами многочисленных бесстыдных пороков, изжитых уже цивилизацией, как скотоложество и кровосмесительство во всех степенях, какие только можно себе представить.

3. Такое изучение приковывает внимание к политическим стремлениям, противоречащим общественному благу; оно побуждает управляемых к установлению в обществе такого равенства, которое совершенно неисполнимо; оно мешает протестантам работать над образованием системы политики, в которой общие интересы были бы в руках людей, наиболее способных в области опытных наук, искусств, промышленных предприятий; между тем, это наилучшая социальная система, какой только может достигнуть человеческий род; ибо она самым прямым и действительным образом способствовала бы улучшению морального и физического существования бедняков.

4. Такое изучение внушает всем, занимающимся им, склонность рассматривать его, как наиболее значительную деятельность по сравнению со всеми другими; в результате этого образуются библейские общества, распространяющие среди публики миллионы экземпляров Библии ежегодно.

Вместо того, чтобы посвятить свои силы выработке и распространению учения, соответствующего состоянию цивилизации, эти лже-христианские общества дают человеколюбивым чувствам ложное направление, противоречащее общественному благу; думая служить прогрессу человеческого духа, они, наоборот, заставили бы его двигаться назад, если бы это было когда-либо возможно.

Из этих четырех важных фактов я заключаю, что мое третье обвинение протестантов в ереси с точки зрения усвоенной ими догмы вполне обосновано.

Я должен был подвергнуть протестантизм наиболее суровой критике, чтобы дать протестантам почувствовать, насколько несовершенна была реформа Лютера и насколько она уступает новому христианству, но, как я заявил в самом начале своего разбора трудов Лютера, я не менее глубоко чувствую, какие большие услуги, несмотря на все его многочисленные ошибки, он оказал обществу критической частью своей реформы. Кроме того, моя критика относится к протестантскому учению, рассматриваемому протестантами как окончательная реформа христианства, но она далека от того, чтобы нападать на упорный гений Лютера. Когда переносишься в те времена когда он жил, в те обстоятельства, с которыми ему приходилось бороться, то чувствуешь, что он сделал все, что можно было тогда сделать, чтобы заложить основы реформы и заставить их принять. Утверждая, что мораль должна привлекать внимание правоверных в гораздо большей степени, чем культ и догмат, Лютер подготовил новую реформу христианской религии, хотя бы протестантская мораль и не соответствовала совершенно состоянию современной цивилизации. Однако новое христианство вовсе не следует рассматривать как усовершенствование протестантизма. Новая формула; в которой я представляю первоначальный принцип христианства, находится совершенно вне рамок каких бы то ни было улучшений, которым до сей поры подвергалась христианская религия.

Здесь я остановлюсь. Я полагаю, господин Консерватор, что я достаточно развил свои взгляды на новое христианское учение, чтобы Вы могли теперь же вынести свое первое суждение о нем. Скажите, считаете ли Вы, что я хорошо проникся духом христианства, признаете ли Вы, что мои усилия омолодить эту возвышенную религию отнюдь не таковы, чтобы исказить ее первоначальную чистоту.

Консерватор. Я внимательно следил за Вашей речью. По мере того, как Вы говорили, мои собственные мысли прояснились, мои сомнения рассеивались, и я чувствовал, как вырастала моя любовь, мое восхищение христианской религией; моя приверженность к религиозной системе, просветившей Европу, ничуть не мешала мне понимать, что ее можно сделать совершеннее, и в этом отношении Вы меня окончательно обратили.

Совершенно очевидно, что преподанный Богом своей церкви моральный принцип,—все люди должны относиться друг к

другу как братья,—заклучает в себе все те идеи, которые Вы вкладываете в это наставление: каждое общество должно работать над улучшением морального и физического существования самого бедного класса; общество должно быть организовано так, чтобы скорее достигнуть этой великой цели.

Верно и то, что при зарождении христианства этот принцип должен был быть выражен в первой формуле и что в настоящее время должна быть применена вторая формула.

Во время основания христианства, сказали Вы, общество было разделено на два совершенно различных по своей политической природе класса: класс господ и класс рабов, что составляло как бы две различных, хотя и перемешанных между собой человеческих породы. Тогда не было никакой возможности установить полную взаимность в моральных отношениях этих двух пород; поэтому-то божественный основатель христианской религии и ограничился тем, что возвестил свой принцип морали в такой форме, чтобы сделать его обязательным для всех индивидуумов каждой человеческой породы: провозгласить свой принцип как связующее начало, сливающее воедино и господ и рабов, он тогда не мог.

Мы живем в такую эпоху, когда рабство совершенно уничтожено; теперь существуют только люди одной и той же политической породы, классы отличаются один от другого не более, чем оттенками. Из такого положения вещей Вы заключаете, что основной принцип христианства должен быть представлен такой формулой, которая делала бы его обязательным для целых масс в их отношениях между собою, при чем, конечно, он должен сохранять тот же обязательный характер для отдельных лиц в их индивидуальных отношениях. Я считаю Ваше заключение правильным и в высшей степени важным, и с этого момента, новый христианин, я присоединяю к Вашим и свои собственные усилия в деле распространения нового христианства.

Но тут я хочу вам сделать кое-какие замечания по поводу общего хода ваших рассуждений. Новая формула, в которой вы выражаете принцип христианства, охватывает всю нашу систему общественной организации; эта система опирается одновременно на философские рассуждения, касающиеся области науки, искусств и промышленности, и на религиозное чувство, наиболее распространенное во всем мире, на чувство христианское.

Ну что ж! Почему бы эту систему, составляющую предмет всех ваших мыслей, не представить с самого начала с чистой религиозной точки зрения, с наиболее возвышенной и наиболее популярной точки зрения? Зачем вам было обращаться к промышленникам, к ученым и к художникам вместо того, чтобы идти с религией прямо в народ? И даже в настоящий момент зачем губить драгоценное время на критику католиков и протестантов вместо того, чтобы тотчас же развить ваше

религиозное учение? Хотите ли вы, чтобы о вас сказали то же, что вы сказали о Лютере: он хорошо критиковал, но плохо учил?

Духовные силы человека весьма ограничены; только сосредоточивая их на одной какой-либо цели, только направляя их к одной точке, можно вызвать значительные последствия и достигнуть важных результатов. Почему же вы употребляете свои силы в первую очередь на критику вместо того, чтобы начать с учения? Почему вы с самого же начала не приступаете прямо к сути нового христианства?

Вы нашли средство сломить религиозное безразличие наиболее многочисленного класса, — ибо бедный люд не может оставаться равнодушным к такой религии, которая провозглашает своей целью как только возможно скорее улучшить его физическое и моральное существование.

Так как вам удалось воспроизвести основной принцип христианства в совершенно новом виде, то не должна ли была ваша первая забота заключаться в пропаганде этого возрожденного принципа в том классе, который больше всего заинтересован в его признании? Этот класс сам по себе бесконечно более многочисленен, чем все остальные, вместе взятые, а потому успех вашего начинания не подлежал бы сомнению.

Надо было сначала приобрести себе многочисленных сторонников, чтобы затем обеспечить себе поддержку в ваших нападках на католиков и протестантов.

Словом, как только вы сознали ясно силу, плодотворность и неопровержимость своего понимания религии, Вам следовало немедленно воплотить его в учение без всяких предосторожностей и без всякой тревоги за то, что его распространение встретит какие-либо политические препятствия или какие-либо серьезные возражения.

Вы говорите: «Общество должно быть организовано согласно принципу христианской морали; все классы должны всеми своими силами споспешествовать улучшению морального и физического существования людей, составляющих наиболее многочисленный класс; все общественные учреждения должны со всей возможной энергией и неуклонностью споспешествовать достижению этой великой религиозной цели.

«При настоящем состоянии присвящения и цивилизации не должно уже более существовать такое политическое право, которое возводило бы себя к праву сильнейшего по отношению к отдельным лицам и к праву завоевания по отношению к массам; королевская власть законна только в том случае, если короли употребляют ее на то, чтобы заставить богачей стремиться к улучшению морального и физического существования бедняков».

Какие препоны может встретить подобное учение? Разве те, кто заинтересован в его поддержке, не бесконечно многочисленнее тех, кому выгодно помешать его осуществлению? Сторонники этого учения имеют

опору в принципе божественной морали, в то время как его противники не могут противопоставить ему другого оружия, кроме привычек, приобретенных еще в эпоху невежества и варварства и нашедших поддержку в принципах иезуитского эгоизма.

Таким образом, я полагаю, что Вам следовало непосредственно приступить к пропаганде Вашего учения и подготовить миссии всем цивилизованным народам, чтобы убедить их его принять.

Новатор. Новые христиане должны обнаружить те же свойства и идти по тому же пути, как и христиане первоначальной церкви; чтобы содействовать принятию своего учения, они не должны прибегать к другим средствам, кроме силы разума. Только путем убеждения и доказательств они должны стремиться обращать католиков и протестантов; только посредством убеждения и доказательств им удастся победить этих заблудшихся христиан отречься от ереси, в которую впали папская и лютеранская религии, и искренне воспринять новое христианство.

Новое христианство, подобно христианству первоначальному, будет поддерживаться, распространяться и защищаться силою морали и общественного мнения; и если бы, к несчастью, его принятие повлекло за собой акты насилия и несправедливые приговоры, то новые христиане покорились бы этим актам насилия и несправедливым приговорам; ни в каком случае их не увидят употребляющими физическую силу против своих противников, ни в каком случае они не будут фигурировать ни в качестве судей, ни в качестве палачей.

После того как было найдено средство омолодить христианскую религию, подвергнув изменению ее основной принцип, моей первой заботой должно было быть принятие всех необходимых мер предосторожности, чтобы распространение нового учения не толкнуло бедный класс к актам насилия против богатых и правительств.

Я должен был раньше обратиться к богатым и сильным, чтобы расположить их в пользу нового учения, я должен был внушить им, что оно совершенно не идет в разрез с их собственными интересами, ибо улучшить моральное и физическое существование бедного класса явно невозможно другими средствами, кроме тех, которые приводят к увеличению наслаждений богатого класса.

Я должен был внушить художникам, ученым и руководителям промышленных предприятий, что их интересы по существу совпадают с интересами народных масс, что они принадлежат к классу работников, являясь в то же время его естественными вождями, что признательность народной массы за те услуги, которые они ей оказывают, есть единственная награда, достойная их славного труда. На этом обстоятельстве в виду его чрезвычайного значения мне нужно было особенно настаивать, так как это единственное средство дать народам вождей, действительно заслуживающих их доверия. Только эти вожди способны руководить общественным мнением, только они могут научить народные

массы здраво судить о том, соответствуют ли те или иные политические мероприятия интересам большинства населения, или же идут с ними вразрез. Наконец, я должен был с точностью указать католикам и протестантам тот момент, когда они вступили на ложный путь, чтобы облегчить им возможность вернуться на правильный. На этом мне нужно было настаивать потому, что обращение католического и протестантского духовенства дало бы новому христианству сильнейшую опору.

После этого пояснения я возвращаюсь к изложению своих взглядов. Я вовсе не стану останавливаться на всех религиозных сектах, происшедших от протестантства; наиболее важная из них, религия англиканская, настолько тесно связана с национальными учреждениями Англии, что она может быть надлежащим образом понята только в связи со всей совокупностью этих учреждений, а это рассмотрение будет иметь место тогда, когда я перейду, как я уже об этом заявлял, к разбору всех духовных и светских учреждений Европы и Америки. Греческий раскол находился до сих пор вне европейской системы, и о нем я вовсе не буду говорить; впрочем, все элементы критики этих различных ересей заключаются в критике протестантизма.

Но моя цель—не только доказать еретичность католиков и протестантов; для полного обновления христианства мне недостаточно доставить ему торжество над всеми прежними религиозными философиями,—мне нужно доказать его научное превосходство над всеми учениями философов, подвизавшихся вне религии. Развитие этой идеи я должен отложить до другой беседы, а пока я вам дам беглый обзор моего труда в его целом.

Род человеческий никогда не переставал двигаться вперед, но действовал он не всегда одинаково и не всегда употреблял одни и те же средства для увеличения запаса своих познаний и для поднятия своей цивилизации: напротив, наблюдение показывает, что с пятнадцатого века и до наших дней он шел путем, противоположным тому, которым шел от основания христианства и до пятнадцатого столетия.

Начиная с основания христианства и до пятнадцатого века человечество было главным образом занято координацией своих общих чувствований, установлением всеобъемлющего и единого принципа, созданием общего института, имеющего целью поставить аристократию таланта над аристократией рождения и вместе с тем подчинить все частные интересы общему интересу. В течение всего этого периода непосредственные наблюдения в области частных интересов, отдельных фактов и второстепенных принципов находились в пренебрежении, они стояли очень низко в общественном мнении; господствовало убеждение, что второстепенные принципы должны быть выведены из общих фактов и всеобъемлющего принципа,—убеждение чисто умозрительного характера, так как ум человеческий совершенно не обладает средствами установить с достаточной точностью общие понятия, чтобы из них можно было, как прямые следствия, вывести все частные явления.

С этим важным положением связаны и наблюдения, изложенные мною в настоящем диалоге при разборе католицизма и протестантизма.

После разложения в Европе духовной власти в результате восстания Лютера, после пятнадцатого века, человеческий ум отрешился от слишком общих точек зрения, он устремился в частности, он занялся анализом отдельных фактов, особых интересов различных классов общества; он стал работать над установлением принципов вторичного порядка, которые могли бы служить основанием для разных отраслей его знаний. В этот второй период сложилось убеждение, что рассуждения об общих фактах, общих принципах и общих интересах всего человечества—пустые и метафизические рассуждения, неспособные оказать реальное содействие успехам просвещения и совершенствованию цивилизации.

Таким образом, с пятнадцатого века человеческий ум пошел в направлении, обратном сравнительно с тем, каким он шел до этой эпохи; и, бесспорно, те важные и положительные успехи, которые явились в результате этого поворота во всех областях наших знаний, неопровержимо доказывают, насколько наши предки из эпохи средних веков ошибались, считая мало полезным изучение отдельных фактов, вторичных принципов и анализ частных интересов.

Но точно так же верно и то, что для общества получился весьма существенный вред от того пренебрежения, в котором после пятнадцатого столетия оказалось изучение общих явлений, общих принципов и общих интересов. Пренебрежение этими проблемами породило эгоистическое чувство, приобретенное господство над всеми классами и над всеми индивидуумами. Эта эгоистическое чувство, приобретенное господство над всеми классами и над всеми индивидуумами, облегчило кесарю возможность вернуть себе значительную часть той политической власти, которую он утратил до пятнадцатого столетия. В этом-то эгоизме и следует видеть причину политической болезни нашего времени,—болезни, которая обрекает на страдания всех полезных обществу работников, болезни, которая дает возможность королям поглощать наибольшую часть заработка бедняков для своих личных затрат, для затрат своих придворных льстецов и своих солдат, болезни, которая сознает непомерно высокое положение для королевской власти и родовой аристократии по сравнению с тем уважением, которое подобает ученым, художникам и руководителям промышленных предприятий за оказываемые ими обществу непосредственно-полезные и положительные услуги.

Было бы, поэтому, в высшей степени желательно, чтобы деятельность, направленная на развитие наших познаний в области общих явлений, общих принципов и общих интересов, поскорее приобрела свою прежнюю активность, чтобы она отныне пользовалась таким же покровительством общества, как и деятельность, имеющая целью изучение отдельных фактов, вторичных принципов и частных интересов.

Таков беглый обзор идей, которые будут развиты в нашей второй беседе; ее предметом будет изложение христианского учения с теоретической и научной точки зрения и доказательство превосходства христианской теории над всеми другими, как религиозными, так и научными и философскими теориями специального характера.

Наконец, в третьей беседе я прямо приступаю к изложению нового христианства или христианства законченного. Я изложу его мораль, его культ и его догмат; я предложу там исповедание веры для новых христиан.

Я покажу, что это учение есть единственное социальное учение, которое при настоящем состоянии просвещения и цивилизации могло бы удовлетворить европейцев. Я докажу, что принятие этого учения дает самое лучшее и самое верное средство избавиться от огромных затруднений, возникших в результате захвата духовной власти физической силой, происшедшего в XV веке, и прекратить этот захват путем реорганизации духовной власти на новых основаниях, путем предоставления ей достаточной силы для обуздания неограниченных притязаний светской власти.

Я докажу далее, что принятие нового христианства, подвинув вперед в одно и то же время и деятельность по разработке общих человеческих знаний, и деятельность по усовершенствованию специальных дисциплин, ускорит прогресс цивилизации бесконечно больше, чем этого могла бы достигнуть какая-либо другая общая мера.

Я кончаю эту первую беседу, свободно излагая перед вами свои мысли о христианском откровении.

Мы несомненно значительно превосходим своих предшественников в области положительных и специальных наук; только с пятнадцатого века и особенно с начала последнего столетия мы достигли огромных успехов в математике, физике, химии и физиологии. Но существует наука, гораздо более важная для общества, чем физические и математические знания, наука, складывающая общество, служащая ему основанием; это—мораль. Мораль же следовала по пути, совершенно противоположному пути физических и математических наук. Вот уже более восемнадцати веков, как провозглашен ее основной принцип, и после этого уже никакие изыскания людей крупнейшего ума не смогли открыть более высокого по своей всеобщности и определенности принципа, чем тот принцип, который в то время был преподаан основателем христианства. Я скажу больше: когда общество утратило этот принцип, когда оно перестало считать его общим руководящим началом своего поведения, оно тотчас снова подпало под иго кесаря, т. е. под власть физической силы, которую этот принцип подчинил силе духовной.

Я спрашиваю теперь: разве тот разум, который восемнадцать веков тому назад провозгласил регулирующий человеческую жизнь принцип и который, следовательно, провозгласил его за пятнадцать столетий до наших важнейших успехов в области физических и математических

наук, — разве этот разум, спрашиваю я, не имеет явно сверхчеловеческие свойства, и разве существует лучшее доказательство христианского откровения?

Да, я верю, что христианство есть божественное установление, и я убежден, что Бог оказывает особое покровительство тем, кто стремится подчинить все человеческие учреждения основному принципу этого высокого учения; я убежден, что сам выполняю божественное предназначение, призывая народы и королей к истинному духу христианства. И полный веры в божественное покровительство, оказываемое в частности моей деятельности, я чувствую в себе отвагу обратиться к объединившимся королям Европы, давшим своему союзу святое имя Священного Союза, по поводу их управления; я обращаю свою речь прямо к ним, я осмеливаюсь им сказать:

Государи!

Какова природа, каковы свойства власти, которой вы обладаете, в глазах Бога и христиан?

Каковы основы той системы общественной организации, которую вы стараетесь установить? Какие меры приняли вы для улучшения морального и физического существования бедного класса?

Вы называете себя христианами, но вы все еще основываете свою власть на физической силе, вы все еще не что иное, как преемники кесаря, вы забываете, что истинные христиане считают конечной целью своей деятельности полное уничтожение власти меча, власти кесаря, которая по своей природе есть власть всецело преходящая.

И эту-то власть вы задумали сделать основанием общественной организации? Только ей одной принадлежит, по вашему, инициатива в области всех улучшений общего характера, требуемых прогрессом просвещения? Чтобы поддержать эту чудовищную систему, вы держите под ружьем два миллиона людей, для этой же цели вы заставили все суды принять ваш принцип, вы добились от духовенства католического, протестантского и греческого открытой проповеди еретического взгляда, что власть кесаря и есть власть, регулирующая христианское общество.

Призывая народы к христианской религии знаменем вашего союза, предоставляя им пользоваться миром, этим высшим их благом, вы тем не менее не вызвали с их стороны никакой признательности; в ваших расчетах, которым вы приписываете значение общего интереса, слишком преобладает ваш личный интерес. Высшая власть в Европе, сосредоточенная в ваших руках, далека от того, чтобы быть той христианской властью, какой она должна была стать. С самого начала вашей деятельности вы обнаруживаете характерные черты и отличительные признаки силы физической, силы противохристианской.

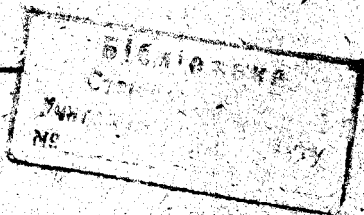
Все сколько-нибудь значительные мероприятия, которые вы провели со времени вашего объединения в священный союз, все эти мероприятия сами по себе имеют тенденцию ухудшить участь бедного класса,

и не только настоящего поколения, но и тех поколений, которые за ним последуют. Вы увеличили налоги, вы увеличиваете их из год в год для того, чтобы покрыть все растущие расходы, обусловленные вашими содержимыми на жалованья армиями и роскошью ваших царедворцев. Из ваших подданных особое покровительство вы оказываете дворянскому классу, тому классу, который так же, как и вы сами, основывает все свои права на мече.

Впрочем, ваше заслуживающее порицания поведение кажется извинительным с некоторых точек зрения. Вас должно было ввести в заблуждение одно обстоятельство, это—то одобрение, которое встретили ваши совместные усилия, направленные на ниспровержение власти новейшего кесаря. Борясь против него, вы действовали весьма по-христиански, но это исключительно потому, что приобретенная Наполеоном власть кесаря обладала гораздо большей силой, чем власть, оказавшаяся в ваших руках, в которые она попала лишь по преемству. Ваше поведение имеет еще и другое извинение, это—то, что духовенство должно было вас удерживать на краю пропасти, между тем оно бросилось туда вместе с вами.

Государь!

Прислушайтесь к гласу Бога, говорящему вам моими устами: станьте вновь добрыми христианами, перестаньте считать наемные армии, дворянство, еретическое духовенство и нечестивых судей своей главной опорой. Обединенные во имя христианства, сумейте выполнить все обязанности, которые оно налагает на власть имущих. Помните, что оно предписывает им употребить все силы на то, чтобы возможно быстрее увеличить социальное счастье бедняка.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие В. П. Волгина.	
1. Притча (1819)	1
2. Извлечение из моего труда о теории общественного устойства (1819)	5
3. О промышленной системе (1821):	
а) предисловие	14
б) послание к королю	22
в) обращение к друзьям человечества	32
4. О старой и новой политической системе (1822)	52
5. Катехизис промышленников:	
а) первая тетрадь (декабрь 1823)	59
б) вторая тетрадь (март 1824)	86
в) четвертая тетрадь (июнь 1824)	114
6. Рассуждения литературные, философские и промыш- ленные (1825)	131
7. Об общественной организации (отрывки из неиздан- ного сочинения) (1825)	154
8. Новое христианство (1825)	177

НБ ПНУС

41

НБ ИИУС

41